

УЖАЖИВАНИЯ
ЗА
АВГУСТИНОИ

СЕРИЯ: ХОТОРНЫ #0.5

<https://vk.com/amornovels>

БРИ ПОРТЕР

За четырнадцать лет до «Развода Хоторнов» двое студентов колледжа встречаются среди увитых плющом стен Гарвардского университета и тогда начинается серия событий, которая продлится годы... У тихой и загадочной Августины Грейди большие планы после колледжа, и она ничему не позволит встать у нее на пути — даже самой себе и своей внезапной скуке в жизни. Ее жизнь круто меняется, когда она привлекает внимание харизматичного и хитрого Риккарда Хоторна. Впервые в своей жизни Августина нашла кого-то, кто соперничает с ней в интеллекте и амбициях, но ее собственная осторожность угрожает разрушить их любовь еще до того, как она начнется...

ИНФОРМАЦИЯ

Просим Вас, дорогие читатели, НЕ использовать русифицированные обложки книг в таких социальных сетях, как: Тик Ток, Инстаграм, Твиттер, Фейсбук. Спасибо!

Книга: Ухаживания за Августиной

Автор: Бри Портер

Серия: Хоторны #0.5

Перевод: AmorNovels — t.me/lorenhalefucksbetter

Примечание автора

«Ухаживания за Августиной» — приквел к роману «Развод Хоторнов». Эта новелла рассказывает о том, как Риккард и Августина влюбляются друг в друга, будучи студентами колледжа, и добавляет дополнительные пояснения к основному сюжету. Рекомендуется прочитать приквел до выхода полноценной книги.

1. Августина

К тому времени, когда началась драка, все во дворе уже наблюдали за ними.

Несколько минут назад на открытом воздухе встретились две совершенно разные группы. Первая группа представляла собой разношерстное сборище парней, одетых в разную одежду — от спортивных футболок до малиновой гарвардской атрибутики.

Однако больше всего внимания привлекала вторая группа. Все они были одеты в одно и то же: рубашки с воротничками, брюки нейтрального цвета хаки, сверкающие итальянские лоферы... Я не знала никого из них лично, но знала парней с таким типажом. Сыновья миллиардеров, политиков и даже герцогов.

Напряжение нарастало, то и дело раздавались насмешки и оскорбления, но затем раздался громкий одиночный крик. Сквозь прореху между брюками я увидела, как двое парней грубо сцепились на земле, кулаки летали, кровь брызгала. За пределами телевидения я никогда не видела драк, и меня удивило, насколько неистово она выглядела.

Зрители поднялись на ноги, некоторые встали на стулья и скамейки, чтобы лучше видеть. Я могла разобрать ободряющий боевой клич и призывы к миру. По пасторальной зеленой лужайке мчалась полиция кампуса, сразу за ней бежал профессор в твидовом пиджаке.

— ...Восс, слезай с него!

— ...Убей его! Убей его!

— Хоторн, заставь их остановиться!

Самый громкий крик исходил от юноши, стоявшего на задворках толпы. Он смотрел на другого молодого человека.

Как и я, юноша остался сидеть на месте. Засунув руки в карманы, он откинулся на скамейку в парке, закинув ноги на второй стул. Его золотисто-каштановые волосы сверкали в лучах сентябрьского солнца, как ореол божественности. Красивые и аристократичные черты лица в сочетании с демонстративной ухмылкой заставили меня поверить, что его несколько не беспокоит эта драка. Более того, казалось, что его всё это забавляет.

Профессор в твидовом пиджаке обошел драку и направился прямо к парню. Он что-то сказал ему, его суровый взгляд становился всё более искаженным, чем больше он злился.

Парень что-то сказал, слишком тихо, чтобы я могла расслышать, но, видимо, попал в цель, потому что драка немедленно прекратилась. Бросив быстрый взгляд на дерущихся парней, я увидела, что из их носов течет кровь, а полицейские схватили их за плечи. Но, как и все остальные во дворе, я оглянулась на лидера группы.

К моему удивлению, его глаза уже смотрели на меня. Карие глаза цвета виски, достаточно глубокие, чтобы в них можно было опьянеть. Между нами возникло напряжение.

Его губы дрогнули, и он склонил голову, как рыцарь, приветствующий даму. Я разорвала наши взгляды.

Парень поднялся на ноги, призывая к себе своих приспешников. Слаженными движениями, словно волна, группа хорошо одетых парней покинула площадь и скрылась в здании из красного кирпича.

Я посмотрела на тетю через маленький столик в кафе. Тетя Розамунда была повернута ко мне лицом, на котором появилось странное выражение, но потом она вернула своё привычное холодное выражение. Мы наслаждались перерывом на кофе после утренней

распаковки вещей, когда весь двор взорвался переполохом.

— Один из финальных клубов, я полагаю, — ответила она на мой незаданный вопрос.

— Как ты думаешь, они состоят в том же клубе, что и дядя Карлайл?

Тетя Розамунда сделала глоток своего кофе.

— Не могу сказать, Августина. Мне не хватает знаний о Гарвардских Финальных Клубах.

— По своей воле или в силу обстоятельств?

Её глаза весело блеснули, но она не улыбнулась. Из всех членов моей семьи я больше всего была похожа на свою тетю. Физически у нас была одинаковая костная структура женщин Грейди и темно-синие глаза. Но больше всего походили друг на друга наши личности. Мы обе не спешили смеяться, безлично улыбались и были хорошо воспитаны. Вместе мы представляли более замкнутую и молчаливую часть нашей маленькой семьи.

— Ты уже поговорила со своей сестрой? — спросила она, явно закончив обсуждать Финальные Клубы.

— Поговорила. Эдди сказала, что дядя Карлайл пытается держать себя в руках, но у него это с треском проваливается.

Мои сестра и дядя в настоящее время находились на другом конце страны, в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. У нас с Эдвиной была разница в десять месяцев, но мы всегда учились в одном классе. Изначально Эвина собиралась поступать в тот же колледж, что и я, но после недолгих уговоров она согласилась следовать своим собственным амбициям и поступить в колледж своей мечты. Однако, когда до меня начала доходить реальность того, что моя сестра была за много километров от меня, часть меня пожалела, что я не убедила её в обратном.

— Никому из нас не хочется жить в тихом доме, — сказала моя тетя. Это был её способ сказать, что она будет скучать по нас. От женщин Грейди никогда не стоило ждать слез или эмоциональных заявлений. — Твой дядя очень гордится тем, что ты выбрала колледж за пределами штата, Августина.

Дядя Карлайл сказал мне то же самое в аэропорту. Когда я подавала документы в колледж, все предполагали, что моим первым выбором будет Джорджтаун. Мало того, что я смогла бы жить дома, так ещё и мой парень и одноклассники собирались поступать туда. В последнюю минуту я выбрала Гарвард, альма-матер семьи Стэнхоуп. Спустя одно письмо о том, что меня приняли, я уже была в 650 километрах от Вашингтона.

Хотя, технически, я и не была Стэнхоуп, они были на седьмом небе от счастья по поводу моего выбора. Отец дяди Карлайла, мой псевдодедушка, обзвонил всех своих старых школьных друзей и попросил их позаботиться обо мне. Он также дал мне список людей, к которым я могла бы обратиться, если бы мне вообще понадобилась какая-либо помощь. Дядя Карлайл и Стэнхоупы так много сделали для меня, и то, что я сделала их такими счастливыми в ответ, было дополнительным бонусом.

На другом конце кафе какой-то парень поймал мой взгляд и дерзко улыбнулся. У него были вьющиеся светлые волосы и рубашка с эмблемой Гарварда на ней. Парень помахал мне рукой, но я быстро отвела взгляд.

Никогда ничего не пропускающая тетя Розамунда сказала: — Как только мы закончим наш обед, почему бы тебе не присоединиться к нему?

— Я его не знаю.

— Он пригласил тебя, Августина. Полагаю, это потому, что он хочет узнать тебя

получше.

— У меня есть парень.

— И мы очень любим Джонатана, — сказала она, — но его здесь нет, и я должна признаться, я немного беспокоюсь о том, что у тебя нет друзей.

С тех пор как я была ребенком, мне было легко знакомиться с людьми, но я с трудом заводила друзей. Некоторые люди ошибочно принимали это за застенчивость или незаинтересованность, но правда заключалась в том, что точно так же, как некоторые люди рождаются экстравертами, я родилась тихой.

Тетя Розамунда нежно коснулась моей руки.

— Тебе также следует дать себе немного времени, прежде чем ты решишь, устраивает ли тебя это место.

Я положила свою руку поверх её.

— Пожалуйста, не беспокойся обо мне, тетя Розамунда. Я знаю, где проходят все мои занятия, а также познакомилась с своей соседкой по комнате и проктором. Мне не потребуется слишком много времени, чтобы освоиться.

— Могу я тебя кое о чем попросить? — спросила она. В её тоне не было ни малейшего намека на то, о чем она могла бы меня попросить, но я знала, что это, вероятно, будет не то, что мне понравится.

И все же я сказала: — Конечно.

Тетя Розамунда выдержала мой взгляд.

— Используй это время в своей жизни по максимуму, Августина. Было бы глупо прожить следующие четыре года, не создавая воспоминаний. Тебе следует завести новых друзей и совершать ошибки. Ходить на занятия с похмельем, повстречаться не с тем парнем, провалить несколько тестов.

Колледж рассматривался как время в твоей жизни, когда ты можешь вести себя немного более дико, притворяться более непобедимым, чем на самом деле. Для меня колледж был всего лишь ступенькой. Что-то, что нужно пометить галочкой в списке, прежде чем я перейду к следующему этапу жизни. Но тетя Розамунда редко — если вообще когда-либо — просила меня о чем-то, и я обдумала её просьбу.

— Ты совершала ошибки в колледже? — спросила я вместо того, чтобы дать ответ.

— Я расскажу тебе через четыре года, — сказала она, и редкая улыбка заставила её губы дрогнуть. Дядя Карлайл долго хвастался, что он единственный, кто может заставить тетю Розамунду улыбаться, но иногда нам с Эдвиной также удавалось это сделать.

В ответ я одарила ее своей собственной улыбкой.

— Дядя Карлайл совершал ошибки?

— О, конечно. Он и члены его маленького Финального Клуба. Пожалуйста, не спрашивай его ни о чем, пока тебе не исполнится хотя бы двадцать один год.

Дядя Карлайл уже немного рассказал нам с Эдвиной о своих студенческих годах. Он был членом Финального клуба, элитного общества, в котором воспитывались более состоятельные студенты с более широкими связями, и в которое, как известно, было трудно попасть. Многие миллиардеры, президенты и даже отдельные криминальные авторитеты были членами таких клубов в студенческие годы.

Дядя Карлайл был библиотекарем, ничтожная должность, но это давало ему связи. Благодаря этим связям он смог превратить свою благотворительную организацию в одну из самых признанных организаций в США. За последние четырнадцать лет Благотворительный

Навигатор¹ присваивал ему четыре звезды (самый высокий рейтинг).

Всякий раз, когда дядя Карлайл и его старые друзья по колледжу собирались вместе, они обменивались тайными взглядами и шутками, даже парой песен. Они несколько раз намекали на свои более дикие преступления, но никогда ничего явно не раскрывали. Как опытный хранитель секретов, я восхищалась этим таинственным действием, даже если мне отчаянно хотелось узнать, что же происходило на самом деле.

После одной особенно душераздирающей истории о том, как дядя Карлайл вломился в особняк конкурирующего клуба, чтобы украсть их чашу посвящения, я спросила, могу ли я однажды присоединиться к клубу. Он признал — хотя и с некоторым смущением, — что женщинам не разрешается вступать в клуб, и это резко отбило у меня интерес.

— Я постараюсь сделать все возможное, чтобы почаще выходить из своей скорлупы, — сказала я.

Ее лицо смягчилось.

— Это всё, о чём я прошу, Августина.

Пронзительный звонок её телефона прервал наш разговор, и достаточно было одного взгляда на определитель номера, чтобы морщинки вокруг её рта напряглись.

Как у нынешней главы администрации вице-президента, у тети Розамунды было много забот, и я знала, что, выбрав день из своего напряженного графика, чтобы помочь мне освоиться в колледже, она пропустила много важных встреч.

— Тебе пора? — спросила я.

Она кивнула, и в выражении её лица промелькнул намек на вину.

Тетя Розамунда ещё раз проверила моё общежитие перед отъездом, трижды удостоверившись, что у меня есть всё необходимое, и, наконец, вызвала такси. Не было ни объятий, ни рыданий, как у других родителей, прощающихся со своими детьми, но когда такси отъехало от тротуара, я заметила, как она торопливо вытирает глаза.

Вернувшись в общежитие, мой парень позвонил мне. В Джорджтауне за неделю до этого начался осенний семестр, и наши звонки становились все реже и реже. Я вполуха слушала, как Джонатан рассказывал о своих профессорах и однокурсниках.

— Я постоянно встречаю кого-то знакомого на всех своих занятиях, — сказал он. — Помнишь Джессику Карпентер с углубленного курса по географии? Она ходит со мной на занятия по *Введению в нейронауку*. Она была удивлена, что ты не выбрала Джорджтаун, — он продолжал дальше. — Как и Дэйви Кэмпбелл. Я столкнулся с ним в обеденном зале.

Джонатан и я познакомились в старших классах, и наши сверстники и семьи поощряли наши отношения. Мы оба были слишком любезны, чтобы лишиться этого, и с того момента вместе уже много лет. Джонатан хороший парень, и однажды он станет хорошим мужем. Его уважали, он был образованным и из хорошей семьи.

— Возможно, ты сможешь перевестись весной, — его тон был теплым, заботливым. — Я ненавижу представлять тебя совсем одну в Гарварде.

Прежде чем я успела ответить, он добавил: — Здесь весь наш выпускной класс. Такое чувство, что я никогда не покидал ДДШ².

Слова тети Розамунды о том, что нужно заводить новых друзей, внезапно пришли мне в голову, но я не стала их повторять. Для Джонатана знакомство со всеми в колледже было не чем иным, как преимуществом. В богатых кругах люди знали друг друга десятилетиями. От начальной до старшей школы, затем от колледжа до смерти. Мы нанимали друг друга на работу, вели бизнес друг с другом и проводили лето в домах отдыха друг у друга. Даже наши

дети женились бы на детях друг друга.

Меня это не возмущало. Ничего подобного. Но в свой последний год в школе я просто чувствовала себя немного... скучающей, незаинтересованной. Я осознала, что в моей жизни не будет никаких сюрпризов, что в некотором смысле было благословением, и как я планировала. Подача документов в Гарвард и принятие того, что я буду учиться там, были способом побороть это чувство.

Мы с Джонатаном поговорили ещё немного, прежде чем пообещать друг другу созвониться в ближайшее время снова.

На противоположной стороне комнаты моя соседка по комнате, Сахар, была погружена в книгу. Летом мы общались по электронной почте, но с тех пор, как съехались, едва ли сказали друг другу слово — обе были слишком замкнуты, чтобы прерывать наших родителей, которые вели большую часть разговора. Я вспомнила, что она планировала получить диплом экономиста. И если судить по плакату размером 59 на 84 см с *Гостевым клубом лица Оран* над её кроватью, она также была большой поклонницей аниме.

Я не хотела мешать ей читать, но слова тети Розамунды эхом отдавались у меня в голове.

— Я не знаю, во сколько ты просыпаешься, — сказала я, стараясь, чтобы это не прозвучало отчужденно или грубо, — но, если хочешь, мы можем позавтракать вместе утром?

Сахар высунула свою голову из книги, её большие глаза моргали на меня из-под темно-каштановой челки. На ее лице появилась облегченная улыбка.

— С удовольствием.

Я улыбнулась ей в ответ, прежде чем зарыться под одеяло.

2. Августина

— У тебя усталый голос, — сказала сестра по телефону, когда я вышла из Анненберг-холла и направилась на первое занятие. Августовская жара еще не успела покинуть территорию университета, а во время завтрака температура поднялась настолько, что спешившие рядом со мной студенты начали блестеть от пота.

— Я плохо спала, — ответила я, обходя птичий помёт, к облегчению своих туфель Мэри Джейн.

Эдди сочувственно вздохнула.

— Это только потому, что это новое место, Августина. Через четыре недели ты даже не вспомнишь, насколько оно отличается от дома, — она добавила: — Ты ведь помнишь про свою подушку, верно?

Я бы даже не стала спать в комнате Эдвины без своей подушки.

— Да, конечно, — чтобы отвлечь её от переживаний за меня, я спросила: — Как прошла твоя первая ориентация?

Эдвина быстро начала рассказывать о своих эксцентричных профессорах, странных соседях по комнате и скандале на вечеринке с мороженым, который закончился тем, что кто-то подмешал водку в ванильное мороженое.

В школе мы с Эдвиной всегда учились в одних классах. У нас были разные друзья, но мы все равно могли смеяться над тем, что говорили учителя, сплетничать об одноклассниках и делиться ответами на домашние задания. Теперь же наши миры были совершенно чужды друг другу, их разделяла целая страна.

Я прошла мимо группы, чьи разговоры смолкли, когда они заметили меня. *Странно.* Я опустила взгляд на себя, чтобы проверить, не измазала ли я себя хлопьями — не то чтобы я когда-нибудь измазывалась в еде. Моя белая блузка и клетчатая юбка были чистыми.

— Ты позвонишь мне перед сном? — спросила она.

— Да, конечно.

Пара девочек, заметив меня, принялась яростно шептаться друг с другом, пытаюсь спрятать то, что они указывают на меня пальцами, за учебниками.

Мы с сестрой попрощались и положили трубку.

Мне не нужно было определяться с выбором специальности до второго курса, но у меня уже было четкое представление о том, чем я хочу заниматься, и я выбирала предметы, исходя из этого. Дядя Карлайл счел, что моему прагматичному подходу не хватает студенческого духа, и настоял на том, чтобы я занялась любимым делом. *Годы страданий ещё придут*, — шутил он. *Наслаждайся тем, чем можешь, когда можешь.* Дело в том, что я не была уверена, что *люблю* что-то определенное, мне просто нравилось получать хорошие оценки.

Первая неделя была больше посвящена изучению кампуса, чем курсовой работе, и большая часть моего времени была потрачена на подготовку к вступительным экзаменам, но я бы предпочла экзамен айсбрейкерам³ и упражнениям по тимбилдингу, которым они также подвергали первокурсников. Было не так уж много забавных фактов, которые я могла бы рассказать о себе, прежде чем заказать обратный рейс в Вашингтон.

Я сдала экзамены в четверг, и мои результаты привели меня к самым трудным

предметам, включая печально известную Математику 55⁴. Когда я позвонила домой, чтобы рассказать об этом своему дяде, он вздохнул, но сказал, что гордится мной.

Поход за принадлежностями для занятий оказался скорее стрессом, чем удовольствием. Все остальные первокурсники и я носились по кампусу с нашими ламинированными расписаниями, покорно слушая, как профессора пытаются продать нам свои курсы, а затем пытаются добавить занятия к уже имеющимся нашим и без того плотным расписаниям с мастерством менеджера по логистике.

Одним из моих курсов было Обществознание 10, и оно проходило в огромном лекционном зале. Зал был круглым, многочисленные ряды сидений были обращены к небольшой кафедре и белой доске. Это был большой класс, с почти 700 учениками, и оставалось не так уж много мест со свободными сидениями рядом. Я оказалась в четвертом ряду.

— Это место занято?

Парень с ямочками на щеках и глазами цвета мха указывал на пустое место рядом со мной.

Я передвинула свои книги немного влево, показывая, что место свободно.

Он опустился рядом со мной.

— Я Райан Толливер. Откуда ты...?

Кто-то прочистил горло. Громко.

Мы оба подняли глаза. Рядом с нами стоял ещё один парень. У него был серебряный пирсинг на лице и неровно подстриженные темно-каштановые волосы. Никакой сумки или ранца, только ноутбук и записная книжка, небрежно зажатые в одной руке. В паре с рваными джинсами и поношенной футболкой группы он выглядел так, словно больше подходил для рок-концерта, чем для лекционного зала.

— Двигайся.

Райан сглотнул.

— Да, чувак, без проблем.

Мой сосед исчез, и его заменил новый парень.

От него повеяло сигаретным дымом, когда он бросил свой ноутбук на стол. Мой новый сосед не проявил ко мне никакого интереса, даже не удостоив взглядом в мою сторону. В сочетании с перешептываниями по дороге сюда моя настороженность возросла. Я чувствовала себя так, словно была слеп к чему-то прямо перед моим лицом.

Несколько мгновений я раздумывала, не сказать ли что-нибудь, но передумала. Вместо этого я обратила всё своё внимание на профессора Фулька, невысокого мужчину с впечатляющей шевелюрой и очками на кончике носа. Это был тот же самый профессор, который остановил драку во дворе — который умолял руководителя группы прекратить драку.

Мой интерес к моему таинственному соседу по парте угас, когда я погрузилась в учебную программу, даты сдачи заданий и обязательную к прочтению литературу.

В конце дня я направилась в библиотеку Вайднера. Великолепное здание в центре кампуса, построенное Элеонорой Элкинс Вайднер в честь её сына Гарри. Гарри погиб на *Титанике*, но он потратил свою жизнь на создание коллекции редких книг. Теперь эта коллекция была выставлена в библиотеке и включала в себя завершённую Библию Гутенберга.

Интерьер из мрамора и камня был достаточно великолепен, чтобы отвлечь любого от учебы, но читальный зал Локера был битком набит студентами. Когда я проходила между партами в поисках свободного места, старшеклассники поднимали головы. Их глаза следили за мной, их шепот следовал за мной, как тени.

От такого внимания мне стало не по себе, и я почувствовала облегчение, когда обнаружила небольшую нишу, уставленную зелеными книжными полками, и, за исключением проходящего мимо странного человека, совершенно пустую. За большими окнами небо потемнело, и вскоре библиотека была залита золотистым светом ламп. «*Ночь на Лысой горе*» Мусоргского гремела в моих наушниках, как я заметила, до самого вечера.

Неподалеку раздался чей-то голос, и я подняла голову. Менее чем в метре от меня стоял парень со двора. Он был одет в белую рубашку и темно-коричневые брюки, с плеча свисала потертая кожаная сумка. Выбившиеся пряди волос падали ему на лоб, а губы скривились в ухмылке.

Вблизи я могла более отчетливо разглядеть его черты. Фиолетовые круги у него под глазами, белый шрам на подбородке. На ком-нибудь другом я бы назвала их вмятинами на броне, но ему они придавали притягательный, детализированный вид. Словно вселенная потратила больше времени на его создание, включая недостатки.

Я вытащила свои наушники.

— А, вот и ты, — поприветствовал он мягким, манящим голосом. Голосом, подходящим для плохо освещенных комнат и тайных встреч. — Тебя было трудно найти.

Я внимательно наблюдала за ним. Мы играли в игру. В игру, в которой я не знала правил.

Или ставок.

Без приглашения Хоторн выдвинул свободный стул и уселся на него верхом, положив руки на спинку. При освещении его глаза казались ярче, скорее золотистыми, чем карими. Они пробежались по моим вещам, прежде чем остановиться на мне. Всё, что он видел, казалось, приводило его в восторг.

— Что ты думаешь о профессоре Фульке? — резко спросил он.

Не то, что я ожидала от него услышать.

— Он умный человек.

— А Райан Толливер? Что ты о нём думаешь?

Мой разум не мог угнаться за происходящим, перебирая скрытый смысл его слов. Парень, который сидел рядом со мной, должно быть, был как-то связан с ним.

— Он был более разговорчив, чем твой приспешник.

Хоторн ухмыльнулся, но не выглядел удивленным.

— Сорен не упоминал, что вы познакомились, — когда я промолчала, он спросил: — Как тебя зовут?

Я не видела ничего плохого в том, чтобы назвать ему своё имя, хотя и была уверена, что к этому времени он уже его знал. *Загадка*, поняла я с волнением, *без четкого ответа*.

— Августина.

Сверкнули его идеальные белые зубы.

— Здравствуй, Августина, рад с тобой познакомиться, — он прижал руку к сердцу. — Я Риккард Хоторн.

Риккард. Современная насмешка над Ричардом, но ему шло. Однако его фамилия вызвала в памяти изображения дорог, статуй и предприятий с теми же девятью буквами,

напечатанными на них.

— Я тоже рада с тобой познакомиться.

Риккард оценивающе посмотрел на меня. Мою кожу покалывало от его внимания, и волна самосознания захлестнула меня. Его взгляд был слишком внимательным, слишком расчетливым. Никто никогда не смотрел на меня так, словно пытался найти нужную ниточку, за которую можно потянуть, чтобы распутать всё моё существо. Я не была уверена, радоваться мне или ужасаться.

Мне потребовалось всё моё мужество, чтобы не заерзать на стуле, не поддаться своему дискомфорту. Я не сомневалась, что в тот момент, когда Риккард заметил бы что-нибудь, он бы ухватился за это.

Мимо нас прошли две девушки, даже не пытаясь скрыть своего любопытства. Одна из них окликнула Риккарда по имени в знак приветствия, и он помахал ей через плечо, не отводя от меня взгляда.

Как только они прошли мимо, он спросил: — У тебя есть парень, Августина?

Из всех вопросов на свете я не ожидала, что он задаст именно этот. Я уже открыла рот, чтобы ответить «нет», когда в моей голове промелькнул образ Джонатана.

— Есть.

— Мм, — его кадык дернулся, мои глаза проследили за этим движением по собственной воле. — Тебе придётся с ним расстаться.

Я вздрогнула, как будто меня ударили. Никто никогда не разговаривал со мной с такой прямоотой. Этому разговору был посвящен целый роман, который я не читала, и это привело к тому, что у меня возникло ощущение, будто я продираюсь сквозь зыбучие пески, чтобы не отставать.

Риккард элегантно поднялся, его непринужденная улыбка ни разу не дрогнула.

— Увидимся позже, Августина.

Я смотрела ему вслед, охваченная странным чувством. Только когда я лежала на своей кровати, уставившись в потолок, я поняла, что это было *волнение*. Ощущение, которое я испытывала, было *волнение*.

3. Августина

Передо мной упал конверт.

Я подняла глаза, но посыльный уже уходил. Стоявшая рядом со мной Сахар тоже подняла голову. На самом деле, весь Анненберг-холл, казалось, прекратил то, что они делали, и повернулся в мою сторону.

Анненберг-холл был столовой, предназначенной для первокурсников, массивным помещением в английском готическом стиле, стены которого были обшиты панелями из орехового дерева. Витражи создавали захватывающий дух декор, но истинным источником света были люстры, свисавшие с балочной кровли. Ряды за рядами столов из красного дерева заполняли пространство, за которыми наблюдали статуи и портреты исторических личностей.

Почти к концу моей второй недели в Гарварде я привыкла к приятному распорядку дня. Сахар и я просыпались рано, прежде чем отправиться завтракать, проводили день, переходя с семинаров на лекции, прежде чем вернуться в Анненберг на ужин. За это время я ни разу не получала писем и никогда не видела, чтобы кто-нибудь их получал.

Я взяла конверт, держа его в руках.

— Тебя *запанчили!* — сказала девушка, сидевшая параллельно мне. Её вьющиеся рыжие волосы были заплетены в тугую французскую косу, а на шее висело жемчужное ожерелье. Она выглядела так, словно только что вернулась с соревнований по конному спорту.

Запанчили. Панчинг — это термин, используемый для обозначения случаев, когда Финальные Клубы проявляли интерес к студенту и рассматривали возможность его инициации. Студент ходил на обеды, коктейльные вечеринки и общался с важными членами клуба. Если общение проходило успешно, их принимали в клуб, гарантируя пожизненный успех, связи и элитарность.

— А вот и нет, Сериз, — сказала девушка рядом с ней, которая использовала свой учебник анатомии в качестве импровизированной салфетки. Рандомные пряди выбивались из её светлого пучка, а очки сползали с носа каждый раз, когда она опускала взгляд. — Девушкам не рады в клубе «Аргус». Это братская организация, существующая на протяжении *веков*.

— С чего ты взяла, что это клуб «Аргус»? — спросила Сахар.

Она указала на конверт.

— Из-за оленя. Это же очевидно.

На обороте, лишь чуть светлее черного конверта, были изображены две оленьи головы. Их рога были сделаны в виде двух букв *A*. У дяди Карлайла были запонки с такой же эмблемой.

— Тогда зачем ещё им было давать ей приглашение, Айрис? — выпытывала Сериз.

Айрис закатила глаза, вгрызаясь в бекон с яростью, которую я могла бы описать только как животную.

— Из-за *него*, Сериз.

Сериз замолчала.

Мое любопытство взяло верх, и я воспользовалась ножом для масла, чтобы вскрыть конверт. Приглашение было размером с ладонь, напечатанное белым каллиграфическим

почерком на черном картоне.

*Мисс Грейди, мы любезно приглашаем Вас посетить
ежегодную коктейльную вечеринку клуба «Аргус».*

Пятница, 5 сентября, 7 часов.

В Бристлмор-хаусе.

Пожалуйста, возьмите это приглашение с собой.

Затем внизу, рукописным шрифтом написано: *Надень белое — Р*

Я показала приглашение Сахар, чьи глаза становились всё шире и шире по мере того, как они продвигались дальше по странице.

— Августина, ты и... эм... и Риккард вместе? — спросила она.

И Айрис, и Сериз наклонились ближе.

— Нет, у меня есть парень.

— Это никогда не останавливало таких парней, как Риккард Хоторн, — добавила Айрис.

— Нет других парней, подобных Риккарду Хоторну, — сказала Сериз. — Мы вместе учились в Академии Филлипса в Эксетере, и он был самым популярным парнем в школе. Все парни хотели быть на его месте, все девочки были влюблены в него. Даже учителя души в нем не чаяли.

Айрис закатила глаза.

— Он просто ещё один богатый избалованный парниша, который перепутал богатство с достоинством, Сериз.

— Может быть, — в голосе Сериз звучало сомнение. — Но это не значит, что он не добьется того, о чём мы даже мечтать не могли. Такие люди... Они не такие, как все мы.

— Я согласна с Сериз, — сказала Сахар. — Мой отец ведет бизнес с Найлзом Хоторном. Хоторны — династия, — она бросила на меня быстрый взгляд. — И Риккард — их наследник.

— Это вызывает у тебя интерес, Августина? — спросила Айрис.

Сериз заговорила прежде, чем я успела: — Конечно, вызывает, Айрис. Выйди замуж за Хоторна, и ты обеспечена на всю жизнь. Августина это понимает.

— Звучишь, как типичная девушка из представителей Белых англосаксонских протестантов⁵, — прокомментировала Айрис.

Сериз выглядела так, словно ей совсем не стыдно.

— Любовь умирает. Но уважение и понимание длятся вечно. Они создают династии — как семья Хоторнов.

— Ты что, совсем забыла, что случилось с Фионой Трулок? — потребовала ответа Айрис. Я никогда не слышала имени Фиона Трулок и обратилась к Сериз за разъяснениями, но она избегала моего взгляда.

— Они просто не подходили друг другу, Айрис, — защищалась Сериз.

Айрис покачала головой.

— Моя сестра учится на их курсе, Сериз. Она сказала мне, что Риккард стал для неё всем миром, воздухом в легких, а потом ему стало скучно, и он бросил её ради чего-то лучшего, — она прямо встретила мой взгляд. — Фиона Трулок была отличницей, когда она привлекла его внимание. Теперь она бродит по кампусу, как привидение. И знаешь что? Он

ведёт себя словно ничего не было. Абсолютно ничего.

— Я согласна с Айрис, — сказала Сахар беззлобно. — Такие парни ходят по воде и даже не заметят, когда ты начнешь тонуть.

Я притворилась, что оцениваю приглашение, но на самом деле я обдумывала их слова.

Моя семья была богатой и уважаемой, но наша родословная была связана с политикой, академическими кругами и загородными клубами. Хоторны были членами американской королевской семьи с родословной, уходящей вглубь веков, фамилией столь же могущественной, как Ротшильды, Борджиа или Романовы. Члены клуба были частными лицами, но их фамилии появлялись на первых полосах газет, меняли рыночный ландшафт одним упоминанием и прописывались в учебниках истории. В кампусе даже стояла статуя некоего Лесли Хоторна.

Как и сказала Сахар, Хоторны были династией.

— Вы не знаете, приглашал ли он других девушек на посвящения в клуб «Аргус»? — спросила я у Сериз. *Вы не знаете, приглашал ли он Фиону?* Вот что я на самом деле имела в виду.

Её глаза расширились.

— Ни в коем случае. Я даже никогда не слышала, чтобы у него были серьезные отношения — и поверьте мне, *вся элита Манхэттена* пыталась отдать ему своих дочерей.

Я ещё раз посмотрела на почерк Риккарда. Это приглашение не имело никакого отношения к клубу «Аргус». Это был тест, вопрос. Искал ли он ответа на нашу встречу в библиотеке?

— На твоём месте, Августина, я бы улетела отсюда первым же рейсом, — сказала Айрис. Ни Сериз, ни Сахар не опровергли её совет.

Но ты — не я, — подумала я.

— Спасибо за предупреждение.

Приглашение было как кирпич в моей сумке, пока я шла на занятия. Моё внимание было отвлечено от лекций, и вместо заметок я составила список плюсов и минусов посещения мероприятия Клуба «Аргуса». Возможно, клуб и запанчил меня, потому что технически я была наследницей Стэнхоупов, но быстрый поиск в Интернете показал мне, что даже после десятков судебных исков клуб отказывался принимать женщин. Они не стали бы пренебрегать многовековыми традициями ради племянницы библиотекаря Клуба.

Что означало, что это как-то связано с Риккардом. Я не могла решить, бросает ли он мне вызов или играет со мной. Хотя мы были, по сути, незнакомцами, я подозревала, что он заинтересовался мной, потому что я была чем-то новым, чем-то, что он не мог сразу понять. И как только он это сделает, я ему надоем.

И все же мое сердце забилося немного быстрее при мысли о том, что я снова увижу его. Сколько времени прошло с тех пор, как что-то вызывало у меня неподдельный восторг?

Когда мой последний профессор отпустил нас, я приняла решение.

Особняк клуба «Аргус» находился на Брэттл-стрит, известной также как — «Королевское шоссе» или «Тори-роу»⁶. По обеим сторонам дороги выстроились особняки в колониальном и георгианском стиле, их периметр защищали железные кованые ворота. Сквозь заборы можно было разглядеть Lamborghini и Rolls Royce, припаркованные на мощёных дорожках.

Улица была темной, если не считать редких фонарей, но при этом удивительно

оживленной. У большинства Финальных Клубов — если не у всех — были свои дома, не только самые престижные владели особняками с большим количеством спален и ванных комнат, и все они, похоже, тоже проводили свои вечера посвящения. Студенты, в основном мужского пола, направлялись в сторону предназначенных им особняков, некоторые нервничали, некоторые выглядели крайне самодовольными.

— Августина! — раздался знакомый голос.

Повернувшись, я увидела Сериз, спешащую ко мне, с пальто, натянутым до подбородка. Сегодня в Кембридже было тепло, пока солнце не зашло, и температура не упала. Но после двадцатиминутной прогулки по двору я стянула с себя пальто, чтобы охладиться.

Сериз подошла ко мне. Её рыжие волосы были заколоты в элегантный шиньон, на ней был её фирменный жемчуг.

— Меня запанчили в Пчелиный Клуб, — сказала она, прежде чем я успела спросить. Пчелиный Клуб — это женский Финальный Клуб, созданный в 1911 году в отместку мужским Финальным Клубам.

— Поздравляю, — ответила я.

— Спасибо. И моя мама, и бабушка были Пчелками, — она искренне улыбнулась мне. — Ты очень красивая. И ты надела белое.

Последняя фраза была сказана гораздо тише, как будто это был секрет.

С помощью Сахар и Эдвины по телефону я тщательно оделась для сегодняшнего вечера. Я знала, что Риккард был причиной, по которой меня пригласили, но я не собиралась ставить в неловкое положение себя или своего дядю перед старшими членами клуба.

Платье было А-силуэтного покроя, с квадратным вырезом и расклешенной юбкой, которая заканчивалась чуть выше моего колена. Уместная и официальная вещь, которую я бы надела на шикарный ужин.

Мои волосы цвета красного дерева ниспадали крупными локонами на левое плечо, собранные серебряными заколками. Мой макияж был легким и простым: розовые губы, тушь и ровно столько тонального крема, чтобы скрыть мешки под глазами и веснушки. Украшения были такими же простыми, всего лишь пара бриллиантовых сережек, которые я унаследовала от своей матери.

— Да.

Лицо Сериз просветлело.

— Все девочки говорят о тебе, — сказала она. — Они просто одержимы девушкой, которую Риккард Хоторн наконец-то выбрал.

Меня охватило беспокойство.

— Откуда они знают?

Сериз открыла рот, чтобы ответить, но тут какая-то девушка позвала её по имени. Её щеки покраснели.

— О, мне так жаль, Августина. Я должна идти — я не могу опоздать, — она уже шла в обратном направлении. — Приятного вечера!

Потом она исчезла, метнувшись к особняку с кобальтово-синей дверью.

Когда я добралась до Бристлмор-хауса дальше по дороге, стало ясно, что я здесь чужая.

Бристлмор-хаус был выложен из красного кирпича, с серой шиферной крышей и угловыми блоками того же цвета. Идеально симметричный, он имел по четыре окна в белых рамах с каждой стороны, а также два одинаковых мансардных окна на крыше. Сферические живые изгороди ведут к портику, где колонны поддерживают фронтонную крышу. Чем

ближе я подходила, тем более замысловатой выглядела декоративная лепнина, изображающая узоры из давно забытых греческих мифов.

Не богатство заставляло меня чувствовать себя не в своей тарелке, а подавляющее количество парней и мужчин, которые пробирались в поместье. У дверей каждого встречал мужчина в смокинге, который брал у них приглашения, внимательно изучал их лица, а затем отмечал их имена в своем блокноте.

— Думаю, ты не по адресу, милая, — сказал мне мужчина средних лет. Очевидно, он был выпускником, пришедшим запугать будущих членов своего студенческого клуба.

Какой стыд, подумала я. *Как только я закончу колледж, никогда не вернусь обратно.*

Я подняла своё приглашение.

— Меня пригласили, сэ.р.

Высокомерное выражение его лица изменилось, когда он прочитал его.

— Ты девочка Хоупи⁷! — он пожал мне руку, хотя, если быть более точной, он потряс всю мою руку своим впечатляющим пожатием. — Рад с тобой познакомиться, я Варфоломей Хилберн. Старый друг твоего дяди. Он безостановочно говорит о своих девочках — мы, черт возьми, не можем его заткнуть. Напомни, кто из них ты?

Я вежливо улыбнулась.

— Августина.

— Августина! Ах, его гарвардский вундеркинд, конечно, — он кивнул. — Хотя я и рад с тобой познакомиться, с сожалением вынужден сообщить, что «Аргус» предназначен только для парней. Почему бы тебе не попытаться счастья у, эм, Божьих коровок?

— Меня пригласили, — мягко напомнила я ему. — Было бы невежливо отказаться.

— Да, да, я полагаю, ты права. Может быть, кто-нибудь из стариков хочет познакомиться с девочкой Хоупи. Да, должно быть, так оно и есть.

Когда мы подошли к дворецкому, он внимательно осмотрел меня.

— Приглашение?

— Это девочка Карлайла Стэнхоупа, — сказал Варфоломей так, словно дворецкий совершил что-то вопиющее. Дворецкий никак не отреагировал.

Я протянула его ему. Он выхватил его из моих пальцев, просматривая более подробно, чем остальные. Чего бы он там ни не нашел, это заставило его вздохнуть и поставить галочку в своем блокноте.

— Можете отдать свое пальто гардеробщику, — сказал он.

Мы с Варфоломеей вошли в поместье. Несколько мужчин сразу же заметили его и помахали ему рукой. Он широко раскинул руки, издал обезьяноподобный звук, прежде чем поприветствовать их всех хлопком по спине.

Я восхитилась фойе и не удивилась, увидев, что внешняя элегантность сохранилась и в интерьере. Полы из белого мрамора, усыпанные черными бриллиантами, вели к широкой лестнице в центре комнаты. Колонны, по три с каждой стороны, разделяли фойе на гостиную и столовую. Стены были нежно-кремового цвета с белыми панелями в нижней половине. С потолка свисала массивная люстра, впечатляющая и яркая, словно фейерверк.

Все мужчины были одеты в смокинги, некоторые из парней были в костюмах, которые им были немного велики. Волосы зачесаны назад, огромные Rolex, итальянские лоферы. Элита из элиты.

— Пальто, сэ... *мадам?*

Гардеробщик не смог скрыть своего потрясения при виде меня. Я молча передала ему

своё пальто. Он, запинаясь, выполнил свои обязанности, распечатал номерок и отдал его мне.

Я отошла в сторону, и тем самым всё больше мужчин замечали моё присутствие. Было ясно, почему Риккард попросил меня надеть белое — на фоне черных смокингов я выделялась, как белая ворона.

Я прошла в ближайшую комнату, где на обеденном столе был накрыт отличный шведский стол. Было ясно, что на всё — от улиток до запечённой Аляски⁸ — не жалели средств. Мужчины двигались вокруг стола, более старшие члены клуба во все горло слушали болтовню панчи о своих достижениях и целях.

Было очень легко заметить панчи среди членов клуба. Они нервничали, были возбуждены и либо вообще избегали употребления алкоголя, либо употребляли его чрезмерно. Это была грандиозная ночь для них. Некоторые надеялись, что их примут, чтобы обеспечить своё будущее, в то время как другим необходимо было сохранить наследие своих отцов и дедов.

Единственным панчи, который, казалось, не был так обеспокоен, был Сорен. Он развалился на шезлонге цвета шалфея, попыхивая сигарой всякий раз, когда ему казалось, что он может отвлечься от этого. Он был одет в смокинг, но уже успел снять пиджак и галстук.

Мы не знали друг друга, но я была знакома с ним лучше, чем с кем-либо еще в этой комнате. Увидев меня, Сорен приветственно поднял руку.

— Августина.

— Сорен.

Он затаился сигарой и протянул её мне. Я покачала головой.

— Если ты ищешь Риккарда, тебе придется подождать своей очереди, — задумчиво произнес он. — Каждый хочет кусочек наследия Хоторнов.

Я склонила голову набок.

— А ты разве не входишь в кусочек наследия Хоторнов?

Быстрый поиск в Интернете показал, что Сорен был двоюродным братом Риккарда, сыном Гуннара Хоторна, младшего брата Найлза Хоторна. Это объясняло, почему он был единственным приглашенным первокурсником — кроме меня, конечно. И почему Райан Толливер бросился бежать, столкнувшись с ним лицом к лицу.

Губы Сорена дрогнули.

— Все старички тут поднимают шум из-за того, что тебя пригласили.

— Почему меня пригласили?

— Только один человек может ответить на этот вопрос, и его здесь нет, — он указал на гостиную, расположенную на другом конце фойе. — Думаю, что очередь начинается где-то там.

Тон Сорена был насмешливым, но в его словах была доля правды.

— Увидимся в понедельник, — сказала я.

Сорен сделал ещё одну затяжку, выпустив дым к потолку.

— Ещё увидимся, Августина.

Гостиная была битком набита членами клуба и панчи, за всеми наблюдала таксидермированная голова оленя над камином. Они смеялись и оживленно болтали о фондовом рынке, играх НФЛ и своих любовницах. В центре комнаты, похожей на центр солнечной системы, находилась небольшая группа мужчин. И вместе с ними Риккард.

Мое сердце сжалось, когда я увидела его. Он выглядел великолепно в своем хорошо подогнанном смокинге, с зачесанными назад золотисто-каштановыми волосами. Одна рука была засунута в карман, в другой он сжимал стакан. Его губы растянулись в ленивой усмешке.

Словно почувствовав меня, Риккард резко повернул голову в мою сторону. Его улыбка стала шире, сверкнув белыми зубами. К моей тревоге, он протянул ко мне руку.

— Августина! Ты пришла, — обращаясь к своей группе, он сказал: — Джентльмены, познакомьтесь с моей девушкой, Августиной Грейди.

4. Августина

Моя девушка.

У меня была лишь секунда, чтобы осмыслить этот статус, прежде чем меня втянули в их группу с вежливой отстраненной улыбкой, которая никак не выдавала моего внутреннего удивления.

— Приятно познакомиться, Августина, — проговорил ближайший ко мне парень. Его рыжевато-коричневые волосы были выбриты по бокам, а нос кривоват от слишком частых переломов. Я поняла, что *это тот самый парень из драки во дворе*. Он был крупным — гораздо крупнее других парней — его руки были шире моей шеи. — Каллен Восс.

Я пожалала ему руку, его хватка была грубой и сильной.

Следующий парень был долговязым и высоким, с утонченными, как фарфор, чертами лица. Он был на несколько лет старше, и учился вместе со мной на курсе математики. Он не разделял покладистости Каллена, а нахмурился, как будто я чем-то его обидела. — Уильям Гоф Монтгомери, — проворчал он.

Последний человек явно был самым влиятельным — и не только потому, что он был на десятки лет старше всех нас. Он опирался на трость, излучая уверенность в себе, глядя на меня сверху вниз холодными глазами. Редкие седые волосы были собраны в низкий пучок, щеки впалые, но не изможденные. Вместо галстука-бабочки на нем был красный шелковый аскот..

— Вы — первая женщина, посетившая мероприятие клуба «Аргус» с тех пор, как в 1968 году туда пробралась Пэтти Хемсворт, — сказал он жестким голосом.

Риккард тихо рассмеялся, и этот звук был подобен солнечному свету на моем затылке.

— Ох уж эти ваши интересные истории сегодня вечером, Амос.

Амос не нахмурился, а продолжал внимательно рассматривать меня. Дядя Карлайл упоминал о президенте клуба «Аргус» лишь однажды, но я помнила, что его голос был полон благоговения. Амос Ф. Дашиэлл, сын президента и внук текстильного фабриканта. Его родословную можно было проследить до Мэйфлауэра, и я сомневалась, что он когда-либо позволял кому-либо забыть об этом.

— Мой дядя очень высоко отзывается о Вас, — сказала я. — Для меня большая честь наконец-то познакомиться с вами.

Амос выпрямился.

— Что вы собираетесь изучать, юная леди?

— Историю и бизнес, сэр.

— Очень практичный выбор, — его слова не звучали голословно, но как только он их произнес, он повернулся ко мне плечом и обратился к другим членам нашей маленькой группы. — Гоф, моя жена сказала мне, что твои родители вернулись в Уэстон-хаус на осень.

— Да, сэр. Они начали ремонт в доме на Кейп-Коде и вернулись на несколько недель раньше.

Несмотря на то, что Каллен и Гоф уже были членами клуба, они продолжали рассказывать Амосу о своих достижениях и семейном имуществе. Время от времени они обращались к Риккарду за подтверждением или словами поддержки, как будто его мнение

было привратником к благосклонности Амоса.

Кто-то окликнул Амоса по имени.

— Прощу меня извинить, господа, я должен отойти пообщаться, — он склонил голову. — Восс, Монтгомери. Риккард, встретимся завтра, — его глаза встретились с моими. — Передайте моё приветствие вашему дяде, мисс Грейди.

Как только Амос ушел, маска покорности Каллена спала, и он улыбнулся мне.

— Итак, *ты* та самая знаменитая Августина Грейди. Мы так много о тебе слышали.

— Надеюсь только хорошее, — сказала я.

— О, ты даже не представляешь насколько, — засмеялся Каллен. — Но я не видел тебя ни на одной игре. Ты должна прийти завтра. Поболеть за меня.

— Ему нужна любая поддержка, — размышлял Риккард.

— Достаточно поддержки одной симпатичной девушки, — ответил Каллен, подмигнув мне. Я приподняла брови в ответ. — Все панчи так завидуют тебе. Ты *единственная*, кого лично пригласил Риккард Хоторн.

Он сделал глоток своего напитка.

— Скучный урожай в этом году.

— Значит, ты плюнул на многовековые традиции, чтобы встряхнуться? — Гоф закатил глаза. — Честно говоря, Риккард, что скажет Найлз, когда узнает?

— Позвони ему и спроси, если тебя это так волнует, Гоф, — голос Риккарда стал жестче. — Августина — моя гостья, и я ожидаю, что ты будешь обращаться с ней как с гостьей.

Все трое парней посмотрели на меня.

Я спросил Каллена: — У тебя были неприятности из-за того, что ты начал драку?

— Ничего такого, что папаша Восс не смог бы решить, — засмеялся он, потрогав свой нос, как будто прикосновение к нему навеяло воспоминания о драке. — И разве я ее начал? Это не совсем то, что я помню. Что скажешь, Риккард?

Суровое выражение лица Риккарда вновь стало непринужденным и забавным.

— Может быть, ты и не бросил первое оскорбление, но ты нанес первый удар.

— Этот думает, что он выше бездумной драки, — Каллен ткнул большим пальцем в сторону Риккарда.

— Все мы выше бездумной драки, кроме тебя, Каллен, — сказал Гаф. — Тебе просто повезло, что Фульк появился раньше, чем ты успел нанести реальный ущерб.

— Или не повезло, — размышлял Риккард.

Гаф не стал опровергать слова Риккарда.

Риккард залпом выпил свой напиток.

— Хотя это и увлекательно, джентльмены, я должен провести экскурсию для Августины.

Глаза Гофа выпучились.

— Это запрещено...

— Ты собираешься остановить меня, Уильям?

Он замолчал.

Риккард прижал руку к моей пояснице, побуждая меня отойти от группы. Мужчины уходили с нашего пути, расступаясь, как Красное море.

— Ты очень красивая, — прошептал он мне на ухо, когда мы выходили из комнаты.

Я почувствовала, что мои щеки покрылись румянцем.

— Спасибо.

Риккард повел меня вверх по мраморной лестнице, не обращая внимания на головы, которые поворачивались, чтобы посмотреть, как мы поднимаемся. На лестничной площадке он опустил руку, заведя ее за спину.

— После тебя, — он наклонил голову в сторону коридора, освещенного только свечами.

Темно-красные обои с узором из лилий встретили меня. Между золотыми бра по обеим сторонам коридора висели картины маслом в аляповатых рамах, на которых были изображены члены клуба, давно ушедшие в прошлое. И все были мужчинами, мода на портретах с годами становилась все более и более неузнаваемой.

Я остановилась перед одним из них. На нем был изображен старший Риккард, его волосы были покрыты сединой, кожа вокруг глаз и рта морщинистая, но два ярких умных глаза смотрели прямо на меня. *Найлз Хоторн, выпуск 79-го года.*

— Мой старик, — сказал Риккард рядом со мной. — Таким счастливым я его еще не видел.

Человек на портрете не выглядел очень счастливым.

— В этом зале висят портреты всех предыдущих президентов клуба, — пояснил он. — Начиная с 1892 года, когда клуб был впервые основан студентами Гарварда Эллисом Хоторном и Джорджем Дэшиэллом.

Я оглядела зал вдоль и поперек.

— Здесь не хватает места для твоего портрета.

— Нет, я не буду президентом. Ну, — добавил он со смехом, — во всяком случае, не в этом клубе. Боюсь, эта честь принадлежит Сорену.

Я подумала об эмо-панке, курящем на первом этаже.

— Это его решение?

— Его родители лишили его способности принимать решения, когда он пришел домой в шестнадцать лет с татуировкой на рукаве, — сказал он с веселым видом. — Но в конце концов он встанет в строй. Мы все так делаем.

— Даже ты? — спросила я, удивляясь. Я не могла себе представить, чтобы Риккард подчинялся чьим-либо решениям, кроме своих собственных.

Он наклонил голову.

— Особенно я.

В его словах было достаточно смысла, чтобы я сменила тему.

— Я разговаривала с Сореном. Он упомянул, что старшие члены клуба были расстроены тем, что ты пригласил меня.

— Старики всегда чем-то недовольны, Августина. Это их хоть как-то занимает, — Риккард прислонился к стене, свободно скрестив лодыжки. Он с любопытством наблюдал за мной. — Удалось ли тебе, по крайней мере, наладить хоть какие-то связи?

— Наладить связи? Я едва смогла пройти через входную дверь.

Его черты на мгновение ожесточились.

— Уолли доставил тебе неприятности?

Я предположила, что *Уолли* был дворецким.

— Зачем ты пригласил меня, Риккард?

— Пригласил тебя, Августина? — его ухмылка стала шире. — Это наше первое свидание.

Я снова почувствовала, что краснею. Еще несколько дней назад я и представить себе не

могла, что буду так смущаться, но теперь красный оттенок на моих щеках стал постоянным.

— Без ужина и кино? — мягко спросила я.

— Думаю, мы с тобой согласны, что мы выше обыденных ритуалов ухаживания наших сверстников, — промурлыкал он.

— У меня есть парень, — сказала я, чтобы напомнить скорее себе, чем Риккарду.

— Ты до сих пор с ним не рассталась? — в его голосе звучало не столько раздражение, сколько любопытство.

Я покачала головой.

Хотя я не могла отрицать своего интереса к Риккарду, я была слишком осторожна, чтобы позволить его буре увлечь себя. Джонатан и я смогли бы построить что-нибудь вместе. Мы никогда не ставили бы друг друга в неловкое положение, никогда не ожидали бы, что другой поставит одного из нас выше своей работы. Не было бы страстной или захватывающей любви, как в кино, но мы бы уважали друг друга, заботились друг о друге.

Риккард был не таким. Наследник Хоторнов, вероятно, будет женат несколько раз, и всегда после этого будет скандал, повестка в суд или федеральный агент. Совсем не то, что я планировала для себя.

— Мы помолвлены, но пока без кольца, — сказала я.

— Если дело только в кольце, Августина, — рассмеялся он, — то тебе следовало просто сказать мне об этом.

— Ты нарочно недалёкий.

Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но закрыл его и ухмыльнулся. Его глаза сверкали, слово два солнца.

— Да, наверное, так и есть.

Я прислонилась к противоположной стене. Какая-то часть меня понимала, что я должна уйти, взять пальто и вернуться в общежитие. Но все, что меня ждало — это еще одна ночь, наполненная рутиной, которая приведет к утреннему распорядку, который никогда не отклоняется от нормы, и в этот момент я не могла смириться с этой мыслью.

— Почему женщинам не разрешают проходить инициацию? — спросила я.

Риккард пожал плечами.

— Свод правил был написан до моего рождения и будет жить еще долго после, — он наклонил голову в сторону, когда я ничего не сказала. — Ты хочешь присоединиться?

— Я бы не отказался от связей.

— О как? — он смотрел на меня так, словно разглядывал головоломку, которой не хватало одного кусочка. — И что бы ты делала со своими связями?

— Я уверена, ты сможешь с этим разобраться.

Мы замолчали. Я продолжала смотреть на него, не в силах отвести взгляд.

— Что ты видишь? — его голос был тих. — Что ты видишь, когда так смотришь на меня?

Я не была готова ответить на этот вопрос. Поэтому я спросила в ответ: — А что ты видишь, когда смотришь на меня?

Он начал цитировать вслух:

Богиня мне мила другая —

Ты, Меланхолия благая,

Чей лик нарочно зачернен,

Затем что слишком светел он

Для слабого людского взора.

Его мелодичный голос четко выговаривал слоги, произнося стихотворение с легкостью и уверенностью человека, который делал это тысячу раз до этого.

— Джон Мильтон, — быстро сказала я. — *Il Penseroso*⁹.

Он кивнул.

— Я... я напоминаю тебе стихотворение?

— Да, — сказал он, его голос был напряженным. Я могла бы поклясться, что видела, как потемнели его щеки, но из-за света было трудно сказать наверняка. Внезапно он выпрямился и жестом указал в сторону лестницы. — Мы должны присоединиться к остальным. Иначе они могут подумать, что мы замысливаем что-то нехорошее.

— Да, думаю, мне пора.

На лице Риккарда ничего не отразилось. Я повернулась к нему спиной и стала выходить из коридора. Он окликнул меня: — В следующую пятницу.

Я остановилась и обернулась, чтобы посмотреть на него.

— В следующую пятницу?

— Мы тут устраиваем большую вечеринку в честь наших... панчи, если тебе это интересно ты должна прийти.

— Может быть, — сказала я, повернулась и ушла.

Все члены и панчи смотрели на мой уход с ликованием, как будто они выиграли невидимую битву. Их злорадство омывало меня так же легко, как сентябрьский ветерок. В конце концов, я была единственной, кто получил личное приглашение от Риккарда Хоторна.

5. Августина

В понедельник вечером после коктейльной вечеринки в клубе «Аргус» я сидела, скрестив ноги, на кровати и раскладывала карточки с заметками. Сахар была на учебном свидании с парнем с одного из ее курсов, которое, по ее словам, было больше *учебой*, чем свиданием. Тем не менее, я пообещала дождаться ее.

В наушниках звучали ноты «*Времен года*» Вивальди, пока их не прервал пронзительный звонок моего телефона.

Это была тетя Розамунда. Я перепроверила время. Было уже почти полночь.

— Все в порядке? — спросила я, как только ответила.

— Да, конечно, — тетя Розамунда не выглядела расстроенной, но, впрочем, она никогда и не была расстроенной. — Я звонила, чтобы узнать как ты.

— Так поздно?

— Я ведь не разбудила тебя, правда?

— Нет, конечно, нет, — я зажала телефон между плечом и ухом, бездумно перебирая пальцами края своих карточек. — Как дела дома?

— Как обычно, — она сделала паузу. — Ты хорошо устроилась, дорогая?

— Да, — потом добавила: — У меня даже появились друзья. Несколько девочек моего возраста.

— О, это замечательно. Не могу выразить, как мне приятно это слышать, — последовала еще одна пауза. — У моего звонка была причина.

— О?

— Сегодня утром Бартоломью Хилберн разговаривал с твоим дядей, — пояснила она. — Он сказал, что видел тебя на коктейльной вечеринке в клубе «Аргус». Также он сказал, что ты была приглашена — и что весь вечер ты провела с Риккардом Хоторном.

Я ничего не ответила.

— Бартоломью даже упомянул, что, по его мнению, вы двое встречаетесь, над чем, конечно, твой дядя посмеялся. Но...

— Как ты думаешь, мне стоит рассказать об этом Джонатану?

— Джонатану? Что, нет... о, я имею в виду, это не мое дело. Я просто позвонила, чтобы предупредить тебя держаться подальше от этого парня Хоторна.

Карточка с заметками выскользнула из моей руки. *Предупредить меня?* Дядя Карлайл и тетя Розамунда никогда не были теми опекунами, которые запрещают встречаться с парнями. У нас с Эдди даже не было комендантского часа.

— От него одни неприятности, и он не подходит тебе, Августина, — продолжала она. — Мне бы не хотелось, чтобы тебе разбили сердце.

— Мы просто...

Друзья — слишком простое слово, но что еще можно придумать?

— Друзья.

— О, он приглашает своих друзей на эксклюзивные мероприятия клуба «Аргус»? — должно быть, она поняла, что ее тон был слишком резким, потому что она смягчила его, сказав: — Семья Хоторнов... они не такие, как все мы. Они не уважают никого, кто не принадлежит к их числу. А такая девушка, как ты? Они съедят тебя и выплюнут, дорогая.

Я ничего не сказала.

— Пожалуйста, просто поверь мне на слово, Августина. Разве я когда-нибудь обманывала тебя или была неразумна в своих просьбах?

— Нет.

— Вот именно, нет, — согласилась она. — Ты умная и красивая девушка с блестящим будущим. Идеальная жертва для скучающего мальчишки Хоторна, у которого слишком много денег и власти.

Я провела пальцем по контуру своего носка. Я чувствовала себя одновременно спущенной и оправданной. Вполне подходящая комбинация.

— Августина?

— Я буду держаться от него подальше.

— Спасибо, дорогая, — должно быть, она почувствовала, что у меня портится настроение, потому что добавила: — Может быть, ты прилетишь в пятницу и проведешь с нами выходные? Мы с твоим дядей будем рады тебя видеть. Мы можем пригласить Джонатана на ужин.

Пятница. Я была настолько выбита из колеи, что почти не поняла как ответила: — Я бы с радостью, тетя Розамунда, но у меня групповой проект. Как насчет следующих выходных?

Легкий ветерок доносил звон колоколов Мемориальной церкви, когда я шла через двор, прижимая книги к груди. Листва над головой начинала окрашиваться в оранжево-красный цвет — признак того, что октябрь уже не за горами. Занятия становились все более интенсивными, приближались сроки сдачи экзаменов, а объем обязательной литературы увеличивался на несколько страниц.

Я завернула за угол Университетского корпуса и остановилась.

Возле бронзовой статуи Джона Гарварда, однофамильца университета, стояла знакомая группа парней. Они смеялись, хлопали друг друга по спине. Несколько восторженных туристов фотографировали их рядом со статуей, и я не могла их винить, особенно когда мой взгляд остановился на Риккарде.

Он стоял, свободно сложив руки на груди, с озадаченным выражением лица.

Потом он повернул голову в мою сторону, и наши взгляды встретились через расстояние. Весь воздух покинул мои легкие. На его губах появилась ухмылка, и он жестом пригласил меня подойти.

Я сделала неуверенный шаг вперед, пока предупреждение тети Розамунды не прозвучало в моей голове почти так же громко, как церковный колокол. Еще ни разу в жизни я не была нерешительной. Осторожной — да. Но, сделав выбор, я всегда доводила его до конца.

Я развернулась и скрылась за дверями холла, не понимая, почему у меня в животе словно образовалась пропасть.

В Бристлмор-хаусе больше не было атмосферы элегантности.

Вместо этого студенты заполнили все щели лужайки и портика, балансируя красными стаканчиками в руках и сигаретами в других. Группа студентов начала раздеваться и бежать по мощеной дорожке, их белые задницы были яркими, как луна на небе. На окнах висело объявление с надписью: *Не блюешь? Не участвуешь!*

Сахар прислонилась своим плечом к моему.

— Как мы сможем найти Айрис, когда здесь столько людей?

У меня не было ответа.

Внутри было такое же безумие. Темные неоновые лампы давали слабое освещение, но достаточно, чтобы разглядеть сбившиеся в кучу тела, которые извивались и танцевали. То, что когда-то было со вкусом и изысканностью, теперь превратилось в некое подобие пьяного разгула. На смену богатым членам клуба «Аргус» пришли первокурсницы в обтягивающих платьях и старшекурсницы в спортивных костюмах.

Некоторые студенты спускались по парадной лестнице на подносах, врезаясь в ножки и колонны. Всякий раз, когда ритм стихал, диджей кричал: *К черту декана!*, что вызывало громкие аплодисменты. Каждый раз люстра сотрясалась от их силы.

Сахар схватила меня за запястье, чтобы нас не разлучили, и мы вместе протиснулись сквозь толпу людей в помещение, которое когда-то было столовой. Изысканный шведский стол исчез, вместо него стояла огромная бочка с чем-то, называемым «Сок джунглей».

Сахар что-то сказала, но я не смогла разобрать слов. Она указала на дверь.

Мы вошли на кухню и тут же покачнулись, когда до нас донесся запах. Единственное, что здесь готовилось — это студенты с красными глазами, которые лениво смотрели друг на друга. Но, по крайней мере, здесь было тише.

— Ты видела Айрис? — спросила Сахар.

Я покачала головой, чувствуя, как легкие горят от пассивного курения.

— Давай попробуем поискать в гостиной... ну, или на танцполе.

Мы снова двинулись в толпу и, скорее благодаря удаче, чем мастерству, нашли Айрис и Сериз. Сериз была окружена другими девушками из Пчелиного Клуба, все они подобрали жемчуг к своим облегающим платьям до бедер. Айрис сидела вне этой группы и делала вид, что разговаривает по телефону, когда не посылала хмурые взгляды в сторону Сериз.

Когда она заметила нас с Сахар, выражение ее лица на мгновение стало счастливее. Она подвинулась, чтобы мы могли присоединиться к ней на диване.

— Вы не хотите чего-нибудь выпить? — крикнула Айрис, перекрывая музыку.

Мы с Сахар покачали головами. В ответ Айрис пожала плечами.

Я обвела глазами комнату, и, словно притянутый невидимой рукой, мой взгляд сразу же наткнулся на Риккарда. Он стоял у камина, положив руку на каминную полку, устраивая прием для всех своих жаждущих приспешников, которые заполнили окружающие диваны и кресла. Морда оленя над ним была украшена малиновой боевой раскраской и большой цифрой 8 на щеке.

Риккард был одет в повседневную белую рубашку на пуговицах и темные брюки, несколько верхних пуговиц были расстегнуты. Непослушные пряди его волос упали ему на лоб, и что-то уродливое развернулось у меня внутри, когда я увидела, как пьяная, но великолепная девушка потянулась вперед, ее рот открылся от смеха, когда она откинула назад его волосы.

Он встретил мой взгляд. В воздухе стало душно.

Риккард на мгновение уставился на меня, выражение его лица было неразборчивым. Я слабо улыбнулась. Вместо ответной очаровательной улыбки он отвернулся от меня, вернувшись к обсуждению того, о чем говорил ранее.

Мне стало ужасно неловко.

— Он просто проигнорировал тебя! — крикнула Айрис.

Сериз вскинула голову в нашу сторону.

— Риккард проигнорировал тебя? — девушка рядом с ней повторяла эти слова, пока они не разнеслись по комнате, как заразная болезнь.

Мое смущение только усиливалось, когда все больше и больше глаз обращалось в мою сторону. Я сцепила руки на коленях.

— Мне нужно подышать свежим воздухом! — крикнула я на ухо Сахар. Она не успела ответить, как я уже встала и протиснулась мимо людей.

На улице я нашел тихий уголок темноты между стеной и внушительным вязом. Тусовщиков было меньше, чем у входа в дом: горстка детей вокруг небольшого костра, парочка, совершающая публичные непристойности, и пара у кованой железной ограды. Самый высокий из них что-то принимал от другого, его рыжевато-коричневые волосы блестели в ночи. Я наблюдал, как он торопливо шарит по карманам, смотрит налево, потом направо и отходит к дому.

Выйдя на улицу, я обнаружила тихий уголок темноты между стеной и внушительным вязом. Там было меньше тусовщиков, чем перед домом, горстка ребят вокруг небольшого костра, парочка, совершающая публичные непристойности, и двое парней у кованой железной ограды. Самый высокий парень что-то принимал от другого, его рыжевато-каштановые волосы поблескивали в ночи. Я наблюдала, как он поспешно сунул деньги в карман, посмотрел налево, потом направо и двинулся обратно к дому.

Каллен.

Звезда футбола исчез в доме, радостные возгласы эхом отразились от стен, когда его друзья заметили его и разделили с ним свое пьяное веселье.

Через несколько минут мне стало казаться, что я бросила Сахар, и я вернулась в дом. Незнакомая плоть и кожа прижимались к моей, когда я пытался проложить себе путь обратно в гостиную. Я пробыла на улице совсем недолго...

Кто-то налетел на меня, отбросив на несколько шагов назад. Холодная липкая жидкость забрызгала меня, стекая по шее и груди. Если посмотреть вниз, то ткань сразу же обесцветилась, а контур бюстгальтера выпирал наружу. Даже тусклое освещение не смогло скрыть очевидное пятно.

Они невнятно пробормотали извинения, но я не расслышала их из-за грохота в ушах.

Мне не следовало приходить. Подумать только, я могла бы сейчас быть у тети и дяди, в чистом и уютном доме, в котором я выросла.

Я могла бы уйти, но идти двадцать минут, покрытый липкой выпивкой, было не слишком заманчиво. Уборная была моим лучшим вариантом, пока я не дошла до конца очереди, которая тянулась вдоль всего коридора. Чтобы пройти через это огромное столпотворение, потребуется целая вечность. Головы поворачивались, когда я проходила мимо, и шепот становился все громче, как гул басов.

Мягкая рука коснулась моего локтя, и голос прошептал мне на ухо: — Иди за мной.

Я подняла голову и увидела рядом с собой Риккарда. Его брови были озабоченно наморщены.

Он повел меня по мраморной лестнице в другой коридор, где вместо портретов возбужденные студенты прижимали друг друга к темным обоям. Никто из них не заметил, как мы прошли мимо, слишком увлеченные друг другом.

— Отойдите! — неожиданно скомандовал Риккард, и пара, как тараканы, метнулась в сторону, открывая дверь спальни.

У меня создалось впечатление грязной холостяцкой берлоги, прежде чем дверь

захлопнулась за мной, заглушив шум вечеринки. Внезапная тишина отрезвила меня. Мы с Риккардом были одни. Одни в его спальне.

Я запаниковала. Риккард встретился со мной взглядом, в его глазах цвета виски были и вызов, и вопрос.

— Ты видела, кто пролил на тебя свой напиток?

Я покачала головой.

Он кивнул на соседнюю дверь.

— Ванная там. Пользуйся всем, что нужно.

Ванная комната была далеко не такой, как общая в моем общежитии. С клетчатой плиткой, ванной на когтистых ножках и пудрово-голубыми шторами, закрывающими окно, я как будто перенеслась в прошлое. Интереснее дизайна были только личные вещи, беспорядочно разбросанные по раковине.

Расческа, лосьон после бритья, зубная паста. Я провела пальцем по ним.

Я попыталась представить его здесь, через несколько минут после пробуждения, с всклокоченными со сна волосами и опущенными глазами. За мгновение до того, как он надевает свою харизматичную маску и выходит на улицу, чтобы исполнять обязанности короля Кампуса.

Он постучал в дверь, и я виновато опустила руку.

— Августина?

— Одну минутку.

— У меня есть для тебя рубашка.

Я посмотрела вниз на свой белый топ, который быстро становился бордовым. Я приоткрыла дверь, чтобы взять рубашку, и мое настроение улучшилось, когда я увидела, что Риккард делает драматическое усилие, чтобы отвести взгляд.

— Спасибо, — тихо сказала я.

Моя рубашка была полностью испорчена, сок джунглей был так же эффективен в качестве красителя, как и для опьянения студентов колледжа. Я быстро вытерлась и переделась в рубашку Риккарда. Она доходила мне до середины бедра и пахла им. Я уткнулась носом в ткань, глубоко вдыхая.

Риккард раскинулся на кровати, положив на колени подушку, и выглядел так же уютно, как и я чувствовала себя неловко. Его глаза следили за мной, вспыхивая признательностью.

Чтобы избежать его взгляда, я оглядела его комнату. Она соответствовала той же элегантной эстетике, что и весь остальной дом: обои темно-синего цвета в сочетании с темной мебелью и обшарпанным деревянным полом. Однако здесь было гораздо грязнее. Книги были сложены стопками на каждой доступной поверхности, за исключением верхней полки, которая была завалена моделями кораблей в бутылках. Обувь и учебники были разбросаны по полу, и я даже заметила рядом с мусорной корзиной несколько бумаг, помеченных большими красными надписями «100 %» рядом с его именем.

В комнате была только одна фотография. На ней были изображены Найлз Хоторн и гораздо более молодой Риккард, оба не улыбались, но выглядели достаточно приятно в своих костюмах. Они стояли бок о бок, как деловые партнеры. Позади них мерцала гигантская рождественская елка. Создающая прямой контраст с этой семьей.

Я провела рукой по корешкам некоторых книг, просматривая названия. Все корешки были потрепаны и изношены.

— Видишь знакомые названия? — спросил он внезапно.

Много знакомых. Но я коснулась своего любимого.

— Я живу в своих мечтах, ты это почувствовал. Другие люди тоже живут в мечтах, но не в собственных. Вот в чём разница.

— «Демьян», — сразу же сказал он. — Герман Гессе.

Я спрятала улыбку, продолжая бродить по комнате. Каждый сантиметр моей обнаженной кожи горел под его взглядом, но я не была готова смотреть на него. Пока не готова.

Я взяла в руки потрепанный экземпляр «Дома листьев» и стала листать страницы. Кто-то подчеркивал предложения и набрасывал мысли на полях, делая хаотичную структуру еще более беспорядочной. Несколько страниц были на волосок от того, чтобы выпасть.

— Ты читала? — спросил Риккард.

— Разве кто-нибудь может это читать?

Я услышала улыбку в его голосе, когда он сказал: — Как я понимаю, ты не интересуешься эргодической литературой¹⁰, как я понимаю.

— Я предпочитаю истории с четким началом, серединой и концом.

— Неужели?

Что-то в его тоне заставило меня резко повернуть голову в его сторону. Он насмеялся надо мной, я была уверена в этом.

Риккард подвинулся к краю кровати, опершись на руки. Хотя его поза была расслабленной, его глаза были напряженными и пронизательными, в них светилось что-то такое, что я почувствовала у себя в груди. Интерес, волнение, *любопытство*.

— На что ты намекаешь? — спросила я.

Его губы дрогнули.

— Ничего грубого, Августина. На самом деле, мне кажется, я с тобой согласен. Тебе нравится предопределенная структура.

Это высказывание было наполнено двойным смыслом. Я отложила книгу.

— Кто была та девушка, которая прикасалась к твоим волосам? — спросила я.

— Как поживает твой парень?

Туше.

— Прости, что вчера избегала тебя во дворе.

— Мне не нужны твои извинения, Августина. Я уверен, что у тебя была веская причина для этого.

Я перевела взгляд на декоративную лепнину, разбираясь с нахлынувшими мыслями. Они были почти такими же быстрыми, как биение моего сердца. Я находилась на опасной территории, но все предостережения исчезли, как только я взглянул в глаза Риккарда.

Я жестом указала на корзину для мусора.

— Зачем ты выбросил свои работы? Ты мог бы использовать их для подготовки к экзамену.

— Сомневаюсь.

— Неужели идеальная успеваемость — это то что ожидает семья Хоторнов? — спросила я.

Он засмеялся, но не ответил.

Я взглянула на него, мои щеки покрылись румянцем, когда я поймала взгляд его карих глаз цвета виски. Его губы скривились в ухмылке. Мне вдруг представилось, как я наклоняюсь вперед и целую эти самые губы. Я бы прикоснулась к его шее, запустила пальцы

в его волосы. Я бы не останавливалась, пока у меня не перехватило бы дыхание.

— О чем ты думаешь, *Il Penseroso*? — спросил он, понизив голос на октаву.

О тебе.

— Мне пора домой, — мой голос был мягким, неуверенным.

Риккард поднялся на ноги.

— Я провожу тебя.

6. Августина

Мы шли бок о бок по Брэттл-стрит, тишина прерывалась криками и воплями наших опьяневших однокурсников. Перед уходом Риккард дал мне свое пальто, и я все еще чувствовала прикосновение его руки к своей шее, когда он помогал мне надеть его.

Осенний ветер со свистом пронесся мимо нас, и я взглянула на Риккарда. Его руки были засунуты в карманы, выражение лица задумчивое. Он ничуть не дрожал.

— Тебе не холодно? — спросила я.

Он усмехнулся.

— В отличие от тебя, я не мерзляк.

— Неправда, я не мерзлячка.

— Ты единственный человек, которого я знаю, который одевается по-зимнему в сентябре, — он задумался. — Я всегда замечаю, как ты бежишь через кампус, и твой шарф волочится за тобой. Даже когда светит солнце.

Я уткнулась лицом в пальто, чтобы спрятать улыбку.

Ночью кампус был пугающим. Высокие деревья отбрасывали жуткие тени, а странные крики напоминали звериные вопли. Обратно мы шли молча, но без дискомфорта, и я почувствовала легкое разочарование, когда увидела ворота Декстера¹¹, вход во двор, с высеченным на камне посланием: *Войдите, чтобы возрастая в мудрости*¹².

Гарвардский двор был предназначен для первокурсников, здесь располагались столовая, общежитие и проходило большинство занятий. Чтобы все было в одном месте, университет заботился о том, чтобы у самых уязвимых учеников было мало возможностей заблудиться.

Риккард провел меня к входной двери моего общежития. Сквозь стекло я увидела любопытные глаза проктора.

— Спокойной ночи, Августина, — сказал он.

— Спасибо за рубашку.

Его улыбка была маленькой, драгоценной.

— Всегда пожалуйста.

Я уже входила в здание, когда остановилась. Один вопрос мучил меня уже довольно давно.

— Риккард?

— Мм?

— Почему я? — когда он ничего не ответил, я добавила: — Почему из всех в кампусе ты выбрал меня?

— Почему ты? — повторил он.

Я кивнула.

Риккард встретился со мной взглядом, его глаза были темными и напряженными.

— Потому что ты и я — одинаковые, Августина, и я не соглашусь ни на что меньшее, чем равенство.

Мир вокруг словно остановился.

Паника или инстинкт заставили меня шагнуть в коридор и закрыть за собой дверь, задвинув замок. Сквозь стекло я наблюдала, как его фигура исчезает в тени.

Лежа в постели, я проверила телефон. Пропущенный звонок от Джонатана. Я удалила

голосовое сообщение, перевернулась на спину и увидела во сне Риккарда Хоторна.

Сестра позвонила мне рано утром в первый день октября.

Я свернулась калачиком в общей комнате общежития с книгой, ожидая, когда Сахар проснется, чтобы мы могли отправиться завтракать. Утренний холод был слишком резким, чтобы обогреватель мог помочь, поэтому я укрылась несколькими слоями одеял. Время от времени белка, живущая в доме, лорд Уинтроп, скреблась в окно в поисках тепла.

— Что там у тебя за история с каким-то парнем? — первое, что сказала Эдвина, когда я ответила на звонок.

Я трогала уголки книги, ничего не говоря.

— Мне позвонил дядя Карлайл, — объяснила она. — Очевидно, наша тетя очень расстроена твоим маленьким романом и предупредила, чтобы ты держалась от него подальше. Я сказала ему, что это не может быть правдой, потому что моя сестра никогда не стала бы скрывать от меня подобную информацию.

Я снова промолчала.

— Так что, наш дядя прав или ты выставила меня лгуньей?

— Дядя Карлайл — сплетник.

— Значит, *парень* все же есть! Не могу поверить, что это ты затеяла скандальную любовную интрижку.

— Это не любовная интрижка, — быстро сказала я. — Тетя Розамунда слишком остро отреагировала...

— Кто он? — Эдди не смогла сдержать волнение в своем голосе. — Как его зовут? Я буду отслеживать его.

— Нет, не надо...

— Почему нет?

Мои щеки покрылись румянцем.

— Мы просто друзья. Я сказала тете Розамунде то же самое.

— Почему ты мне врешь? — в ее голосе прозвучала обида. — Я знаю тебя лучше, чем саму себя.

Я посмотрела вниз. Под аргайловым свитером¹³ на мне была рубашка, которую он мне подарил. На ней все еще витал его запах, и каждый раз, когда я глубоко вдыхала, мой нос щекотал его аромат.

— Я... я встречаюсь с Джонатаном.

Она издала раздраженный звук.

— Да, встречаешься. Мне нет дела до Джонатана, но мне небезразлична ты, и я знаю, что ты будешь расстроена, если изменишь.

А разве я уже не изменила? Или фантазии свободны от общественных табу?

— Августина? — она спросила.

— Я же сказала, что мы просто друзья.

— Ты собираешься следовать наставлению нашей тети?

Я изо всех сил пыталась подобрать слова, чтобы выразить то, что я чувствовала. Слишком много было препятствий: Джонатан, предупреждение тети Розамунды, замечания моих подруг. Мой собственный здравый смысл тоже предостерегал меня держаться от него подальше. Неужели я действительно собиралась отказаться от своего будущего с Джонатаном из-за интрижки с парнем, который бросит меня, как только появится кое-кто

поинтересней?

— Он не скучный, Эдвина. Он заставляет меня чувствовать себя... — я замаялась.

— Заставляет тебя чувствовать какой?

Удивительной. Пристрастной. *Живой*.

— Он заставляет меня чувствовать себя кем угодно, только не скучающей, — призналась я.

Сестра помолчала, потом глубоко вздохнула.

— О, тебя ожидают большие неприятности, Августина.

Октябрь в Гарварде был напряженным временем, возможно, самым напряженным в году. Помимо празднования Хэллоуина, в кампусе проходила регата на реке Чарльз — соревнования по гребле, на которые съезжались тысячи людей со всей страны. Профессора и прокторы предупредили нас, что в кампусе будет беспокойно из-за наплыва зрителей, полиции и других школ, и что мы должны представлять наш колледж с достоинством и уважением, иначе нам грозит встреча с Административным советом.

Я была невосприимчива к нарастающему волнению в кампусе. Напротив, мое настроение было задумчивым и мрачным, смесь вины и растерянности тяготила меня до тех пор, пока я не почувствовала слишком большую тяжесть, чтобы покинуть постель. Мои мысли были заняты Джонатаном и жизнью, которую я планировала, но когда я закрывала глаза ночью, мне снился только Риккард.

Интенсивность занятий оказалась благословением, и я с головой погрузилась в них. Занимаясь допоздна, я просыпалась рано и за завтраком мы проверяли знания друг друга, и ритм моей рутины не давал мне принять решение. Решение, в правильности которого я не была уверена.

Пока Сахар в субботу гуляла со своим еще не-парнем, я отправилась в Вайднер, чтобы достать несколько книг для научной работы, над которой я работала. К сожалению, нужная мне книга находилась на подземных уровнях библиотеки. В Вайднере было 10 этажей, шесть из которых находятся над землей, а четыре — под землей. Подземные этажи считались местом обитания призраков, и хотя я никогда не верила в такое малолетнее явление, как привидения, мне было не по себе и жутковато.

Как только двери лифта открылись, волосы на моем затылке встали дыбом. Помещение было пустым и темным, освещенным исключительно люминесцентными лампами, которые доходили только до стола библиотекаря и первых нескольких стеллажей, после чего погружались в непроглядную тьму. Потолок был низким, и в помещении царил тишина, за исключением звуков моего дыхания. Ни окон, ни естественного света.

Я прошла мимо стеллажей, просматривая номера и первые буквы. Когда я подошла к месту где свет не горел, я остановилась. Датчики света должны были уловить движение и включиться, но непроглядная тьма оставалась. Я осторожно протянула руку, но свет не загорелся. Осторожно я сделала несколько шагов вперед, и на мгновение меня поглотила дезориентирующая темнота. Но потом он все таки зажегся, и я снова оказалась под белым светом.

После нескольких минут поисков я заметила мягкий оранжевый свет, льющийся в проходе между стеллажами. Здесь был кто-то еще — или в библиотеке установили временный свет, чтобы помочь первокурсникам не сбиться с пути. Я заглянула за стеллажи и замерла.

Риккард сидел на корточках, положив книгу на колени, и подсвечивал слова зажигалкой.

Я немного понаблюдала за ним, списав внезапное затруднение дыхания на то, что я находилась под землей. Физически он выглядел, как всегда, великолепно. Ниспадающие на лоб золотистые пряди, вязаный кремовый свитер и темно-коричневые брюки. Но больше всего меня заинтересовало его выражение лица. Его брови были нахмурены, губы сжаты в плотную линию.

Внутренний голос подсказывал мне, что нужно идти дальше, не обращать на него внимания, но мои ноги уже приближались к нему.

— Риккард?

Он напрягся и поднял голову. Как только он увидел, что это я, его лицо расплылось в улыбке.

— *Il Penseroso*, ты преследуешь меня?

Я почувствовала, что мои губы дрогнули.

— Нет. Я пришла сюда за книгой.

— Ну конечно, — Риккард поднялся во весь рост. Когда он понял, что свет включен, он сунул зажигалку в карман.

— Ты меня не слышал?

— Мое внимание было занято другим, — признался он. Он отвернул от меня обложку, чтобы я не видела названия.

— Что ты читаешь?

Почему это заставило тебя хмуриться? Вот, что я имела в виду.

— Просто какую-то ерунду для занятий, — он положил книгу обратно на полку и повернулся ко мне лицом.

— О? — я шагнула мимо него, чтобы взглянуть на книгу. — *Масоны в современном мире?* Звучит интересно.

— Не особенно.

Я посмотрела на него и вздрогнула, осознав, как близко мы находимся. Мой нос был в нескольких сантиметрах от его груди. Его запах заполнил все мои чувства: кедр с нотками мандарина, навевающий образы пыльных библиотек, залитых тёплым солнечным светом, и спелых апельсинов летом.

Я медленно повернула шею вверх, вглядываясь в его лицо. На многое хотелось смотреть: на его кадык, на белый шрам на подбородке, на упавшую ресницу на щеке. Вены на его шее напряглись под моим пристальным взглядом, и я представила, как провожу пальцем вниз по впадинке у него на горле к груди.

Мой взгляд остановился на его губах. Слегка потрескавшиеся от холода, но розовые и мягкие. Губы были не изогнуты в привычной надменной улыбке, а слегка приоткрыты.

Странно, но все, о чем я могла думать, это о «Трех традициях». Три развратных действия, которые совершали студенты Гарварда, чтобы получить максимум удовольствия от пребывания в университете. Они включали в себя писание на статую Джона Гарварда, бег под названием «Первобытный крик¹⁴» и... секс в стеллажах Вайднера.

Я встретила его взгляд, проверяя, нет ли в нем неуверенности, но встретила только его темный голодный взгляд. Я медленно поднялась на цыпочки.

Один поцелуй. Мягкий, быстрый.

Я отпрянула, покраснев. Риккард не шелохнулся, мне показалось, что он даже не дышит.

— Прости...

Он поймал мои щеки, сближая наши лица. Наши губы встретились в страстном столкновении. От нежности нашего первого поцелуя не осталось и следа.

Мои руки двигались инстинктивно, и я не знала, что взяла его за шею, пока не почувствовала, как его волосы коснулись моих пальцев.

Риккард издал горлом какой-то жалобный звук. Его руки схватили меня за бедра и манящими движениями пробежались по животу и спине.

Боль пронзила мой позвоночник, когда он прижал меня к полкам, разомкнув наши губы, чтобы пробормотать: — *Ты в порядке?*, но я подтвердила, что в порядке, снова поцеловав его. Мы были раскрасневшиеся, ни один сантиметр не остался нетронутым.

Я была рождена, чтобы целовать Риккарда, и он целовал меня так, словно был рожден для того же.

Образ Джонатана промелькнул в моей голове, вырвав меня из оцепенения. Я отпрянула назад, ударившись головой о полку позади себя.

— Джонатан, — это было единственное, что я смогла произнести.

Риккард напрягся, лицо его помрачнело. Его руки были наполовину протянуты ко мне.

— Почему ты сказала Джонатан?

В голове было легко и туманно, и я с трудом могла сформировать связную мысль.

— Я не могу его так опозорить, — я отошла в сторону, стараясь как можно дальше отойти от присутствия Риккарда. — Это нечестно.

— Я не понимаю тебя, Августина,

— Я думаю, в этом-то и проблема, не так ли? — тихо сказала я.

Его глаза изучали выражение моего лица. То, чего он не нашел, заставило его нахмуриться.

— Нам не следовало целоваться, — мой взгляд был устремлен на что угодно, только не на него.

— Я уверен, что ты всегда права, Августина, но надеюсь, что на этот раз ты ошибаешься, — Риккард отступил назад, забирая с собой тепло. Бросив последний взгляд, он зашагал прочь уверенными шагами, хотя и немного быстрыми.

7. Августина

Моя подготовленная речь была прямо передо мной, годы моей жизни свелись до абзаца из 100 слов, которую я напечатала за обедом. Эдвина предложила свои варианты по телефону, но в частности слова «*Я нашла себе нового парня*» показались мне неуместными и жестокими. После некоторой шумихи со стороны моей сестры, я отправила Джонатану сообщение с просьбой поговорить и позвонить, когда сможет. Он ответил, что позвонит через несколько часов.

В тот момент я была рада, что у меня есть несколько часов на подготовку, но теперь предвкушение превратилось в стресс. Чтобы отвлечься, я пошла в уютное кафе «Баркер», чтобы позаниматься — точнее, посидеть с учебниками, наблюдая за людьми. Ротонда с темным полом была облюбована студентами факультета Искусств и Гуманитарных наук, которые с одинаковым рвением обсуждали все: от Ричарда Шмида¹⁵ до Овидия¹⁶ и Леди Гаги.

Тихую болтовню прервал скрежет стула по полу. Группа студентов сдвинула два стола вместе, собрав стулья со всего кафе, чтобы дополнить свое рабочее место. Даже с дополнительным столом они оказались прижаты друг к другу, борясь за место для локтей и пространством для кофе.

Одна девушка не стала придвигаться так близко, как ее спутницы, а вместо этого уставилась в высокие окна. Светлые пряди волос упали на впалые щеки и уставшие голубые глаза, серый свитер соответствовал оттенку ее лица.

— Фиона! Ты вообще слушаешь? — позвал кто-то из группы.

Девушка несколько раз моргнула и слабо улыбнулась. Ее губы зашевелились, но я не смогла расслышать, что она сказала.

Не спрашивая, я поняла, что это Фиона Трулок. Айрис назвала ее *призраком*, и это описание было точным. Она была отличницей, готовая произносить выпускную речь, но теперь казалась отвергнутой, безжизненной. Ее друзья оживленно смеялись и болтали, но так и не смогли вовлечь Фиону в свою тусовку. Вместо этого она сидела, неподвижная и молчаливая, жалкий остаток интереса Хоторна.

У меня в животе образовалась пустота, когда я наблюдала за ней. У меня возникло странное чувство, что я вижу свою собственную судьбу.

Прежде чем я смогла продолжить размышления, мой телефон зазвонил. *Джонатан*.

— Все в порядке, Августина? — спросил Джонатан. Заботливый, вежливый и уравновешенный — он из тех парней, которые оставляют девушкам решения, а не проблемы. — Ты сказала, что тебе нужно поговорить со мной о чем-то важном?

— Я... — слова на экране расплывались. Краем глаза я видела, что Фиона так и продолжала молчать. — О, эм...

— Где ты? Там так громко.

— Я просто в кафе...

— Ты меня немного встревожила, Августина. С тобой все в порядке?

Я закрыла ноутбук.

— Мои тетя и дядя хотят знать, что ты делаешь на День благодарения. Они очень хотят тебя увидеть.

— Утром к нам приедет семья моей матери, а вечером моего отца, но я могу прийти на

поздний обед, если их это устроит?

Мои уши перестали слышать, что он говорит.

Если это было правильное решение, то почему оно казалось таким неправильным?

В ночь перед Регатой на реке Чарльз команда гребцов принесла в жертву богам погоды ящик выпивки, дым от костра был настолько сильным, что весь кампус пропах Bud Light¹⁷. Однако подношение осталось неслышанным богами, и в день соревнования тучи были тёмно-серого цвета, а ветер дул не в ту сторону.

С нашего места на мосту Элиот, я могла видеть вдалеке надвигающуюся грозу. Сахар, Айрис и я прислонились к парапету, где толпились студенты и зрители. По всему берегу реки Чарльз люди выстроились на траве и дорожках, стремясь хоть мельком увидеть соревнование. Кричать «*Лёсик!*» — быстро превратилось в игру, каждый раз, когда мы замечали собаку, бегущую за своим хозяином.

Холодный ветер трепал мои волосы, и я повыше запахнула пальто. Даже в толстом коричневом бушлате¹⁸, кожаных перчатках и вязаной шапочке я дрожала. К счастью, я надела сапоги. А вот бедняжка Сериз не надела и наступила в лужу, из-за чего сразу же отправилась домой, чтобы согреть ноги, иначе она рискует простудиться. Мне вспомнилось замечание Риккарда, о том, что я всегда мерзну, но я отогнала его прочь.

— Вперед, Гарвард! — радостно воскликнула Айрис, демонстрируя вновь обретенную гордость за университет. Сахар схватила ее сзади за пальто, чтобы она не упала в реку. — Мы должны победить, — сказала она нам, как только ее ноги благополучно вернулись на землю.

— Я и не знала, что ты такая фанатка гребли, — заметила я.

Она издала короткий смешок.

— Не говори глупостей, Августина. Кого волнует гребля? Я здесь, чтобы увидеть, как наш университет уничтожит всех остальных.

Айрис была права. За прошедшую неделю я познакомилась с греблей больше, чем за всю свою жизнь. Я даже узнала, кто такой рулевой — еще одно слово, обозначающее шкипера, ответственного за управление лодкой, — и не смогла не поддаться ажиотажу и не захотеть поддержать наш университет. Это также помогало отвлечься от круговорота моих мыслей.

Вдалеке раздались радостные возгласы, когда лодки приблизились. Айрис присоединилась к ним, заставив меня пожалеть о том, что я не захватила с собой наушники. Мгновение спустя гребцы уже мчались к нам, и, приближаясь, я смогла разобрать слова, которые они выкрикивали. *Раз, гребем! Два, гребем! Три, гребем!* Ожидание росло по мере их приближения — последний мост был печально известен своими многочисленными столкновениями.

Мы все ликовали, когда они скрылись под мостом, а наша команда в малиновых майках вырвалась вперед.

Все посмотрели на другую сторону моста, разделенную оранжевым пластиковым ограждением, которое должно было помешать зрителям перейти мост и попасть под машину. С той стороны раздались одобрительные возгласы, когда лодки проплыли мимо, и один из них крикнул нам: — Все еще выигрываем!

На другой стороне образовалась группа парней, их смех и вопли звучали громче, чем у всех остальных. Я заметила макушку золотистой головы и замерла.

Риккард.

После событий в библиотеке, мы не разговаривали. Я не была уверена, избегали ли мы друг друга или просто не пересекались. Последствия моего почти принятого решения заставили меня чувствовать себя несколько более настороженно, чем обычно. Эдди несколько раз подталкивала меня к этой теме, но я не могла выразить свои мысли словами.

Я наблюдала за тем, как Риккард издал восторженные крики вместе со своими друзьями, его ухмылка была ослепительной. Он был одет в распахнутое пальто, темно-бордовый свитер под ним и полосатый шарф — олицетворение выражения «*Лига плюща*». Когда лодки пересекли финишную черту, он издал торжествующий вопль, и весь мост последовал за ним.

Айрис схватила меня за плечо и потрясла.

— Мы победили! Мы победили!

Риккард оторвался от соревнования, чтобы сказать что-то кому-то позади себя, но остановился, когда наши глаза встретились. Я не была уверена, какой ожидала от него реакции, но широкой ухмылки и короткого взмаха руки было явно недостаточно. Он поприветствовал меня так, словно мы были старыми друзьями, прежде чем повернуться к своим друзьям. Все это произошло менее чем за три секунды, но у меня внезапно перехватило дыхание и закружилась голова.

Сахар наклонилась к моему уху, слова были едва слышны из-за торжества.

— Что между вами двумя происходит?

Я покачала головой.

— Ничего!

Было ясно, что она мне не поверила, но Айрис, потащила нас с моста в толпу людей прежде, чем что-либо еще было сказано. Повсюду разлетались приглашения на вечеринки в кампусе, а хорошие спортивные манеры были выброшены в окно, когда мы самодовольно смотрели на проигрывающие команды.

Мы с Сахар взяли за руки и пошли за Айрис, когда она повела нас к еде. Мы стояли в очереди за закуской из лобстера с маслом стоимостью *21 доллар*, прежде чем отправиться обратно в кампус.

— Августина!

Я замерла на месте, поворачиваясь. Риккард шел к нам, не переставая очаровательно ухмыляться. Он остановился перед нами, наклонив голову в сторону Айрис и Сахар.

— Дамы, — поприветствовал он. — Мне нужно поговорить с Августиной о чем-то важном. Вы ведь не возражаете, если я уведу ее на несколько минут?

По жестокой иронии судьбы ни Айрис, ни Сахар не были настроены против Хоторна, когда это имело значение. Обе, казалось, были на мгновение ошеломлены его ухмылкой и вниманием, пока Сахар не покраснела до корней волос, а Айрис, заикаясь, произнесла: — Привет! О, эм, привет! Да, забирай ее! Они схватили друг друга за руки и унеслись прочь. Кажется, Сахар пробормотала что-то о встрече со мной в общежитии, но она так быстро ушла, что я не могла быть уверена.

Я подняла на него глаза, изучая выражение его лица. Когда мой взгляд достиг его губ, я почувствовала их призрачное прикосновение на своих собственных, и это воспоминание настолько въелось в мой мозг, что я знала, что буду думать об этом десятилетиями.

— Ты выглядишь замерзшей, — сказал Риккард.

Его слова вырвали меня из мыслей.

— А когда я такой не выгляжу?

Риккард снял с шеи шарф и накинул его мне на плечи. Он был все еще теплым от его кожи.

— Ты не обязан отдавать мне свой шарф, Риккард, — сказала я, когда он завязывал его. — Я не хочу, чтобы тебе было холодно...

— Со мной все будет в порядке, — он отступил, засовывая руки в карманы.

Мгновение мы пристально смотрели друг на друга.

Когда Риккард продолжил молчать, я спросила: — Все в порядке?

— Мы избегаем друг друга.

— Больше нет... с двадцати двух секунд назад.

Он покачался на пятках, на его губах заиграла легкая улыбка.

— Я не хочу, чтобы мы избегали друг друга, Августина.

Я посмотрела на свои ноги, а затем на него. Риккард пристально смотрел на меня темными, сосредоточенными глазами, пытаюсь понять, что происходит в моей голове.

— Я тоже не хочу.

— Тогда мы оба можем согласиться с тем, что нам не нужно избегать друг друга, и можем прекратить эту подростковую фигню.

Я уже открыла рот, чтобы ответить, как мимо прошла пара парней, оба приветственно хлопнули Риккарда по спине.

— Хоторн! Как дела, чувак?

Риккард поприветствовал их с таким же энтузиазмом. Как только они прошли мимо, выражение его лица снова изменилось. Он пояснил: — Том и Риз. Они с моего курса по психологии.

Я огляделась. За пределами пузыря Риккарда, люди наблюдали за происходящим. От компаний студентов до любопытных светских львиц. Когда были только мы с Риккардом, легко было забыть об остальном мире. Но это вмешательство напомнило мне, что мы не единственные два человека во вселенной — даже если он заставлял меня именно так себя чувствовать.

Это внимание заставило меня смущенно потянуть за шарф.

Риккард осторожно взял меня за локоть и повел в сторону от тропинки. Когда мы наполовину спрятались за деревом, сила их взглядов ослабла.

— Нам не следовало целоваться, — резко сказал он. — Ты была права.

У меня сжалось сердце.

Он провел рукой по волосам.

— Нам... лучше быть просто друзьями. Для нас обоих.

Я подняла на него глаза. Риккард не смотрел на меня. Его глаза были устремлены на реку, выражение лица было нехарактерно жестким.

— Ты не возражаешь? — я не могла понять, прозвучал ли мой тон с надеждой или с сожалением.

— Это лучше, чем альтернатива.

— Альтернатива?

Он резко повернул ко мне голову, тяжело сглотнув.

— Я возьму все, что ты мне дашь, Августина, — его тон звучал как предупреждение. — Я приму все, что ты мне дашь.

Погружение в Чарльз не смогло бы остудить меня после того, как я услышала эти слова

от Риккарда.

— Тогда друзья, — выдавила я из себя.

— Друзья, — Риккард посмотрел на небо, а затем снова на меня. В одно мгновение черты его лица из жестких и напряженных превратились в любезные и очаровательные, и он одарил меня такой же харизматичной улыбкой, какой и всех остальных. — Пока ты здесь...

Он достал из кармана пальто конверт и протянул его мне. На конверте аккуратным почерком было написано мое имя.

— Ты официально прошла во второй тур.

Клуб «Аргус» вылетел у меня из головы, как и его эксклюзивный процесс панчинга. Риккард должен был стоять за тем, чтобы меня приняли во второй тур.

— А что думают по этому поводу старшие члены клуба?

Риккард пожал плечами.

— Я не спрашивал.

Я почувствовала, как у меня дернулись губы.

— Я постараюсь прийти.

— Связи, помнишь? — он сделал несколько шагов назад, не обращая внимания на людей, которые выкрикивали его имя так, словно он выиграл соревнование. — Увидимся, Августина.

Он повернулся и помахал рукой ближайшей группе людей. Они поприветствовали его, втягивая в свои ряды жадными руками и отчаянными взглядами. Риккард был любим, создан для того, чтобы получать внимание и процветать за счет него. Как я вообще могла подумать, что между нами что-то может получиться, ума не приложу.

Я поднесла его шарф к носу, глубоко вдохнула и направилась обратно в общежитие. Одна.

8. Августина

Через неделю после Регаты на реке Чарльз я поднималась по лестнице Гуманитарного Центра Махиндры, когда в меня влетел кто-то. У меня было всего несколько секунд, чтобы среагировать и схватиться за перила, но книги выпали у меня из рук и разлетелись по лестнице.

— О, мне так жаль! — раздался женский голос.

Она торопливо спускалась по лестнице, собирая мои книги и постоянно бормоча извинения. Темная челка скрывала ее лицо, но на шее расцвели красные пятна смущения.

Я поднялась на ноги и с благодарностью приняла протянутые ею книги.

— Все в порядке. Ты очень торопилась.

Девушка подняла голову, показав залитые слезами щеки и красные глаза. Я узнала ее почти сразу. Ее имя на мгновение вылетело у меня из головы, но она сидела через три ряда передо мной на курсе по обществознанию.

— Ты в порядке? — спросила я.

На секунду мне показалось, что она собирается что-то сказать, но вместо этого она схватила свои книги и убежала, исчезнув так же быстро, как и появилась.

Отмахнувшись от странной встречи, я направилась к кабинету профессора Фулька. Вполне возможно, что он подверг ее какой-то жесткой критике, и она не смогла с ней справиться. Гарвард был полон академически одаренных студентов, чья самооценка измерялась их средним баллом. Даже малейшего намека на критику было достаточно, чтобы вывести из строя весь механизм.

Дверь кабинета Фулька была приоткрыта, и я увидела, как профессор заправляет рубашку в брюки. Подняв глаза, он заметил меня и улыбнулся в знак приветствия.

— Августина, входите. Вы хотели обсудить свою оценку, да?

Я рискнула зайти в его кабинет, и у меня сложилось краткое впечатление о стенах из вишневого дерева и темно-зеленой мебели. Окна со створками выходили на лужайку, заросшую спутанными кустарниками.

— Присаживайтесь, где вам удобнее, — сказал он непринужденно, усаживаясь в небольшое кресло. Мы одновременно обратили внимание на опрокинутую чайную чашку на журнальном столике. — Какой же я неуклюжий. Не могли бы Вы передать мне салфетки, пока вы ещё стоите? Они как раз лежат на моем столе.

«Салфетки» были в остатках его обеда, с пятнами майонеза на уголках. Я передала их профессору, который вытер капли чая, устраиваясь на диван напротив него. Когда я села, поднялась пыль, и мягкие подушки вызвали зуд у моей обнаженной руки.

Профессор Фульк перебирал лежащие перед ним какие-то бумаги. На одной из них сверху было написано 42 %, а рядом написано имя *Пердиты дю Кассе*. Если профессор и заметил мой блуждающий взгляд, то никак этого не показал, а просто вытащил листок с моим именем сверху и отметкой 92,5 рядом с ним. Пока что это моя самая низкая оценка за год.

— Так, так. Давайте посмотрим. В вашем электронном письме Вы написали, что считаете, что вам неправильно поставили оценку за третий параграф?

— Да, сэр. Мой аргумент...

Он бегло просмотрел лист.

— Мм, да. Я вижу, где Вы ошиблись. Вы ссылались на работу Милля¹⁹...

— Многие из его работ включены в наш учебный план...

Фульк продолжал говорить.

— Однако мы не будем изучать Милля еще несколько недель, мисс Грейди, и хотя я восхищен тем, что Вы прочли всю литературу, я считаю, что лучше всего, когда студенты идут в ногу вместе с классом. Это помогает создать более равную обстановку, скажем так, — он подмигнул мне. — О чем мы узнаем лучше, когда дойдем до классовой политики Маркса и Энгельса.

Я заколебалась.

— Простите, я не знала, что нам нельзя читать дальше...

— Не волнуйтесь, мисс Грейди. Это полностью моя вина, — он успокаивающе положил руку мне на колено и похлопал по нему. Мой взгляд упал на его обручальное кольцо, затем снова переместился на лицо. — Просто убедитесь, что вы останетесь на равные со всеми остальными, хорошо? Вы получите гораздо больше пользы от моих занятий, если будете этому следовать.

Я отодвинула ногу, подтянув ее ближе к телу.

— Я вижу, что у вас настоящий талант к этому предмету, Августина, — тепло сказал он, положив руку обратно на свою ногу. — Никогда не рано начинать приставать к нам, профессорам, с просьбами о должности ассистента.

Но было еще слишком рано ссылаться на определенную литературу?

— Спасибо за внимание и уделенное время, — вежливо ответила я, поднимаясь на ноги. Он скопировал мое действие и последовал за мной к двери, держа ее для меня открытой.

— Я сожалею, Августина, что снял баллы, — сказал он. Затем шокирующим движением протянул руку и сжал кожу между моей шеей и плечом в отцовском жесте, от которого я чуть не выпрыгнула из своей кожи. — Надеюсь, Вы не слишком сильно меня за это ненавидите.

— Нет, конечно, нет, — мои пальцы так сильно сжали ремешок сумки, что они побелели. — Хорошего вам дня, — я ушла, прежде чем он успел сказать что-то еще, сердце билось в моей груди, как крыло колибри.

Мне не потребовалось много времени, чтобы понять, что недостаточно загруженный Риккард — опасный Риккард.

Ему постоянно приходилось разгадывать головоломки, будь то кроссворд за обедом или sudoku на вечеринке. Когда он не искал внимания, он искал загадку. Поэтому я не удивилась, когда по дороге на железнодорожную станцию заметила знакомую копну золотистых волос, склонившуюся над одной из многочисленных шахматных досок на площади Гарварда.

Не только студенты Гарварда пользовались этими досками, но и многие местные жители — так называемые «хаслеры²⁰» — также стекались сюда. Эти «хаслеры» нередко использовали в своих интересах высокомерных студентов колледжа, забирая у них все, чего они стоили за одну партию. Часто звучали обвинения в мошенничестве, но при этом не было никакого регулирующего совета, который мог бы установить какие-либо правила. Вероятно, эта грязная игра нравилась Риккарду гораздо больше, чем официальные игры Шахматного Клуба.

Столики у входа «*Au Bon Pain*» были переполнены любопытными зеваками, особенно

симпатичными девушками, которые смотрели на Риккарда так же, как на свои миндальные круассаны. Я на мгновение присоединилась к их рядам, любясь его сосредоточенным выражением лица, напряженной линией губ, складкой между бровями. Это было то же самое выражение лица, которое было в моих снах о нем — тех, о которых я даже не смела думать.

Я подошла к его партии как раз вовремя, чтобы увидеть, как его конь убирает одну из пешек соперника. Хаслер — мужчина лет пятидесяти с неровной бородой и в шапочке из фольги — заметил меня первым и одарил неприятной улыбкой.

— Это твоя девушка, Хоторн? — у него был сильный бостонский акцент, который просачивался между щелями его зубов, как патока.

Риккард посмотрел на своего оппонента, а затем на меня. Его сосредоточенное выражение лица не изменилось, но губы изогнулись в улыбке.

— Нет, я ей не нравлюсь, Капперс.

— Я никогда этого не говорила, — ответила я. — Я не хотела прерывать вашу игру, я пришла только посмотреть.

Капперс почесал бороду, выглядя слегка озадаченным.

— Почему тебе не нравится Риккард? Он хороший мальчик.

Риккард поднял на меня глаза, его улыбка стала шире.

— Да, Августина, я же хороший мальчик.

Капперс забрал одну из фигур Риккарда, и тот, тихо ругаясь под нос, вернул внимание к игре.

Я заняла свободное место рядом с ними, достала книгу и скрылась между страницами. Этим утром было достаточно тепло, чтобы я не надела чулки, и теперь я грела ноги на солнце.

— Будь внимателен, мальчик. Что с тобой такое? — заворчал Капперс.

Риккард что-то пробормотал себе под нос, но Капперс издал грубый смешок, который звучал так, словно ребенок очень плохо сыграл на музыкальном инструменте.

Их игра закончилась еще до того, как я закончила главу, и Капперс был объявлен победителем.

— Ты дерьмово играл, — сказал он прямо.

Щеки Риккарда покраснели, и он быстро взглянул в мою сторону.

— Кажется, я съел что-то плохое сегодня утром за завтраком. Это меня выбило из колеи.

Капперс фыркнул.

— Конечно, конечно. Возвращайся, когда приведешь себя в порядок, — он приподнял свою шапочку из фольги в мою сторону. — Приятно было познакомиться с тобой, Августина.

— Взаимно, мистер Капперс.

Он выглядел довольным тем, что к нему обращаются «мистер», и перешел к следующей партии.

— Ты умеешь играть? — спросил Риккард.

— Не очень хорошо.

Он жестом подозвал меня двумя пальцами, и ноги сами понесли меня к свободному месту напротив него, прежде чем я успела осознать происходящее. Риккард установил доску, на которой я играла белыми.

Он указывал на фигуры, объясняя.

— Вот пешка, ладья, конь, слон, ферзь и король, — я кивнула. — Цель игры — окружить короля противника.

Риккард был очень терпеливым учителем, рассказывая все ходы, которые могли сделать каждая фигура. Мы сыграли несколько партий, но он объявил их все беспроигрышными, потому что я все еще училась, но мы оба знали, что он меня победил. Мне было лестно, что он пожертвовал победой ради меня, мне было интересно, как долго мы будем друзьями, прежде чем он перестанет так поступать.

Вернув фигуры на места, он спросил: — Куда это ты собралась?

— В книжный магазин. Мне нужна книга для одного из моих курсов, а все экземпляры в библиотеке уже выданы на руки, — и прежде чем мой разум успел предупредить меня, что это плохая идея, я добавила: — Ты можешь присоединиться ко мне.

Он улыбнулся.

— С удовольствием.

9. Августина

Пальто Риккарда защитило нас от дождя, когда мы вбежали в книжный магазин.

Всего несколько минут назад мы прогуливались по улице, разговаривая о чем-то, чего я не могла вспомнить, когда небо разверзлось, и начался ливень. Мы направлялись в книжный магазин через дорогу, и Риккард, приложив героические усилия, накинул на нас свое пальто, чтобы мы не промокли, пока бежали к двери.

Дверной звонок возвестил о нашем появлении, и дверь захлопнулась за нами. Риккард издал глубокий смешок, встряхнув волосами, как мокрая собака. Капли брызнули мне на щеки, и я отступила назад, издав нехарактерный для себя визг.

— Прошу прощения, Августина, — пробормотал он, одарив меня озорной ухмылкой. Мои губы дернулись в ответ.

Оба пальто промокли насквозь, так же как и обувь, которая при каждом шаге хлюпала, как губка. Я скинула пальто и повесила его на вешалку, но, обернувшись, увидела, что Риккард еще снимает и обувь.

— Ты снимаешь свою *обувь*, Риккард?

— Снимай и ты свою, — приказал он и повернулся к девушке за прилавком, которая читала «*Авессалом, Авессалом!*²¹» со складкой между бровями. — Мы попали под дождь. Можем ли мы воспользоваться вашим обогревателем?

Она не подняла глаз от книги, но с молчаливым разрешением указала на напольный обогреватель у своих лодыжек. Риккард поставил свои ботинки перед ним и выжидающе посмотрел на меня. Все было лучше, чем ходить в мокрой обуви, поэтому я сняла носки и оксфорды и положила их рядом с его. Запястья горели от близости к обогревателю — это был хороший знак. Может быть, мне удастся уйти отсюда в сухой обуви.

Я посмотрела вниз на свои босые ноги, поджимая пальцы.

— Я никогда раньше не ходила босиком на людях.

— Обещаю, что никому не скажу об этом.

Я взглянула на него с особым чувством. Он провел рукой по влажным волосам, с интересом осматривая магазин. Капли скатились по его щекам, и я засунула руки в карманы, удерживая себя от того, чтобы не протянуть руку и не вытереть их.

— Давай найдем книгу, которую ты ищешь.

Я не могла объяснить, почему мое сердце забилося быстрее. В походе за книгами с *другом* не было ничего интимного или романтического.

А вот с Риккардом... ну, это могло бы быть немного по-другому.

— Возможно, нам придется покопаться в этом месте, — заметил Риккард.

Я повернулась, впервые осматривая магазин. Это были книжные джунгли: стеллажи прогибались под тяжестью полок, а в проходах высились горы неотсортированных романов. Странные безделушки служили пресс-папье и подставками для книг. В этом не было ни смысла, ни логики, и все казалось неухоженным, покрытым тонким слоем пыли. Запах плесени и нафталина был достаточно сильным, чтобы заставить меня чихнуть. Но здесь было тепло. Сухо.

— Какое очаровательное местечко, — сказал он, сделав несколько шагов вперед, не заботясь о своих босых ногах. — Где, ты говоришь, ты его нашла?

— Я его не искала, — я и близко не была такой смелой, как Риккард, когда дело доходило до блуждания по магазину. Если бы на мне была обувь, я, возможно, была бы немного смелее, но я все время ожидала, что на меня выпрыгнет бешеная крыса и укусит. — Мне попался сайт в Интернете. Там не было фотографий.

Риккард усмехнулся.

— Не будь снобом, Августина.

Я проигнорировала его, проводя пальцами по потертым корешкам книг. Когда я вытащила их, мне показалось, что обложки могут рассыпаться в моих руках, страницы пожелтели и потрепались. Некоторые названия были мне знакомы, но многие — нет. В магазине было все: от средневековых рукописей до романтических дамских романов с эротическим подтекстом.

К одной из полок была прислонена деревянная лестница, и я заметила, что карие глаза Риккарда с интересом наблюдают за ней.

— Если ты упадешь, я буду смеяться.

Он фыркнул и постучал по ламинированной табличке с надписью: *Только для персонала*.

— Как мало ты в меня веришь, *Il Penseroso*. На табличке говорится «нельзя».

Мы оба знали, что табличка еще никогда его не останавливала, поэтому я не стала высказывать свое недоверие вслух. Вместо этого я последовала за полкой, переполненную книгами, беззвучно читая названия про себя. Риккард следовал за мной. Даже если бы он был совершенно бесшумен, совершенно невидим, я бы все равно смогла ощутить его присутствие рядом.

Волоски на моей шее встали дыбом, когда он наклонился ко мне, вытаскивая книгу у меня над головой. Его лосьон после бритья щекотал мне ноздри. Когда он отстранился, я сделала предостерегающий шаг назад. *Друзья*, напомнила я своему грохочущему сердцу. *Просто друзья*.

Риккард держал книгу передо мной. Выцветшая обложка *«Испанской трагедии, или Иеронимо снова безумен»* Томаса Кида, который на обложке был неправильно указан как *«Кит»*.

— *Клянусь мучениями душ в аду...*

— *...Я стану исповедником для вас!* — я закончила цитату. — Я тоже умею цитировать, Риккард.

Его лицо расплылось в ухмылке.

— Достаточно справедливо, — согласился он. — Я надеялся произвести на тебя впечатление.

— Считай, что я действительно впечатлена.

— Ты смеешься надо мной, — заметил он, видя мой благовоспитанный тон так же легко, как я вижу его насквозь. — Думаю, мне придется постараться немного усерднее.

Этот разговор мог завести нас на опасную территорию, поэтому я лишь терпеливо улыбнулась ему, продолжая просматривать полки. Я достала книгу о Вашингтоне, и меня внезапно охватило чувство тоски по дому, когда я просматривала фотографии особняков и памятников.

Риккард наклонился ко мне через плечо.

— Где ты выросла?

Я перелистывала фотографии, пока не нашла знакомый ориентир.

— В нескольких улицах отсюда.

— Только ты и твои родители?

— Ты жалкий преследователь, если не знаешь этого, Риккард.

Его смешок прокатился по моей обнаженной шее и щеке.

— У тебя есть сестра, которая младше на одиннадцать месяцев, и ты живешь с тетей и дядей с десяти лет. Твоя тетя — Глава Администрации Вице-Президента, а дядя — Генеральный Директор компании «Stanhope's Homes For All».

Удовольствие разлилось по моей груди.

— Я хотел услышать это от тебя, — сказал он.

Я наклонила голову в сторону. Его лицо было в нескольких сантиметрах от моего, так близко, что я могла разглядеть веснушки, пляшущие на его носу и скулах.

— Ты единственный ребенок, воспитывался на Манхэттене отцом-одиночкой, Найлзом Хоторном. Ты учился в школе-интернате, точнее, в Philips Exeсutor, которую окончил с отличием, сказав выпускную речь, и поступил в Гарвард. В настоящее время ты изучаешь бизнес и естественные науки на двойной специализации.

Риккард посмотрел на меня. Наши губы были в опасной близости друг от друга.

— А моя мать?

Эми, мать Риккарда, умерла при родах. Статьи об этом вызвали у меня тошноту от горя за маленького Риккарда.

— Риккард, — тихо сказала я.

Он откинулся назад, разрушая чары, но не выглядел рассерженным.

— В интернете есть много информации обо мне, — размышлял он. — Тебе было проще.

— Давай обсудим что-нибудь другое.

Риккард пожал плечами, притворяясь непринужденным, но я уловила, как напряглась его челюсть. Он жестом указал на книгу в моей руке.

— Ты тоскуешь по дому?

— Немного, — я прижала книгу к груди. — А ты скучаешь по Манхэттену?

— Не по тем причинам, по которым я должен, — сказал он.

Я наклонила голову в сторону.

— Что ты имеешь в виду?

Риккард усмехнулся.

— А, так теперь у тебя появились вопросы? Я поступлю по принципу Августины Грейди и предпочту не отвечать.

— Я удивлена, что обширная подготовка в области СМИ, которую ты прошел, не научила тебя этому.

Он рассмеялся.

— Твое прошлое интересно, но не настолько как твое будущее. Каковы твои планы?

— Мои планы?

— Я знаю, что они у тебя есть, Августина. Ты, наверное, каждую минуту сужаешь круг.

Он был не так уж далек от истины, но я не признавала этого.

С одиннадцати лет я знала, что я буду делать и кем стану. Все, начиная от вторых имен моих детей и заканчивая моими планами на пенсию, было решено. Раньше я никогда не стеснялась этого, но почему-то при мысли о том, что мне придется рассказать об этом Риккарду, мои щеки запылали от смущения.

По сравнению с его они покажутся крошечными, недостойными. А уважаемый Хоторн

достиг бы удивительных и невероятных успехов, он горел бы ярче всех нас.

— Конечно, кроме замужества на Джонатане и рождения маленьких Осборнов.

Я посмотрела на вход в магазин. Дождь все еще шел яростным потоком.

— Я собираюсь заниматься политикой, — сказала я. — Я бы хотела работать в пресс-службе.

Риккард выглядел задумчивым, прежде чем сказал: — Скучно, — и направиться в заднюю часть магазина.

Я ожидала его реакции, но все равно была удивлена. Я последовала за ним, гнев ускорил мои шаги. — А чем ты планируешь заняться, Риккард, помимо стриптизерш и кокаина?

— Не смотри свысока на лучшие вещи в жизни, Августина, — рассмеялся он, по-прежнему не глядя на меня. — Я уверен, что ты можешь погуглить, что я собираюсь делать со своим будущим.

— Ты унаследуешь компанию Хоторн от своего отца, — поскольку мои манеры были на порядок лучше его, я сказала: — Перспективно.

— Для тебя, возможно.

Риккард остановился, и я встала рядом с ним. Вся задняя стена книжного магазина была увешана любовными записками и письмами. Сотни маленьких признаний были прикреплены к стене, одни — булавками, другие — жвачками. Послания были самые разные: от влюбленности до опасений за будущее.

Я с жадностью прочитала их все.

— Давай напишем одно.

Он заметил коллекцию ручек и блокнотов, оставленных персоналом, чтобы побудить покупателей оставлять записки.

Я последовала за ним.

— Что ты напишешь?

— Что-нибудь глубокомысленное.

Риккард передал мне ручку и листок, а затем присел на корточки, чтобы написать свою. Он прикрыл ее рукой, чтобы я не смогла прочесть.

Я посмотрела на чистый лист бумаги.

— Я не знаю, что написать.

Он жестом указал на стену, не глядя на меня.

— Что угодно, Августина. Все, что у тебя на уме. Выскажи это публике, — он погрозил пальцем. — Но никаких пошлых рисунков. Мы не хотим оскорбить массы.

Я не хотела, чтобы публика что-то знала о моих мыслях, но я хотела поучаствовать. Торопливо написав несколько слов, я быстро прикрепила их на стену, спрятав за другими записями. Риккард поднял голову, когда я отошла, и нахмурил брови.

— Куда ты ее прикрепила?

— Я тебе не скажу. Они должны быть анонимными.

Риккард защитно прижал свою к груди.

— Тогда ты не сможешь прочитать мою, — он огляделся по сторонам, взял выцветший экземпляр *Tima Андроника* и засунул записку между страницами. Когда я подошла, чтобы взять ее, он поднял книгу над головой и покачал ею. — По справедливости, *Il Penseroso*.

Он посмотрел на вход в магазин, на его лице мелькнуло разочарование, прежде чем оно вернулось к своей обычной очаровательной маске.

— Похоже, дождь прекратился.

— Тогда нам пора идти. Надеюсь, наши пальто высохли.

Риккард расплатился за книгу у прилавка, пока я стряхивала капли с наших пальто. Его было гораздо более мокрым, чем мое, тем более что он использовал его в качестве импровизированного зонтика.

— Ты заболеешь, если отправишься в нем домой, — сказала я ему, когда он вернулся.

— Обещай, что будешь ухаживать за мной до выздоровления.

— И задеть чувства Каллена? Я бы никогда так не поступила.

Он рассмеялся, но не стал надевать пальто. Мы шли обратно в комфортном молчании, разойдясь, когда Риккард довел меня до общежития.

— Это было здорово, — сказала я. — Провести время как... друзья.

Слова казались такими же хрупкими, как и листья под ногами.

Риккард улыбнулся.

— Я всегда рад этому, Августина, — он склонил голову. — Приятного тебе вечера. Увидимся в субботу на втором мероприятии.

— Ты можешь рассказать мне что-нибудь о нем? В приглашении было сказано только, что нужно собрать с собой сумку на ночь.

— Тогда ты должна сделать то, что написано в приглашении, — усмехнулся он, поворачиваясь. Он поднял руку вверх в знак прощания.

Я вернулась в здание и поспешила в свое общежитие. В общей комнате было прохладно — признак того, что Сахар нет дома, поэтому я уединилась в нашей совместной спальне, включив обогреватель.

Вешая пальто, я услышала тихий стук. Я посмотрела вниз. Книга, которую купил Риккард, была засунута в карман. Может быть, он случайно положил ее в пальто? Вряд ли. Риккард ничего не делал случайно.

Я перелистывала страницы, и сердце мое заколотилось, когда оттуда выпал листок бумаги. На нем знакомым почерком Риккарда были выведены буквы.

Лучше бы мне не заболеть от дождя.

Щеки болели от улыбки. Я засунула записку обратно между страниц, защищая ее от мира и всех его бед. Когда я позже рассказывала эту историю Джонатану, я не упомянула Риккарда, и мне становилось все труднее заставить себя понять почему.

Только в следующий понедельник я поняла, что совершенно забыла о книге, которую должна была купить.

10. Августина

Второе мероприятие клуба «Аргус» проходило за пределами кампуса, и дорога до него занимала несколько часов на машине. Риккард заехал за мной рано утром в субботу вместе с Сореном, Калленом и Гофом. Мы ехали мимо возвышающихся лесов с каштановой и оранжевой листвой, всё глубже и глубже пробираясь в Массачусетс. В конце концов мы проехали под каменной аркой, увитой плющом, с надписью: *Особняк Хоторнов*.

Термин «особняк» вводил в заблуждение. В центре зеленых пасторальных лугов, разделенных белыми заборами и ухоженными живыми изгородями, стоял сельский жилой дом. Рядом стоял большой красный амбар, где были припаркованы два автобуса, из которых теперь выгружались остальные панчи. Территория резко заканчивалась, густой лес служил природным ограничителем.

Риккард въехал на гравийную дорожку рядом с другими роскошными автомобилями. По дороге он был нехарактерно молчалив, вместо него на заднем сиденье развлекали нас парни, когда радио перестало работать. Но даже сейчас он постукивал пальцем по рулю, осматривая старших членов клуба, которые толпились на крыльце дома, прислонившись к парапету и раздавливая глицинии под своими тяжелыми локтями.

— Ты в порядке? — я протянула руку и коснулась его запястья.

Риккард взглянул на меня, затем на мою руку, касающуюся его. Его брови нахмурились. Я отстранилась, чувствуя, как румянец залил щеки.

— Прости.

— Ты можешь прикасаться ко мне, когда захочешь, Августина.

Это было не совсем правдой. Я взглянула на его лицо: золотые пряди переходили одна в другую.

— Ты, наверное, думаешь, что я жестока.

— Только иногда, — признался он. — Но я тоже могу быть жестоким.

С этими словами Риккард вышел из машины.

Я схватила свою сумку и последовала за ним, но не раньше, чем посмотрела вниз с холма. Я увидела, что остальных панчи повели в амбар, зажав под мышками спальные мешки. Риккард повел меня не к ним, а в особняк.

Интерьер удивил меня, отсутствие роскоши, на замену которой пришел домашний уют, не ассоциировалось у меня с Хоторнами. Открытые деревянные балки, пересекающие потолок, сочетались с деревянным полом и обоями с изящными цветочными узорами. Черно-белые фотографии мужчин, опирающихся на трости, и женщин с заколотыми назад локонами занимали полку над кирпичным камином, рядом с которым стояло зеленое кресло, покрытое вязаными одеялами.

Я наклонилась поближе к подоконнику, заставленному горшками с цветущими растениями, и сразу же заметила неестественный цвет лепестков. *Искусственные цветы*, поняла я, оглядывая пространство с новой критикой и видя его таким, каким оно было на самом деле: тщательно продуманным, созданным высокооплачиваемым дизайнером интерьера.

Риккард провел меня по тихому коридору и открыл последнюю дверь.

— Ты остановишься здесь.

Посреди комнаты стояла односпальная кровать в рисунок пейсли²², рядом с ней на столе, повернутом в сторону кресла, горела масляная лампа. *Только одна кровать?* Не знаю, почему этот факт разочаровал меня.

— Все мы, парни, будем в амбаре, — сказал он, стоя прямо под дверным косяком, словно один шаг в комнату мог бы нарушить какое-то негласное правило. — За исключением Сорена, но он тебя не побеспокоит.

— Спасибо.

Я положила сумку на кровать, чугунная рама громко скрипнула.

Риккард посмотрел в окно. Я проследила за его взглядом, но ничего интересного не увидела — только свежескошенные пастбища и густой лес.

— Как будешь готова, выходи наружу и присоединяйся к остальным.

— Обязательно.

Наконец он перевел пристальный взгляд на меня, заставив замереть на месте.

— Такие мероприятия могут довольно быстро выйти из-под контроля, как только сядет солнце, — сказал он.

— И ты считаешь, что мне следует оставаться в своей комнате?

Риккард услышал в моем вопросе едва уловимый вызов и не клюнул на приманку.

— Только не говори потом, что тебя не предупреждали.

На мгновение мне показалось, что он скажет что-то изощренное, но он лишь наклонил голову и ушел.

Я переоделась в более подходящую одежду и лишь на мгновение задумалась о своем выборе. Приглашительное письмо — и Риккард — были сдержаны в отношении этого мероприятия. Все, что он мне сказал, это то, что меня ожидает непринужденный день с играми и вкусным барбекю. Я предположила, что это код для чего-то гнусного, но когда я вышла на улицу, там действительно были игры и барбекю.

Парни соревновались друг с другом в мешках из-под картошки, мужчины постарше подбадривали их и называли победителя. Некоторые играли в подковы, другие увивались за старшими. Небольшая группа даже устроила импровизированный поединок по борьбе, их голые груди были покрыты грязью, пока они катались по земле, как собаки.

Я заметила Риккарда за столом для пикника, окруженного как панчи, так и членами клуба. Он сидел на столе, облокотившись на руки, и с веселым выражением лица слушал рассказ Каллена о неудачной поездке в Беркшир. На его шее была отметина, и что-то уродливое начало подниматься внутри меня, пока я не поняла, что это грязь.

Щеки запылали, хотя никто не слышал моих мыслей, и я направилась к барбекю.

Веселый мужчина с розовыми щеками готовил барбекю и, судя по всему, что-то очень вкусное. Кухня ограничивалась булочками для бургеров и рисом — о, и пивом, конечно.

— Возьми побольше лука, милая, — сказал шеф-повар, накладывая его на мой бургер, прежде чем я успела что-либо сказать, — пока эти жадные мальчишки не съели его.

Я неловко постояла с тарелкой всего мгновение, а затем расположилась под деревом. Корни впивались мне в спину, а грязь прилипала к джинсам, но это было гораздо лучше, чем выглядеть душой и подходить к Риккарду с той же нервозностью, что у остальных панчи. Каждый из них, казалось, носил на себе невидимый знак, который гласил: *Пожалуйста, симпатизируйте мне, пожалуйста, симпатизируйте мне, пожалуйста, симпатизируйте мне.*

Весь процесс продажи себя членам клуба для вступления в их тайный клуб казался мне

унизительным, и мне было стыдно перед самой собой за то, что я согласилась на это. Я начинала понимать, что ничто не может сделать меня более иррациональной, чем мои амбиции.

На моих глазах разворачивалась ожесточенная игра в пятнашки, и я повернула голову в её сторону, но продолжала краем глаза наблюдать за Риккардом. Растерянные парни подходили к нему с пивом и едой, как прислужники, ублажающие своего бога данью. Он говорил со всеми ними, и каждая его улыбка была хуже сосновых иголок, впивающихся мне в бедра.

Мой телефон зажужжал сообщением от Джонатана, и он проник в мои мысли, как обычно, с удивлением и тревогой. Удивлением от того, что он существовал, и тревогой от того, что я забыла о нем. Я ответила на его сообщение и убрала телефон в карман, а мой взгляд сразу же вернулся к Риккарду.

Ко мне подошел парень, один из младших участников. Я узнала его ещё по кампусу и коктейльной вечеринке в клубе «Аргус». Он присел передо мной, его улыбка была такой же отполированной, как и его ботинки.

— Ты — Августина, — сказал он в качестве представления. — Самое время начать принимать в клуб «Аргус» женщин.

Я наклонила голову набок, спокойно оценивая его.

— Я Уильям Брэдбери III, но все зовут меня просто Лиам. Я гораздо милее, чем тот другой Уильям, обещаю, — когда я ничего не сказала, *Лиам* уточнил: — Гоф.

Я кивнула.

— В любом случае, я просто подошел спросить, не хочешь ли ты поиграть с нами, парнями, в пятнашки, — сказал он. — Ты выглядишь здесь такой одинокой. Я не хочу, чтобы ты чувствовала себя обделенной.

— Это очень любезно с твоей стороны, — мой голос был таким же легким, как ветерок в моих волосах. — Однако я вполне счастлива здесь.

— Да, да, конечно, — он продолжал сидеть на корточках. — Мне кажется, мы уже встречались. Клянусь, я видел тебя на благотворительном вечере... В прошлом году, в Нью-Йорке, что-то связанное с жильем.

— Мой дядя управляет благотворительной организацией «Stanhope's Homes For All».

Узнавание озарило его лицо.

— Да, так оно и было. Ты была с сестрой, кажется. В голубом платье.

Я вежливо улыбнулась.

Лиам поднялся на ноги, похоже, поняв намек.

— Это открытое приглашение — присоединиться к нам. Приходи, когда будешь готова.

— Спасибо.

— Может быть, мы увидимся на другом приеме?

Я ответила, что, возможно, и увидимся, и наблюдала, как он побежал обратно к своим друзьям, которые с едва скрываемым интересом наблюдали за происходящим.

Краем глаза я заметила, что Риккард смотрит в нашу сторону. Он больше не улыбался.

Спустя несколько часов, когда солнце начало опускаться за горизонт, старшие члены клуба стали расходиться. Они шутили о том, что с панчи надо помягче, на что младшие участники отвечали ухмылками. Риккард объявил всем нам, что нужно отдохнуть несколько часов, а затем снова встретиться у амбара для ночи «веселья» — слово, которое, я уверена, он употребил неправильно.

Сорен присоединился ко мне, когда я поднималась по холму к особняку.

— На самом деле они не собираются принимать тебя в клуб, — сказал он, нарушив молчание. — Ты ведь это понимаешь, верно?

Я действительно это понимала. Многовековые традиции не были бы нарушены из-за того, что один из членов клуба захотел поиграть с девушкой в кошки-мышки.

— Никто не осудит тебя, если ты пропустишь сегодняшний вечер.

Мы добрались до вершины холма, оба дрожа от поднявшегося холодного ветра.

— Что произойдет сегодня ночью?

Сорен вздохнул и трусцой вбежал по ступенькам на крыльцо. Я последовала за ним.

— Охота за сокровищем, Августина.

— Предполагается, что я должна знать, что это такое?

Внутри особняка было тихо и темно. Сорен не стал включать свет, и я наблюдала за его фигурой, прислонившейся к кухонной столешнице. Включить свет означало бы признать, что мне было не по себе, поэтому я продолжила стоять неподвижно, наблюдая за младшим Хоторном.

— Каждый год мы устраиваем охоту за сокровищем, — сказал он в темноте. — Все панчи получают подсказки и должны выяснить, где мы спрятали... сокровище. Тот, кто найдет его, становится победителем, и каждый победитель до сих пор принимался в клуб. Это своего рода короткий путь, так сказать, к посвящению.

— Должно быть, здесь очень высокая конкуренция.

— Ты даже не представляешь, — сказал он. — Послушай, мы заставляем панчи делать всякую хрень, но тебе нужно остерегаться других панчи. Попасть в этот клуб для некоторых из этих ребят — разница между успешной и неуспешной жизнью.

— Я хочу успешной жизни.

Мой тон звучал более уязвимо, чем в моей голове.

Сорен звучал немного добрее, когда сказал: — Я просто хочу помочь тебе, Августина. Ты много значишь для моего двоюродного брата и однажды, возможно, станешь Хоторн. Тебе не нужно побеждать в этой охоте, не так, как другим панчи.

Его слова засели во мне, как камень. Я не была уверена, что с ними делать, как их интерпретировать.

— Когда Риккард был панчи, он выиграл охоту?

Повисла пауза.

— А ты как думаешь?

Я направилась в свою спальню, не обращая внимания на разочарованный вздох Сорена.

Осознанность пришла ко мне подобно удару молнии, и я резко приняла сидячее положение. Тонкий слой пота покрывал кожу, одеяла были скручены между ног. Сердце бешено колотилось от кошмара, но я не могла вспомнить, о чем он был.

Снаружи раздался вой, глубокий и свирепый, и на мгновение я подумала, что это стая волков, но проснувшийся мозг напомнил мне, что в Массачусетсе нет волков.

Я высвободила ноги из-под простыней и на цыпочках подошла к окну. Ниже по склону горел большой костер, черный дым густыми клубами поднимался к небу. Темные фигуры двигались вокруг пламени, как нескоординированные марионетки, их крики были первобытными и громкими. Вопли, как я поняла, исходили от парней.

На краю участка, недалеко от входа в лес, было много тел. Кто-то крикнул, и большая

группа скрылась за деревьями. *Охота за сокровищем.*

Я схватила простыню и завернулась в неё, наслаждаясь теплом, когда поспешила выйти из коттеджа и спуститься с холма. Ноги скользили по росистой траве, и по обнаженной голени пробежали мурашки, но я не обращала на это внимания. Позже будет время побеспокоиться о босых ногах.

Я прошла мимо костра, заметив бочонок и разбросанные пивные стаканы, прежде чем подошла к остальным.

Первым меня заметил Гоф, поджав губы.

— Тебе следовало остаться в постели.

Его голос привлек внимание Каллена, чья фигура отбрасывала такие тени, что они могли бы принадлежать медведю. При виде меня лицо футболиста просветлело, и он обнял меня за плечи, крепко сжав. От его горячего дыхания пахло спиртным.

— Итак, что ты здесь делаешь, маленькая мисс Августина? — промурлыкал он.

Я ловко вывернулась из его хватки.

— Я пришла поучаствовать в охоте за сокровищем.

Каллен рассмеялся, но тут же протрезвел, поняв, что я не шучу.

— О, Августина, ты же не хочешь...

— Августина? — тела сдвинулись, и перед нами предстал Риккард. Его лицо было покрасневшим от адреналина, неровные пряди волос торчали во все стороны. При виде меня он улыбнулся. — А я-то думал, что ты никогда не проснешься.

— Она хочет участвовать в охоте, — сказал Каллен, как ни странно, серьезно.

Риккард не сводил с меня глаз, когда сказал: — Тогда дай ей первую подсказку.

Обменявшись взглядами, парень достал из сумки сложенную подсказку и передал её мне. Я открыла её и прочитала загадку.

Я прячусь в месте, которое никогда не рождалось, но становится всё больше с каждой минутой другой.

Чем тяжелее я, тем быстрее иду, и поведу тебя правильной тропой.

Но осторожней, только собьет тебя с пути истинного каждый шаг по мне твой.

Найди меня.

Риккард отступил в сторону, указывая жестом на хорошо протоптанную тропинку среди деревьев. Я слышала голоса других панчи, хотя и не могла их видеть: каждый пытался разгадать подсказку.

— Тебе не будет слишком холодно? — спросил он, опустив глаза на мои босые ноги и простыню, в которую я была завернута. — Ты в пижаме.

Логично было бы вернуться в особняк и переодеться, но я не хотела рисковать драгоценными секундами. Я и так отставала от других панчи на несколько минут.

— Со мной всё будет в порядке, — сказала я.

Гоф фыркнул. Взгляд Риккарда скользнул поверх моей головы, лицо потемнело, пока его друг не пробормотал что-то о том, чтобы взять пиво и уйти, а затем снова посмотрел на меня.

Он тихо сказал: — Будь осторожна. Если захочешь уйти в любой момент, скажи одному из патрулирующих, чтобы он позвонил мне, и я приду за тобой.

Я на мгновение уставилась на него, прежде чем сложить подсказку.

— Где находится озеро?

Его глаза сверкнули так же ярко, как костер.

— Следуй указателям вдоль тропы.

Я чувствовала пристальный взгляд Риккарда на своем затылке, когда начала спускаться по тропинке, и даже когда я свернула за поворот, скрывшись из виду, эхо его внимания оставалось приковано ко мне.

Ветки зацепились за нижнюю часть простыни, когда я пробиралась сквозь заросли деревьев. Ночная прогулка по лесу вызывала неприятные ощущения. Каждый стукот темноты и свист ветра казались более угрожающими, чем были на самом деле. Без света луны невозможно было бы пройти и трех шагов, не споткнувшись о желудь или ветку.

Я дошла до развилки, где стоял высокий указатель. На нем было три разных стрелки, все они указывали в разные стороны. На одной из них было нарисовано озеро, так что я помолилась, чтобы это не было уловкой, и направилась по левой тропинке.

Деревья внезапно расступились, открыв взору большое озеро. Вода в темноте казалась чернильной, но единственный фонарь на конце пирса освещал ее достаточно, чтобы я смогла разглядеть одинокую гребную лодку в центре воды. По берегам слонялись группы панчи, которые пытались использовать друг друга и в то же время старались держать свои ответы при себе.

Я стояла у кромки воды и размышляла.

Я прячусь в месте, которое никогда не рождалось, но становится всё больше с каждой минутой другой. Эта строка, должно быть, относится к озеру. Озера никогда не рождаются, но с каждым днем становятся все больше из-за дождей.

Мой взгляд переместился на лодку, плывущую посреди озера. *Чем тяжелее я, тем быстрее иду.* Чем больше людей в лодке, тем больше нужно грести, следовательно, лодка будет быстрее. Третья строка также связана с тем, что это лодка. *Каждый шаг по мне...* Если ты будешь идти по лодке, есть вероятность, что ты потеряешь равновесие и упадешь.

Именно слово *прячусь* помешало мне предположить, что это правильное место для поиска подсказки. Зачем было оставлять его на виду, настолько очевидным для глаз?

Всплеск привлек мое внимание, и я повернулась, чтобы увидеть двух парней, плывущих по озеру, их одежда была сложена на берегу. Я наблюдала, как они с большим трудом, но все-таки забрались в лодку. Они обыскали ее и с восторгом закричали, поднимая маленькую записку. *Вторая подсказка.*

Реакция с берега была неоднозначной: одни ликовали, другие ворчали себе под нос. Другие, как и я, сомневались, что это была правильная подсказка.

— Августина, — раздался голос Сорена. Он подошел ко мне, разглядывая двух парней. — Вижу, мои предупреждения не подействовали.

— Мне не нужен Риккард, чтобы обеспечить себе место в этом мире, — сказала я, — или в твоей семье.

Я не была уверена, зачем я добавила последнюю часть, но мне показалось, что это был единственный правильный ответ на его предыдущее предупреждение.

Сорен посмотрел на меня, слегка улыбнулся, а затем жестом указал на лодку.

— Что ты думаешь?

— Что это было слишком очевидно.

— Согласен. Зачем использовать слово *прячусь*, если она находится посреди озера?

Я оглядела озеро. Вдоль берега выстроился ряд каноэ, а к пирсу были привязаны две

лодки. Вокруг них слонялись другие панчи.

— Я могу проверить каноэ, если ты проверишь лодки у пирса, — сказала я.

Сорен кивнул.

— Договорились.

Мы разошлись в разные стороны. Несколько панчи наблюдали за Сореном, и это было неудивительно — если кто-то и должен был знать больше других о подсказках, то это должен был быть Хоторн. Каноэ находились на дальнем западном берегу, под ивами, чьи лиственные лианы плясали вдоль поверхности озера.

Мокрый песок застревал между пальцами ног, когда я подходила к каноэ. Всего их было пять, и я проверила каждую из них. И только в последнем из них я обнаружила под сиденьем небольшой листок бумаги.

Я выше своих братьев, но тебе всё равно придется присмотреться.

Следуйте по извилистым тропинкам и избегайте пустых уголков леса.

Ты поймешь, когда найдешь меня, по запаху снука.

Не сворачивай! Следующий ключ к разгадке скрывается под низом неприготовленного блюда.

Снук был разновидностью рыбы, но в остальном разгадать подсказку было гораздо сложнее, чем первую. Через несколько минут ко мне подошел Сорен, тоже с подсказкой.

— Некоторые из них — приманки, — сказал он, передавая мне свою подсказку. — Как же нам определить, какая из них подделка?

Лети высоко над миром, пока не решишь упасть.

Уходить и возвращаться — такова судьба моего народа.

Дети знают, как меня найти, но знаешь ли ты?

— Эта подсказка не рифмуется, — заметила я.

Сорен нахмурил брови.

— Ты думаешь, все так просто и дело просто в рифме? — он оценил две подсказки. — Нам больше не за что зацепиться, и... — он постучал пальцем по найденной мной подсказке, — кажется, я знаю, где это.

— О?

— На другом конце озера есть огромное дерево, которое выше, чем все остальные вокруг. Мы часто играли возле него в детстве.

Я плотнее завернулась в простыню.

— Пойдем.

11. Августина

В подсказке не было преувеличения, когда говорилось, что запах приведет нас в нужном направлении. От вони у меня заслезились глаза, и я прикрыла лицо простыней, а Сорен — своей рубашкой. Стало совершенно очевидно, где находится следующая подсказка, когда я увидела большую бочку с...

— Рыбьи кишки? — голос Сорена был приглушен, но я прекрасно его понимала.

Под самым высоким деревом в округе стояли четыре массивные бочки с измельченной сырой рыбой, наполненные до краев. Судя по запаху, рыба явно испортилась и не подвергалась охлаждению.

— Я убью этого ублюдка, — пробормотал Сорен себе под нос, закатывая рукав и просовывая руку в первую бочку. Мгновением позже он вытянул руку, зажав в пальцах маленький клочок бумаги.

Позади нас я слышала приближающиеся шаги. Это были другие панчи, которые догадались, что мы с Сореном движемся в правильном направлении.

Сорен сразу же направился к воде, чтобы обмыть руку, а я последовала за ним. Он передал мне записку через плечо.

Когда жаждешь крестьян и перепела, путь один лишь открыт пред тобой.

Не поместье я, но защитник от зла.

Ключ — внутри, победителем делает в раз.

Но зелье опасное, делает грешником вас.

— Есть ли поблизости охотничья хижина? — спросила я.

Сорен поднялся на ноги, и я передала ему подсказку. Он вчитался в слова, но когда открыл рот, чтобы что-то сказать, в тишину ворвалось около дюжины панчи, которые зафукали, когда зловоние ударило им в нос.

— Сюда, — тихо сказал Сорен.

Я следовала за ним по лесу в течение нескольких минут, пока мы не добрались до маленькой деревянной хижины. С крыльца посыпались щепки, и я переступила через них на цыпочках. Внутри было прохладно и чисто, но чувствовалась какая-то вонь, которую я никак не могла уловить. Над двумя креслами на меня смотрела таксидермическая медвежья голова.

В центре комнаты стоял деревянный стол. Одна из ножек была сломана, ее поддерживала стопка книг. На нем было расставлено около дюжины красных стаканчиков. Сорен шагнул вперед, чтобы осмотреть их, но в последнюю секунду я схватила его за руку, указывая на арбалет, висевший в кобуре на стене.

— Осторожно.

Сорен сделал паузу.

— Как ты думаешь, что может спровоцировать его работу?

Я последовала взглядом за проволоккой к столу, к стопке книг.

— Наверное, это как-то связано со стаканчиками.

— Очевидно.

Я оценила стаканчики. Жидкости были разных оттенков радуги. Ни одна из них не была

особенно странной — большинство из них выглядели как сок или выпивка.

Я потеряла висок.

Рядом со мной кашлянул Сорен.

Мы обменялись взглядами.

— Напитки — это очередная приманка, — понял он, оглядывая комнату и снова кашлянул. — Вот черт. Давайте искать разгадку, в воздухе какой-то странный запах...

Я осмотрела помещение. Мое зрение расплывалось, как расфокусированный фотоаппарат, и лишь на короткое мгновение, когда по взгляд сфокусировался я увидела маленький клочок пергамента в пасти медведя. Осторожно, чтобы не задеть проволоку, я поспешила к нему и выхватила его из пасти зверя. Сорен схватил меня за руку и вытолкнул нас из хижины, и мы, спотыкаясь и тяжело дыша, спустились по лестнице.

Я присела, положив голову между коленями. Живот сводило, но не от боли. Возможно, это реакция на тревогу.

— Ты в порядке? — спросила я.

— Как ты думаешь, что это было?

— Думаю точно не что-то токсичное, — сказала я. — Ведь клуб должен следовать каким-то законам.

Сорен не выглядел таким уж уверенным. Он поднялся на ноги.

— Что написано в подсказке?

Буквы поплыли по странице, но через несколько мгновений я смогла разобрать предложения.

Тебя приз ожидает, но медлить нельзя.

Ушам своим верь, но в команде вы совсем не друзья.

Там, куда сворачивает путь, я буду ждать тебя.

Мы с Сореном переглянулись. Мы оба понимали, что это сотрудничество не более чем временное.

— Старшие члены клуба никогда не примут тебя, — сказал Сорен. — Даже если ты выиграешь их знаменитую охоту.

Я оценила его. Его глаза, казалось, светились неестественным цветом, и я быстро отвела взгляд, насторожившись. Я передала ему подсказку, заранее запомнив ее. Сорен с благодарностью принял ее и скрылся на тропинке, его фигура колыхалась, как дерево на ветру.

Там, куда сворачивает путь...

Я повернулась и направилась в обратную сторону. Не успела я пройти около пяти шагов, как мир вокруг стал казаться воздушным и легким, словно бревна и камни освобождались от сковывающих их пут. Звезды создавали на небе узоры — сферы, треугольники и квадраты, которые то растягивались, то сжимались.

Вдалеке кто-то позвал меня по имени, и я двинулась к нему. Деревья становились все выше, устремляясь к небесам.

Краем глаза я уловила какое-то движение, и я резко развернулась, ахнув, когда столкнулась лицом к лицу с массивным оленем, у которого была рыжая шерсть. Он был выше меня на целую голову, а его рога по форме напоминали руки скелетов. Олень поднял голову и посмотрел прямо на меня.

— Скажи парню, что ты его любишь, — произнес олень, его морда двигалась над словами так, что я не могла прочитать, но все равно поняла.

— Какому парню? — спросила я.

На мгновение мне показалось, что он собирается ответить, но что-то заставило его замереть. Уши его насторожились, он уставился на другой берег озера, а затем развернулся и унесся прочь. Он исчез так же быстро, как появился.

Я посмотрела на озеро и остановилась. На другом берегу стояло бесчисленное множество фигур в капюшонах, двигавшихся одна за другой, как стая ворон. Один из них поднял руки, обнажив арбалет, стрела которого была направлена прямо на меня.

Мои ноги стали как цемент.

Фигура в капюшоне не выстрелила, но и не убрала прицел. Затем, щелкнув пальцами, он нажал на спуск, и стрела полетела по воздуху...

Я упала назад и продолжала соскальзывать. Мои руки тянулись, хватаясь за что-нибудь, за что угодно. Грязь и листья запутались в моих волосах, а простыня болезненно скрутилась вокруг меня...

Боль пронзила мои конечности, когда я столкнулась с деревом. Толстый ствол остановил меня. Вокруг меня мир закружился и завертелся. Мне потребовалось мгновение, чтобы сориентироваться, и еще больше времени, чтобы освободиться от простыней.

В конце концов я поднялась на ноги, опираясь на дерево.

Впервые в жизни я начала серьезно сомневаться в своей сообразительности. Но лишь на мгновение — ведь вверху лежал путь, по которому я пришел, включая развилку тропы, где стоял деревянный указатель.

Я перебралась через мшистое бревно и направилась к ориентиру.

Там, куда сворачивает путь...

Поскольку я уже была вся в грязи, то без всякого стеснения встала на колени и стала копать во влажной земле. Она застревала под моими ногтями, и я проклинала себя, пока мои пальцы не наткнулись на что-то твердое. Я выдернула это из земли.

В моих руках лежал олений рог, выструганный и резной.

Я победила.

Холодный утренний ветерок пронесся над озером. Деревья склонились над берегом, их опадающие листья пускали рябь по поверхности, искажая мое отражение. По мере того как становилось светлее, я все больше приходила в себя и начала замечать то, чего не замечала накануне: порезы на коленях, засохшую кровь на ладонях, прореху на спине пижамы.

Пальцы онемели и похолодели, но продолжали сжимать добытый трофей.

В душе появилось странное чувство. Та девушка, которой я была вчера, стала отголоском, незнакомкой. Я чувствовала себя странно в своей коже, но не неуместно.

Было что-то комически-стереотипное в том, что студент колледжа чувствует себя так, будто наконец-то нашёл себя после неудачной наркозависимости. Впервые в жизни я почувствовала себя на свой возраст. Я была восемнадцатилетней девушкой, которая совершила нечто противозаконное, выжила и теперь смотрела на мир по-новому.

Возможно, моя тетя была права, когда говорила мне, что я должна извлечь максимум пользы из этого времени в моей жизни.

Птицы пели утренние песни, утки пробегали рядом, их утята бежали следом. Сбоку зашелестел куст, и из зарослей выскочил кролик. Он обнюхал все вокруг, поднял голову,

наострил уши и скрылся в листве.

За спиной зашелестела листва, послышались шаги. На плечи мне накинули плащ, и Риккард сел рядом со мной, его волосы были в беспорядке.

— Я искал тебя несколько часов, — сказал он.

Я протянула ему олений рог.

Риккард взглянул на него и слегка улыбнулся.

— Ты победила, — улыбка исчезла, когда он увидел кровь на моих руках. Осторожно он отдернул мою руку от трофея, оценивая ущерб. Я наблюдала, как он начал замечать другие порезы и царапины, хмуря брови с каждым новым открытием. — Есть ли хоть сантиметр кожи, который ты не ушибла?

Мы погрузились в комфортное молчание, хотя Риккард и продолжал бросать на мои колени едва скрываемые взгляды.

— Я сейчас вернусь, — пробормотал он.

Через несколько минут он вернулся, неся в руках аптечку. Я молча положила ноги ему на колени и позволила промыть порезы и царапины. Прислонившись головой к деревянному столбу, я наблюдала за его быстрыми осторожными движениями. Никто никогда не ухаживал за мной подобным образом, но я не могла припомнить, чтобы у меня когда-нибудь были травмы. Даже в детстве я не могла припомнить случая, чтобы я искала пластырь.

— Все готово, — мягко сказал он.

Я не убрала ноги с его колен.

Риккард встретил мой взгляд. В утреннем свете золото его глаз выглядело как пойманный солнечный свет. С минуту мы смотрели друг на друга, воздух был тяжелым от нерешительности и понимания.

— Мне любопытно, — пробормотал он, голос был мягким и убаюкивающим.

— Что именно?

— Почему ты продолжаешь обманывать себя, думая, что будешь счастлива, работая в пресс-службе, живя в том же городе, в котором выросла, и выйдя замуж за своего школьного парня?

— Счастье относительно.

Риккард кивнул, но это не было согласием. В его словах будущее, которое я планировала для себя, звучало мрачно и сокрушенно, и я не могла заглушить ту малую часть себя, которая была согласна с его оценкой. Я была слишком гордой, чтобы признать это, когда женщины Грейди использовали слова «счастье» и «комфорт» как взаимозаменяемые.

— Я не хочу пользоваться всеми привилегиями, которые мне даны, — осторожно сказала я, надеясь, что хоть крупица правды в моей лжи убедит его. — Мои тетя и дядя никогда не хотели иметь детей, но безропотно приняли нас с сестрой.

— Тебе позволено хотеть большего, — сказал он. — Почему ты не используешь это? Ты можешь стать президентом, если приложишь к этому усилия.

Я посмотрела на свои ноги. Большой палец Риккарда гладил кожу моей лодыжки, и это прикосновение достаточно обезоружило меня, чтобы я признался: — Не думаю, что я буду делать хорошие вещи.

Его прикосновение приостановилось, прежде чем возобновиться.

— Добро и амбиции — слишком разные вещи, Августина.

— Я не согласна.

В отличие от Риккарда, который носил свое обаяние как маску, моя замкнутость не

была притворством. Мне было трудно найти общий язык с окружающим миром, особенно с другими людьми. Если бы я не умела сопереживать, разве это не делало бы меня ужасным человеком, способным обладать властью? Моя способность пренебрегать общепринятой порядочностью ради достижения своих целей была ужасной чертой — даже если это означало, что я могла совершать невероятные вещи.

Поэтому не имело значения, как много я думала о Риккарде, как мечтала о нем и тосковала по нему в темноте. Интеллект никогда не был тем, с чем я боролась, и я знала, что любовь к нему приведет к ужасным...

Он обхватил пальцами мои лодыжки и сжал их. Это было ничуть не больно, но ощущение от него пронеслось до самой головы, стирая мысли.

— Я думаю, что ты можешь делать удивительные вещи. Я думаю, что ты... — Риккард прочистил горло. — Иногда я смотрю на тебя и думаю...

Вокруг нас воцарилось молчание. Какая-то часть меня хотела узнать конец его фразы, но большая часть не хотела. Ирония была смехотворной: Я хотела, чтобы меня поняли, но не хотела, чтобы кто-то что-то знал обо мне.

Его руки внезапно опустились.

— Давай отвезем тебя домой.

Я знала, что буду жалеть о своем решении, если нарушу этот момент, если позволю миру забрать у меня Риккарда. Но он не принадлежал мне, поэтому вместо этого я убрала ноги с его коленей и поднялась.

— Да, давай.

12. Августина

Возможно, Хэллоуин и был праздником шалостей, но в Гарварде к нему относились невероятно серьезно. В последние несколько дней двор оживился в связи с приближающимся праздником: здесь проводились развлекательные призрачные туры, марафоны фильмов ужасов и везде были ухмыляющиеся тыквы, которые с наступлением темноты светились, как костры во время празднования Самайна²³. Сидя за маленьким столиком в ресторане Barker's, я слушала Сериз, обсуждавшую свою последнюю попытку завязать знакомство. Она нашла меня за чтением на улице и заманила в свою паутину, прежде чем я успела вежливо отказаться.

Краем глаза я успела заметить Риккарда, прежде чем он прыгнул, но Сериз не успела. Она подпрыгнула в воздух, издав визг, а ее машущие руки опрокинули чашку, стоящую на столике.

Риккард снял маску Джейсона, выглядя немного смущенным, и взял несколько салфеток с другого стола.

— Извини, Эррингтон. Я хотел напугать Августину.

Сериз покраснела до корней волос.

— О, все в порядке...

Я взяла салфетки и стала помогать ему вытирать горячий шоколад.

— Оставь. Я сам, — его тон не оставил места для споров, и я отложила промокшую салфетку.

Риккард убрал остатки со стола, извинился перед ближайшим сотрудником, который уставился на него в шоке. Он на мгновение исчез, но вернулся с новым напитком.

— Что вы, девушки, планируете делать сегодня вечером? — спросил он, ставя напиток перед Сериз.

Она посмотрела на меня, щеки все еще были ярко-розовыми.

Я спасла взволнованную Сериз от ответа, сказав: — На следующей неделе мне нужно сдать три работы. Сегодня вечером я занимаюсь.

Риккард посмотрел на Сериз, которая сразу же сказала, что идет на вечеринку Пчелиного Клуба, которая называлась Бууу-Тусовка. Когда она сказала, что нарядится в костюм Тряпичной Энни²⁴, он слабо ухмыльнулся и сказал: — *Очень мило*, — после чего она снова замолчала.

— А у тебя какие планы, Риккард? — спросила я его.

Он посмотрел на меня, и в его взгляде промелькнуло веселье.

— Мы с ребятами едем на Фестиваль Страха. Я собирался пригласить тебя с собой...

Сериз бросила на меня многозначительный взгляд, который я проигнорировала.

У меня не было проблем с Хэллоуином — даже если я и находила его несколько чрезмерным праздником — но в последнее время у меня были проблемы с Риккардом. После возвращения из коттеджа Хоторнов в наших отношениях произошел какой-то сдвиг, словно в моей железной воле открутился какой-то винтик, и теперь вся машина была на грани развала. Одной встречи с ним в университетском городке было достаточно, чтобы почувствовать, что у меня выбили почву из-под ног.

Его улыбки, его прикосновения, его дружба становились почти невыносимыми.

Риккард вскинул бровь.

— Августина? Ты хочешь пойти с нами?

Я убрала телефон в сумку.

— Нет, спасибо. А сейчас, если позволите, мне нужно идти на занятия.

— Я провожу тебя, — он поднялся на ноги, попрощался с Сериз и присоединился ко мне, когда я вышла из кафе и покинула Гуманитарный центр.

Я уткнулась лицом в свой шерстяной шарф, холодный ветер шелестел моими волосами. Ноябрь был не за горами, а вместе с ним и экзамены.

Риккард, что неудивительно, первым нарушил молчание.

— Я заходил к тебе в общежитие, и Сахар сказала, что ты пошла гулять со мной, — он засунул руки в карманы и улыбнулся проходящей мимо группе, которая радостно его приветствовала.

Я старательно сохраняла спокойное выражение лица.

— Наверное, она ослышалась.

— Ну конечно.

Мы подошли к арке Север-холла, оформленной в сирийском стиле, где через час должно было состояться мое следующее занятие. Мы оба остановились под шепчущей аркой, дизайн которой позволял посылать интимные сообщения через углубления человеку, находящемуся по другую сторону.

Риккард смотрел на меня так, словно я была одним из его кроссвордов.

— Что ты чувствуешь?

Единственным признаком моего удивления было моргание.

— Что... что я чувствую?

— Да.

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что ты даришь мне ту же улыбку, что и всем остальным.

— Ты хочешь сказать что, у тебя есть персональная улыбка?

— О, я знаю, что есть, — он понизил голос. — И где же *моя* улыбка?

Между нами возникло электричество, угрожая поражением током, если я подойду слишком близко. Я сглотнула, и от этого звука ухмылка Риккарда стала еще шире.

— Мне нужно идти на занятия, — тихо сказала я.

Он вздохнул и откинулся назад, выпрямившись во весь рост. Его губы сжались от разочарования, и я поняла, что провалила тест, который он придумал для меня в своей голове.

Риккард развернулся и зашагал прочь, туда, куда он посчитал нужным благословить своим присутствием.

— Риккард?

Он приостановился, оглянувшись на меня.

— Увидимся на Фестивале Страха.

Айрис обхватила себя руками, когда мы вышли из автобуса.

— Можно подумать, что открытие врат Ада сделает эту ночь немного теплее, — пробормотала она.

— Это из-за того, что завеса между жизнью и смертью становится тоньше, — поправила ее Сахар. — Ад не имеет никакого отношения к Хэллоуину.

Я спрятала свою CharlieCard²⁵ в сумку и пожалела, что не взяла с собой свитер, но свитер, скорее всего, испортил бы мой внешний вид в последнюю минуту. Единственным костюмом, который можно было купить в Spirit Halloween, была пара детских ангельских крыльев, и теперь они неудобно впивались мне в спину. Я позаимствовала белую кофточку у девушки из моего общежития но, как и крылья, она была слишком мала и постоянно поднималась, показывая мой живот. В следующем году мне нужно будет лучше спланировать свой костюм и отдать предпочтение для сохранения тепла.

О тепле, похоже, все думали в последнюю очередь, пока я осматривала Фестиваль Страх. Девушки проходили мимо в крошечных платьицах, юбочках и ведьмовских колпаках, а парни отказывались от рубашек, чтобы забрызгать грудь искусственной кровью. Сам фестиваль проходил на большой ферме, разделенной тюками сена и деревенскими заборами.

В поезде я подслушала разговор нескольких девушек о том, что когда-то эта земля принадлежала семье Брэннок, но дочь сошла с ума и убила всех семерых членов своей семьи. В результате трагедии земля стала непригодной для продажи, и теперь дальние родственники сдают ее в аренду местным властям для проведения мероприятий — как мне показалось, октябрь был для них самым прибыльным месяцем.

— Не могу поверить, что Сериз бросила нас ради своих маленьких друзей из БАП, — сказала Айрис, когда мы поднимались по холму к очереди за билетами. Она яростно потирала руки. — Что вообще такое *Бууу-Тусовка*?

Мы с Сахар благоразумно промолчали.

Внутри было шумно, энергично и все освещалось туманным оранжевым светом сказочных гирлянд, висевших между палатками и тележками с едой. Американские горки с головокружительными поворотами возвышались над толпой, а поле было усеяно палатками, заполненными участниками соревнований — от метания дротиков до ловли яблок. Айрис попробовала свои силы в игре по подбрасыванию колец, но неспособность набрать хотя бы одно очко привела ее в еще более скверное настроение.

— А где твой парень? — спросила меня Айрис, когда мы направились к тележкам с едой.

Джонатан промелькнул у меня в голове, и я повернула голову так, будто он вот-вот материализуется прямо перед нами. Но Айрис говорила не о нем.

— Он не мой парень.

Она фыркнула.

— А Риккард об этом знает?

Я не хотела обсуждать Риккарда и уж тем более не хотела знать мнение Айрис о нашей... дружбе.

Мы подошли к началу очереди. Мужчина с облупившейся зеленой краской на лице наклонился к нам, зажав сигарету между губами.

— Mothman Meatlovers²⁶ не осталось, — сказал он, выдыхая дым нам в лицо. — Только Sasquatch Supreme, — он разложил кусочки на три бумажные тарелки, прежде чем мы согласились.

— У вас есть нож и вилка? — спросила я.

Он посмотрел на меня, фыркнул, а затем начал говорить людям позади нас: — У меня не осталось Mothman...

Я повернулась, и последовала за Сахар, которая уже вышла из очереди. Жирный сыр сполз с бумажной тарелки на траву.

Волосы на моем затылке вдруг встали дыбом...

— *Как слаб наш дух, как бrenна наша плоть!* — горячее дыхание щекотало мне ухо. —

Святых, пожалуй, нынче редко встретишь.

Я обернулась. Риккард стоял рядом со мной и ухмылялся, глядя на мои крылья. Какой бы ответ ни вертелся у меня на языке, он мгновенно угас, когда я впилась в него взглядом. Он был одет в оранжевую тогу, перекинутую через левое плечо, и больше ничего. Вся правая сторона была обнажена, включая соски. Упругие мышцы двигались при каждом вдохе, и мой взгляд опустился к поясу Адониса²⁷...

Кончики моих ушей горели.

— Генрих VIII, — сказал он, когда я ничего не ответила. — Шекспир.

Там, где должна была находиться его печень, была затянувшаяся рана. Она выглядела растерзанной и кровавой, но удивительно искусной.

— Ты — Прометей, — вздохнула я.

Риккард усмехнулся и наклонился ближе, понизив голос до такой степени, что его плавность стала похожа на шепот пальцев по моей обнаженной коже.

— Тебе нравится мой костюм?

Ответить мне помешали подошедшие Айрис и Сахар. Обе смотрели на Риккарда удивлёнными глазами и, казалось, на мгновение лишились дара речи.

Он выпрямился.

— Приглашаем вас троих посидеть с нами, парнями, — он посмотрел на пиццу в моих руках, и его губы растянулись в улыбке.

Мы все кивнули и пошли за ним туда, где на тюках сена сидела компания парней. Риккард заставил двух первокурсников подвинуться, чтобы мы могли сесть, а сам уселся скрестив ноги возле моих ног. Никто из нас не проронил ни слова, пока парни спорили друг над другом, Каллен доказывал свою точку зрения невозмутимому Сорену. Это было как-то связано с футболом, но все мои надежды обратить на это внимание улетучились, когда Риккард откинулся назад, прижимаясь к моим ногам.

Если бы я протянула руку, то смогла бы провести пальцами по его волосам. Мои руки дернулись от этой мысли. Воспоминания о нашем поцелуе в библиотеке не выходили у меня из головы, и я вспомнила, какими мягкими были пряди между моими...

— Ты собираешься это есть? — Каллен наклонился и жестом указал на пиццу у меня на коленях.

Я покачала головой и передала ему пиццу. Он с удовольствием съел ее.

Риккард откинул голову назад, встретившись с моим взглядом. Он поднял свой бокал в немом вопросе, и я кивнула. Что угодно, лишь бы притупить ощущение его обнаженной кожи на моих ногах.

Как только я сделала неуверенный глоток, я пожалела об этом. Я почувствовала его вкус на ободке, ощутила прикосновение его губ к своим. Я встретила взглядом с глазами Риккарда, и они вспыхнули, как будто его посетила та же мысль.

— Ты предвкушаешь последнее мероприятие? — громко спросил Каллен. Мы все повернулись, чтобы посмотреть на него. — Ты почти одна из нас, Августина.

Я вежливо улыбнулась.

— Почти.

Гоф бросил на меня неодобрительный взгляд и что-то пробормотал парню, сидевшему рядом с ним, еще одному члену клуба «Аргус». В течение нескольких дней после того, как я

выиграла охоту за сокровищами, члены клуба были либо очень дружелюбны ко мне, либо гораздо более холодны. Некоторые из них даже подходили ко мне в кампусе, чтобы поздравить или, как сейчас Гоф, дать понять, что не одобряют моего участия.

Сорен сказал мне, что они ревнуют, злятся — и ещё что-то, что чувствуют мужчины, когда женщина превосходит их. *Возможно, он сказал, если бы они меньше думали о тебе и больше о клубе, они бы поняли, что здесь происходит.* Я предположила, что он имел в виду наши с Риккардом отношения, но чем дольше я думала об этом, тем больше задавалась вопросом, не имел ли он в виду что-то другое.

Риккард встал и повернулся лицом ко мне.

— Мне скучно, — сказал он. — Пойдем, займемся чем-нибудь.

— Я не люблю американские горки, — сказала я.

Его глаза сверкнули.

— Тогда как насчет дома Брэннока?

Я посмотрела в сторону дома. Он стоял на холме, перед входом в него стояла очередь из желающих. В этом доме произошла печально известная резня, и он был главной достопримечательностью Фестиваля Страх.

— Только не говори мне, что ты боишься привидений, *Il Penseroso*, — поддразнил он.

Я поднялась на ноги, не в силах устоять перед этим вызовом.

— Нет, не боюсь призраков.

Группа из нас направилась к дому, присоединяясь к очереди.

— По двое, — сказал человек в костюме Губки Боба. У него не хватало двух зубов, но это не мешало ему широко улыбаться. — Не трогать актеров и не зажиматься по углам.

Я не могла придумать менее романтического места, чем дом с привидениями.

Мы с Риккардом пошли последними, переступив порог темно-зеленого коридора. Мерцающие стрелки указывали нам, куда идти. Я не видела перед собой вытянутой руки, но чувствовала Риккарда за спиной, его тепло, прижавшееся к моей спине.

— Ааааа! — на нас выскочил упырь, но никто из нас не испугался. Он неуверенно остановился, а затем снова скрылся в тени.

Смех Риккарда щекотал мне шею. Впереди раздалось эхо знакомого крика — Сахар.

Мы продолжали двигаться по коридорам и подниматься по лестнице. Навстречу нам выскочил еще один актер, и на этот раз я подпрыгнула от неожиданности.

Он что-то сказал успокаивающим тоном с язвительными нотками, но все мое внимание переключилось на то, как его рука впиалась мне в поясницу.

Я повернулась. Один взгляд, и все инстинкты во мне закричали: *Поцелуй его! Поцелуй его!*

Темно-медовые глаза были устремлены исключительно на меня, и тусклое освещение не смогло скрыть напряженности, которая таилась в их глубине. Ни одна женщина в истории не смогла бы устоять перед взглядом этого юноши — и в этот раз я не стала исключением.

Я приподнялась на цыпочки, запечатлевая очень легкий поцелуй на его подбородке. На вкус он был как соль, природа и *Риккард*.

Он был совершенно неподвижен. Он даже не дышал.

Я прижалась губами к его скуле, ощущая недавно сбритую щетину. Все выше и выше, пока мои зубы не прикусили его ухо...

Вся сдержанность, которую он проявлял, казалось, умерла в тот же миг. Руки Риккарда обхватили меня за талию, пальцы впились в кожу. Он возвышался надо мной, откидывая

меня назад, и я была вынуждена ухватиться за его бицепсы для поддержки. Моя грудь прижалась к его груди, жажда, чтобы ее сжали, и даже сквозь слой кофточки, разделяющий нас, мои соски стали твердыми от его прикосновения.

Риккард заглянул мне в глаза, и его ухмылка стала только шире, когда он увидел мои покрасневшие щеки, приоткрытые губы и тяжелое дыхание.

— Поцелуи запрещены, — промурлыкал он. — Ты нарушаешь правила.

Я бросила на него уничтожающий взгляд.

— Когда это ты заботился о правилах?

— Никогда.

Наши губы встретились, и мой мир сузился до его вкуса.

Его руки крепче прижали меня к себе, а зубы впились в мои губы. Я открыла рот, поддаваясь ему, и он с готовностью воспользовался этим. Его язык дразнил мой, то отстраняясь, то возвращаясь. Я почувствовала его смех, когда разочаровалась и притянула его ближе к себе, прекращая его игру.

Одна из его рук поднялась, и его пальцы обхватили мою шею, удерживая меня на месте. Ему не стоило беспокоиться — я не собиралась нарушать этот момент даже ради метеорита, влетевшего в окно.

Волна жара пробежала от моей шеи вниз по позвоночнику к промежности. Раздался шум — недостойное хныканье и жалобный плач — и мне потребовалась минута, чтобы понять, что я сделала это. Риккард только застонал в ответ, прижимая меня к себе.

А потом он исчез.

Его руки толкнули меня, и я ударилась спиной о стену...

В голове раздался резкий треск. Поднялась пыль. Дерево затрещало. Мир, казалось, сдвинулся с места.

Прошло несколько мгновений, прежде чем пыль рассеялась, а моя дезориентация исчезла. Передо мной рухнули перила и края второго этажа, оставив после себя щепки деревянных досок и ржавые шурупы.

Что-то ужасное поднялось во мне, чувство, которому я не могла дать названия, и я поползла к краю...

— Риккард! — закричала я. — РИККАРД!

Мои ладони вспыхнули от боли, когда я перегнулась через край, обломанные доски вонзились в нежную кожу.

— РИККАРД!

Послышался шум, какое-то движение, а затем: — Я в порядке, Августина.

Пыль рассеялась, и я увидела, что Риккард лежит на спине, под ним сломанные перила.

— Не двигайся, — крикнула я. — Ты мог что-нибудь сломать. Просто не двигайся...

— Я в порядке, — сказал он и пошевелился. Риккард поднялся в сидячее положение и провел рукой по руке.

— *Что ты делаешь?* — мой голос граничил с истерикой. — Ты можешь причинить еще больший вред...!

— Августина, я в порядке, — Риккард поднялся на ноги, глядя на меня спокойными глазами. — Ничего не сломано. Теперь отойди назад. Доски пола могут быть неустойчивы.

Мой мозг извивался внутри черепа, как взбудораженная змея.

— Как ты можешь быть в порядке...?

— Августина, — твердо сказал он. — Отойди назад.

В этот момент включилось яркое освещение, заливая пространство белым светом. Мои глаза заболели от этого натиска. Послышались громкие шаги, и в комнату вошли актеры, один из которых был одет в костюм вампира, а на голове у него была шляпа с надписью ОФИЦЕР-ДОБРОВОЛЕЦ ПО БЕЗОПАСНОСТИ ДОМА БРЭННОК.

— Мы эвакуируемся...! — его разрисованное лицо застыло, когда он увидел повреждения. — О, чёрт.

После встречи с медиками я сидела одна на стог сена. Он находился за фургоном с едой, но был достаточно скрыт, чтобы я чувствовала себя незаметно. Руки слабо болели, но занозы были извлечены, а раны забинтованы марлей. Риккард сидел рядом со мной в машине скорой помощи все время, пока мне их вытаскивали, и поддразнивал меня ангелами в литературе.

Парамедики констатировали, что он в порядке, что заставило меня усомниться в уровне оказанной нам помощи, но он не стал поднимать этот вопрос. Более того, даже, кажется, еще больше укрепился в своем диагнозе.

Послышались шаги, и Риккард примостился рядом со мной на стог сена. В руках у него был кусок пиццы.

— Это тебе, — сказал он, передавая его в мои раскрытые ладони. Он достал из кармана нож и вилку. — И это для тебя.

Я улыбнулась в знак благодарности, но аппетита не было.

— Ты упал с высоты, — сказала я. — Как ты?

Риккард улыбнулся мне своей лучшей улыбкой, которая заставила бы покраснеть и мертвую женщину.

— Думаю мне просто повезло.

Повезло.

Я отложила пиццу в сторону и снова посмотрела на свои руки.

Риккард протянул руку и мягко коснулся кончика моего пальца с нежностью, с которой прикасаются к младенцам и стеклу.

— Больно?

— Скорее жжет.

Он сжал зубы, мышцы щеки дернулись.

— Их страховая будет в ярости. Я сомневаюсь, что им разрешат провести еще один Фестиваль Страх, а если и разрешат, то в дом Брэнноков не допустят. Они нарушили слишком много процедур безопасности.

— Ты не можешь знать этого наверняка.

— Пока нет.

Его слова положили конец разговору.

— Я должна найти Сахар и Айрис. Они будут волноваться, — но при этом я осталась сидеть.

Палец Риккарда опустился на мое запястье и провел по синим венам. У меня перехватило дыхание, и он перевел взгляд на меня.

— Риккард, я...

Мой рингтон резко оборвал меня. Прежде чем ответить, я уже знала, кто это, и, судя по тому, как Риккард отпрянул, он тоже знал, кто это.

Риккард поднялся на ноги.

— Рик...

— Нет, поговори со своим *парнем*, — его тон был каким угодно, только не снисходительным. Когда я не пошевелилась, он просто покачал головой, выглядя более разбитым, чем я когда-либо его видела. — Увидимся в кампусе.

Глядя вслед удаляющемуся парню, я не могла не задаться вопросом, к кому я была более жестокой. К Риккарду или к себе?

13. Августина

Я смахнула грязь с джинсов, направляясь к грузовикам и палаткам.

Здесь было не так многолюдно, как в начале дня, когда запах жареной во фритюре пищи был настолько густым и сильным, что казалось, будто пробираешься сквозь масло. Теперь здесь оставалось всего несколько человек: те, кто был слишком пьян, чтобы идти смотреть игру, или те, кого это не волновало и кто просто хотел получить повод для отдыха.

Со стадиона донесся низкий рев, и я повернулась, чтобы посмотреть. Стадион Гарварда имел форму буквы «U» и был похож на римский Колизей. Однако вместо гладиаторов, сражающихся насмерть на окровавленном песке, здесь находились две команды парней, одетых в лайкру²⁸ и сражающихся за маленький мяч. Игра была крупнейшим событием года, два самых элитных колледжа страны сражались друг с другом на травяном поле, и все чувствовали дух соперничества.

Мои ноги замедлились, когда я услышала знакомый смех. Я последовала за звуком вокруг машин, пока мои ноги не замерли. Риккард, прислонившись к багажнику, с пивом в руке смотрел на девушку. Она стояла в двух шагах от него, хлопая глазами и откидывая волосы за плечи.

Я видела Риккарда в университетском городке, но за последние несколько недель разговаривала с ним только один раз — на Родительском Уикенде. Дядя Карлайл и тетя Розамунда приехали рано утром в субботу, их вашингтонские черные пальто напоминали вороньи перья. Оба были рады меня видеть, но обниматься не стали, ограничившись лишь отточенными поцелуями в щеки.

Дядя Карлайл был вне себя от радости, увидев, как хорошо у меня идут дела.

— Гарвард о тебе хорошо заботится, — промурлыкал он. Я не стала упоминать о своих кратких экспериментах с галлюциногенами.

Мы пошли на обед в Анненберг-холл, где собрались все остальные первокурсники, пытавшиеся произвести впечатление на своих родителей. Все рисовали гораздо более приятные впечатления, чем на самом деле, мы не упоминали о том, что плакали над заданиями, теряли свою социальную жизнь из-за учебы или выживали за счет рамена.

Несколько профессоров прошли мимо нашей маленькой троицы и представились, высоко оценив мои работы и поведение. Дядя Карлайл также встретил старых приятелей по клубу «Аргус» и поставил нас с тетей в неловкое положение, спев с ними в коридоре песню клуба. Когда один из них намекнул на мое собственное посвящение в члены клуба, дядя Карлайл удивил меня тем, что отказался комментировать это.

Должно быть, он согласен с мнением старших членов клуба о том, что женщины не допускаются, подумала я, но не смог пойти против своей любимой племянницы.

После обеда я повела их на экскурсию по кампусу — хотя дядя Карлайл знал об университете больше, чем я. Риккарда я заметила у ступенек Виденера вместе с Сореном и пожилой женщиной, которая, должно быть, была матерью Сорена. На ней был костюм от Шанель, а темные волосы были стянуты в пучок, настолько тугой, что кожа обтягивала скулы. Риккард поднял руку в знак приветствия.

— Кому ты улыбаешься? — дядя Карлайл проследил за моим взглядом, заметил Риккарда и коротко нахмурился. — Парню?

Несмотря на предостережение в моих глазах, Риккард направился к нам. Он протянул руку моему дяде, излучая образ идеального респектабельного джентльмена, который, как утверждали в Гарварде, они производят на свет.

— Мистер Стэнхоуп? Простите, что прерываю вас, но я хотел бы подойти и представиться. Я Риккард и также один из членов клуба «Аргус».

— Сын Найлза? — дядя Карлайл узнал это имя и пожал ему руку. — Рад познакомиться с вами, молодой человек, — он протянул руку. — Это моя жена, Розамунда.

Риккард поприветствовал мою тетю, ни разу не изменив своим манерам.

— Я не хочу прерывать ваш выходной, но мой отец очень хорошо отзывается о вас, и я хотел поприветствовать вас.

— О, правда? — мой дядя чуть выпрямился. — Да, что ж, он очень хороший человек. Очень хороший. Ты, должно быть, очень гордишься тем, что он твой отец.

— В тревожной степени, — ответил Риккард, и, кажется, только я уловила саркастический намек в его словах.

— Как насчет того, чтобы присоединиться к нам за ужином? — сказал дядя Карлайл. — Я хотел бы узнать побольше о неприятностях, в которые вляпалась моя племянница.

Я взглянула на него.

— Я не попадала ни в какие неприятности.

— Если я знал о чём-то, я бы поделился, — задумчиво произнес Риккард, — но, как сказала Августина, она выше всяких неприятностей, — он склонил голову. — Для меня было честью познакомиться с вами, мистер Стэнхоуп, и приятно познакомиться с вами, миссис Стэнхоуп. Августина, увидимся в понедельник.

Вот так просто он ушел, оставив моего совершенно очарованного дядю.

Дядя Карлайл быстро дал мне понять, как ему понравился Риккард.

— Какой прекрасный молодой человек, — сказал он мне. — Если бы ты или твоя сестра привели домой такого парня, я был бы очень рад. Действительно, очень рад, — он посмотрел на свою жену. — Дорогая, что тебя в нем не устраивает? Он показался мне очень сердечным и при этом он парень из «Аргуса»!

Выражение лица тети Розамунды было непроницаемым.

— Возможно, именно поэтому я хотела, чтобы Августина держалась от него подальше.

— И все же ты сама вышла замуж за парня из «Аргуса», — усмехнулся он. — А теперь идемте, мои девочки. Давай поищем что-нибудь поесть. О, и напомни мне Августину, прежде чем мы уйдем, я должен показать тебе записку, которую оставил под столами в лекционном зале по психологии...

Тетя и дядя уехали в тот же день, оставив меня с обещаниями навещать их почаще и с тяжелым осознанием тоски по дому. С тех пор мы с Риккардом не разговаривали.

Очередной девичий смех вернул меня в настоящее. Я узнала Сорена и других ребят из финального клуба, но не могла оторвать глаз от сцены, разыгравшейся передо мной.

Девушка согнула ногу, чтобы поправить туфлю, и потом начала падать. Риккард успел схватить ее, прежде чем она упала на землю, и поставил ее прямо. Ее рука осталась на его плече, она склонилась к нему и, несомненно, пробормотала самую искреннюю и глубокую благодарность.

В моем нутре зародилось очень неприятное чувство, зеленое и ядовитое.

Я не имела права ревновать. Ни малейшего, и все же...

Ноги сами понеслись вперед, и я не успела их остановить, мысли неслись со скоростью

километра в минуту. Я остановился перед этой парочкой.

Риккард заинтересовано посмотрел на меня.

— Августина, — сказал он тепло, как будто мы были старыми друзьями.

Я перевела взгляд на девушку, потом снова на него. Внезапно я почувствовала себя очень неловко. Это было не по мне — я не из тех, кто позволяет своим эмоциям брать верх. Что же такого было в этом парне, что сводило меня с ума?

Я не хотела показывать этого на своем лице и вместо этого заставила себя улыбнуться вежливой безличной улыбкой.

— Извините, что отвлекаю.

Я снова посмотрела на девушку. Она оценивала меня таким же пронизательным взглядом, каким я оценивала ее.

— Я просто подошла поздороваться.

— Привет, — беззаботно ответила она.

Глаза Риккарда сверкнули.

Напряжение было слишком сильным, и мои уши покраснели. Улыбнувшись напоследок, я повернулась и зашагала в обратном направлении, стараясь сдерживать нарастающий ком в горле.

Позади меня раздались шаги, и я ускорила шаг.

— Стадион в другой стороне! — воскликнул Риккард.

Я поняла, что он прав, и проклинала себя за то, что за последние десять минут дважды теряла здравый смысл.

Риккард подошел ко мне, его длинный шаг совпадал с моим.

— Ты идешь не в ту сторону, Августина.

Если бы я развернулась и пошла обратно к стадиону, я бы дала ему власть. Если бы я продолжила идти к общежитию, я бы также дала ему власть. Поэтому я остановилась и повернулась к нему.

Риккард, как всегда, выглядел невыносимо красивым, и я с жадностью оглядела его сверху донизу.

— Как твои руки после заноз?

С ними все было в порядке — уже появилась корочка, но какая-то жестокая часть меня чувствовала в себе силы скрыть от него ответ. Пусть думает, что они заражены и их собираются ампутировать.

Я подняла голову. Его взгляд был теплым, заботливым.

— Кто была эта девушка?

— Ты считаешь, что имеешь право спрашивать меня об этом? — в его голосе не было злости, но напряженные плечи выдавали его.

— Нет, — призналась я.

Риккард наклонил голову.

— А если бы я сказал, что трахаю ее?

Вдруг стало очень тихо.

— А если бы я сказал, что люблю ее?

Я молчала.

— Что тогда?

Мой взгляд упал на ботинки, на которых остались следы грязи.

— Почему ты говоришь мне такие жестокие вещи?

— Может быть, мне хочется хоть раз побыть жестоким, — ответил он.

— Значит, вот что — ты чувствуешь, что тебе не хватает контроля в наших отношениях, и поэтому ты хочешь вернуть себе часть контроля?

— Какие отношения? — он огрызнулся. — Ты ясно дала понять, что предпочитаешь тратить свою жизнь на скучного мужчину, чем быть со мной.

— Это слишком быстро стало слишком напряженным, — сказала я.

— Ты боишься, — ответил он.

— Если бы ты мог видеть что-то, кроме себя, ты бы понял, почему, — огрызнулась я. — Ты не можешь злиться на меня за то, что я веду себя как обычно, Риккард.

— Августина, которую я знаю, амбициозна, Августина, которую я знаю, могла бы покорить весь мир, если бы захотела.

— Ты выдумал эту девушку в своей голове. Ее не существует!

— Это неправда.

— Ты выделил меня из общей массы первокурсников и проявил ко мне интерес, а я также не была невинной и с готовностью приняла твоё внимание. Но колледж — это всего лишь четыре года нашей жизни. А как же остальные? Ты можешь честно посмотреть мне в глаза и сказать, что твоя семья примет меня, что я буду пригодной для Хоторнов?

Риккард выглядел пораженным.

— Мне все равно, что они думают.

— Не лги мне.

Он засунул руки в карманы, двигая челюстью.

— Ты можешь стать Хоторном, если захочешь, и ты это знаешь, — он понизил голос. — Ты просто слишком напугана.

Я ничего не ответила.

— Назови это рациональностью, назови это проницательностью, но я знаю правду, Августина. Ты боишься. Ты боишься расстаться с Джонатаном, ты боишься быть со мной, ты боишься идти к своей мечте.

Мороз пробежал по моему телу.

— Не говори со мной так.

— Я прав, не так ли?

— Риккард, ты знаешь, почему я живу с тетей и дядей?

Он замолчал. Он действительно знал — не могло быть такого, чтобы он не разузнал обо мне.

— Знаю.

— Они были великолепны, Риккард. Они были великолепны — они считали себя богами, и посмотри, что из этого вышло.

Его голос стал очень мягким.

— Ты — не твои родители, Августина.

— Пока нет, но я могу ими стать, — я встретила его взгляд. — Так что нет, я не стану выбрасывать годы своей жизни из-за парня, которого я встретила два месяца назад.

На его лице мелькнула обида.

— Когда это я давал тебе понять, что твоя жизнь будет выброшена на ветер, если мы будем вместе?

Ни разу.

— Мне надоело играть в эту игру, Августина, — признался он. — Это убивает меня.

Меня убивает, что я вижу тебя каждый день, что ты так близко и не могу до тебя прикоснуться. Меня убивает, что ты растрачиваешь свой потенциал, и особенно меня убивает, что какой-то полудурок случайно заполучил тебя и не делает все возможное, чтобы удержать тебя.

— Игра не может закончиться, — пробормотала я. — Пока в ней нет победителя.
Но я чувствовала, что проигравших будет двое.

14. Августина

Когда пришло приглашение на заключительное мероприятие по посвящению в члены клуба «Аргус», я была удивлена.

Мы с Риккардом не общались после нашей ссоры, и я полагала, что он вычеркнет меня из процесса посвящения в члены клуба «Аргус», чтобы не видеть меня — или, наоборот, клуб воспользуется первой же возможностью, чтобы исключить меня. Вместо этого мне под дверь бесшумно подсунули небольшой черный конверт с надписью:

Вас ждет вечер изысканных блюд.

Встреча состоится: в 18:00, у ворот Джонсона.

Заключительное мероприятие — во всех клубах было только три этапа, как сказала мне Сериз, и круг потенциальных членов становился все меньше и меньше. Когда я подъехала к воротам Джонсона²⁹, там уже ждали четверо других панчи. Я стояла в стороне, наблюдая, как они толкают друг друга и поздравляют с тем, что им удалось пройти этот путь. Их лица были знакомы, но я не могла вспомнить их имен.

Вскоре по Массачусетс-авеню проехала черная машина и припарковалась напротив нас. Тревожная тишина воцарилась между ребятами, когда мы забралась в машину. В машине был только водитель, и он ничего не сказал, когда мы отъехали от обочины.

Вдали показался аэропорт, но мы не останавливались, пока не подъехали к частному ангару. Нас ждал небольшой самолет, в который садилась еще одна группа панчи.

Нам ничего не говорили, пока мы следовали за остальными и поднимались на борт самолета. Я обследовала кожаные кресла в поисках золотисто-каштановых волос, но они были абсолютно пусты, за исключением единственной стюардессы. Я сидела в одиночестве на заднем сиденье и смотрела в окно, как Бостон исчезает под нами.

Вскоре стали видны огни города, ряды зданий с улицами, пронизывающими их, как вены. Эмпайр-стейт-билдинг выглядел как второй сын на фоне темной ночи, и от его вида в самолете нарастало предвкушение. Полет длился чуть больше часа, и потом нас пересадили в другой микроавтобус.

До самого отеля с нами никто не разговаривал. В фойе нас встретил одетый в смокинг мужчина, который передал нам индивидуальные карточки-ключи.

— Сопровождающий постучится к вам в одиннадцать, — таков был его единственный ответ на животрепещущие вопросы собеседника.

Мой номер располагался на седьмом этаже, это был роскошный люкс с кроватью больше, чем в моем общежитии, и гидромассажной ванной с десятком форсунок. Окна занимали всю стену, из них открывался вид на город.

На белом покрывале лежала одна прямоугольная коробочка. К ней была прикреплена шелковая лента и приложена записка: — *На ужин требуются маски.*

Я приподняла крышку и увидела среди черной ткани серебряную маску.

Маска была в виде совы с острым клювом и переливающимся хохолком из перьев, выкрашенным серебром. Я примерила ее перед зеркалом, и она закрыла половину моего лица — если бы я была не единственной девушкой в зале, это могло бы дать мне шанс на

анонимность.

Ткань, как выяснилось при ближайшем рассмотрении, была платьем. Длинное, черное, оно скользило по моим пальцам, как вода. Оно идеально сидело, и мое отражение в зеркале было таким, словно я смотрела сквозь хрустальный шар. Я выглядела старше, загадочнее. Передо мной была женщина, а не девушка.

Туфель не было, и я надела балетки, в которых пришла, радуясь, что длина скрывает их потертые подошвы от посторонних глаз.

Без десяти десять раздался стук в дверь, и меня ждал мужчина в маске лисы. Он вежливо улыбнулся, но ничего не сказал, только жестом попросил следовать за ним. Никого из других панчи со мной не было. Мужчина провел меня на несколько этажей вниз к двум большим дверям, от их витиеватого дизайна захватывало дух. За ними раздался мужской смех.

Двери открылись, и меня втолкнули в аляповатую комнату с мебелью из темного дерева и зелеными кожаными диванами. Мужчины, одетые в смокинги, выдыхали клубы дыма, которые поднимались к сверкающей люстре. Все были в масках — даже официанты, которые предлагали бокалы с виски и кубинские сигары на серебряном блюде.

Я обвела взглядом зал, но опять не обнаружила того, кого искала. Официант предложил мне бокал шампанского, и я, балансируя им в руке, ходила по залу. Мужчины в основном не обращали на меня внимания, и это позволяло мне подслушивать их разговоры. Как и на коктейльной вечеринке, панчи и члены клуба говорили о своих достижениях, богатстве, ценности.

И тут, подобно удару молнии, меня осенило. На мгновение у меня перехватило дыхание.

Кто-то постучал по бокалу, привлекая мое внимание. У арочного проема стоял дворецкий.

— Пожалуйста, займите свои места.

Обеденный зал состоял из полудюжины деревянных столов, расставленных по всему помещению. Я искала свое имя и обнаружила, что сижу между Амосом Дэшиэллом и Варфоломеем Хилберном. Последний холодно поприветствовал меня, в то время как Варфоломей расцеловал меня в обе щеки, похвалив мое платье.

Риккарда опять не было видно, и его отсутствие бросалось в глаза. Все места были заняты, кроме двух за столом в центре. Я заметила Сорена, который уже расстегнул две верхние пуговицы своего смокинга и хмурился под маской, похожей на волчью.

Ужин был вкусным, и я сидела молча, пока панчи за моим столом болтали без умолку. По мере употребления алкоголя формальности сходили на нет. В перерывах между пьяными тостами я улизнула на поиски Риккарда.

Я бродила по коридору, рассматривая нарисованные портреты и закрытые стеклянные витрины с вазами династии Мин. От всего этого места веяло богатством и роскошью.

Мои шаги не замедлялись до тех пор, пока я не попала в незнакомую комнату. Сначала я подумала, что это библиотека, так как все стены были уставлены книгами, но в центре комнаты стояло множество стеклянных витрин. Воздух покидал мои легкие, когда я осматривала их — гобелены, украшения, резьба по камню — все это было сотни лет назад и не могло не понравиться такому знатоку истории, как я.

Одна из них заставила меня остановиться. Это был череп. Поначалу ничего шокирующего, но под ним была надпись: — *Череп Христа*.

— Это подделка.

Я обернулась. Первое, что я заметила, большое золотое кольцо вокруг морщинистого пальца. Посередине вырезана эмблема в виде глаза. Рука потянулась к манжетам и сшитому на заказ смокингу, который был на пожилом мужчине со знакомыми чертами лица. Его лицо утратило молодость, но в нем чувствовалась величественность. Со своего места на балконе он смотрел на меня сверху вниз, знакомые глаза цвета виски смотрели на меня.

— Простите меня, сэр, я не хотела вам мешать.

Найлз Хоторн проигнорировал мои слова и направился вниз по лестнице. Его трость стучала по полу, как выстрел. Он подошел ко мне, и я с удивлением поняла, что он ниже меня ростом всего на пару сантиметров.

— Мой дядя купил её, — прокомментировал он. — Этот дурак был одержим идеей фантастики. Он стал легкой мишенью для умных продавцов.

Я посмотрела на череп.

— Очень реалистичный.

— Может быть, в качестве игрушки для собаки.

Мистер Хоторн — просто имя Найлз казалось слишком фамильярным для этого человека — посмотрел на меня. Цвет его глаз слишком напоминал мне Риккарда, и мне было трудно выдержать его взгляд.

— Что Вы здесь делаете, мисс Грейди?

Мои щеки запылали. Я никогда не попадала в неприятности — и не попадалась.

— Я осматривала окрестности. Я не знала, что здесь есть запретные места...

— Я имел в виду, почему Вы не на улице с другими панчи?

Какой-то инстинкт подсказывал мне, что честность здесь будет лучшей политикой.

— Мне неинтересно слушать разговоры подлиз, — призналась я.

Мистер Хоторн продолжал смотреть на меня.

— И я нахожу это представление «покажи-себя-и-станцуй-перед-другими» унижительным, и мне ещё более стыдно, что я готова на это пойти.

Его губы подергивались.

— Ваш дядя также прошел через «покажи-себя-и-станцуй-перед-другими». Думаете, Вы лучше него?

Проверка.

— Нет, но я начинаю верить, что уклончивость — это черта Хоторнов, — сказала я. — У вашего сына тоже есть склонность к вопросам, на которые нет правильных ответов.

— Как вы думаете, кто его научил? — спросил мистер Хоторн, но не выглядел недовольным мной или довольным. Я почувствовала, что мне вдруг захотелось его одобрения, и надеялась, что не произвела плохого впечатления. — Мне не терпелось познакомиться с вами, мисс Грейди. Ваше присутствие вызвало немалый переполох.

— Старшим членам клуба нечего бояться.

— Не среди членов Клуба, — сказал он. — Среди моей семьи.

Я сохраняла нейтральное выражение лица. Можно было найти миллион вариантов толкования его слов, и, хотя я понимала, что глупо торопиться с выводами, в моей голове роились вопросы. Рассказал ли Сорен Хоторнам, что Риккард заинтересовался мной или это сделал сам Риккард? Списали ли они меня на очередную игрушку, очередную Фиону, или я прошла достаточно испытаний? Зачем мне вызывать переполох?

Мистер Хоторн ждал ответа.

— О?

Он оперся на трость и слегка улыбнулся мне.

— Что Вы планируете изучать?

— Историю и бизнес, сэр.

— Что ж, похоже, история Вас очень интересует, — заметил он. — Но бизнес? Я удивлен, услышав это. Есть ли у Вас намерение получить степень магистра делового администрирования?

— Если я почувствую, что это поможет моей карьере, то, конечно, да.

— Мм... — он постучал пальцем, и кольцо ударилось о трость со звоном. — Я хотел изучать историю, но отец запретил. Он считал, что это бесполезно, пустая трата времени.

— Многие так считают.

— Но я вижу ценность в истории, в искусстве. Я вижу, тоже что и Вы, — мистер Хоторн оценивающе посмотрел на меня. Мне стало интересно, что он хочет увидеть. — Знание того, кем мы были, может помочь понять, кем мы являемся сейчас.

— Согласна.

— Может быть, не сейчас, — сказал он, — но однажды Вы поймете.

Я посмотрела на него. Мистер Хоторн смотрел на свою коллекцию сокровищ, как поддельных, так и настоящих. Неприятное чувство закралось в мое нутро, но я его проигнорировала. Произвести хорошее впечатление на отца Риккарда было просто необходимо... хотя я не хотела думать о причинах этого.

— Полагаю, Вам надоело слушать, как этот старик бубнит, — размышлял он. — Наслаждайтесь ужином и изрядным подхалимством, мисс Грейди. Я сомневаюсь, что мы видимся в последний раз.

Если я правильно поняла, это был знак того, что мне пора.

— Было приятно познакомиться с Вами, мистер Хоторн.

Я выскользнула из комнаты, не зная, что сказать по поводу этого разговора.

В зале продолжалось пьяное веселье, которое с каждой минутой становилось все громче и громче. Маски придавали танцам еще более зловещий и сверхъестественный вид, словно я попала в «Сон в летнюю ночь»³⁰ и стала свидетелем бала фей.

Я подошла к Сорену.

— Он на улице, — сказал он, прежде чем я спросила. — Отмораживает себе яйца в ожидании тебя.

— Он не ждет меня. Он злится на меня.

— Нет, не злится, — Сорен поднял на меня глаза. — Я рад, что ты пережила Найлза.

— Разве в этой семье есть что-то, что не было запланировано заранее?

Он рассмеялся, звук отразился от люстры.

— Нет, Августина, ни одной гребаной вещи.

Я оставила Сорена и направился вниз. Как он и сказал, я нашла Риккарда снаружи, на углу улицы. Среди движущихся пешеходов он выглядел как остров, неподвижный, единственный приют среди опасных волн. На нем был смокинг, но без маски, и его лицо было беззаботным, когда он смотрел в темную ночь.

У меня перехватило дыхание. Он был слишком красив для слов, и иногда на него было больно смотреть.

Я молча стала рядом с ним и задрожала. От холода или от его присутствия, я не могла сказать.

— Я раскусила твою игру, Риккард, — сказала я. В городе было шумно, гудели клаксоны

и сирены, но мои слова прорвались сквозь все это.

Уголок его губ дернулся.

— Мою игру?

— Все эти парни внутри проходят через все эти испытания, чтобы стать такими же, как Хоторны, — сказала я. — Я прошла через все эти испытания, чтобы стать Хоторном.

Риккард повернул ко мне голову, наши глаза встретились. В его глазах светилась гордость.

— Не хочешь прогуляться?

Я удивленно моргнула, но не отказалась. Когда Риккард так на меня смотрел, мне казалось, что он мог бы предложить мне поплавать с глубоководными акулами, и я бы помчалась за ним к воде.

Мы молча шли по бетонной дорожке, Риккард указывал мне на что-то. Толпа поредела, и вскоре мы уже шли по пустынной улице.

Я остановилась у входа в таунхаус. Четырехэтажный дом, стены из кремового известняка и высокие эркеры. Его классический стиль напомнил мне Париж, и через окно внизу я увидела пожилую пару, свернувшуюся калачиком на диване и слушающую музыку, которая доносилась до улицы.

Риккард остановился рядом со мной.

— Это как раз то, что я хочу.

Его брови озадаченно изогнулись.

— Когда мы поженимся, — уточнила я. — Это дом, который я хочу.

Редко когда мне удавалось застать Риккарда врасплох. Он несколько раз моргнул, его челюсть отвисла.

— Значит ли это...?

— Сначала я должна сделать несколько вещей, — твердо сказала я. — Я не хочу, чтобы меня торопили.

Риккард улыбнулся и протянул мне руку. Я взяла ее, прислонившись к его теплу.

— Я буду терпелив, Августина. Ради тебя я буду терпелив.

15. Августина

Тук. Что-то ударилось в окно.

Я подняла голову и прислушалась.

Тук.

Еще один.

Взглянув на часы, я поняла, что время близится к полуночи, и в этот час по кампусу бродят только неприятности. Сахар уже уехала к родственникам на каникулы, а мой самолет улетал завтра утром. Не в силах уснуть, я провела последние несколько часов за чтением под золотистым светом лампы, зарывшись в одеяло, как кролик в нору.

Тук.

Я выскользнула из-под одеяла и выглянула за шторы. Уличные фонари освещали часть двора, отбрасывая зловещие тени и создавая очаги темноты. Под моим окном стояла фигура, высокая и наполовину скрытая ночью.

Я раздвинула шторы, толкнула окно и шепотом крикнула: — У тебя будут неприятности.

Риккард подошел на шаг ближе, позволяя мне лучше разглядеть его лицо. Его ухмылка не сулила ничего, кроме неприятностей.

— Открой окно пошире, — сказал он, — я поднимаюсь.

Я выполнила его просьбу и сделала шаг назад. Раздалось негромкое ругательство, шарканье, а затем через подоконник, перекинув свои длинные ноги, в комнату влетел Риккард. На нем были джинсы и коричневый свитер, волосы были в беспорядке.

— Что ты здесь делаешь?

Он улыбнулся мне.

— Я хотел увидеть тебя, прежде чем ты уедешь.

Удовольствие просочилось сквозь меня, и я невольно улыбнулась.

— Я как раз собиралась ложиться спать.

— Не позволяй мне остановить тебя, — его взгляд упал на мою ночную рубашку. Сахар дразняще называла её бабушкиной пижамой из-за длины до колен и кружевных рукавов, и хотя обычно я любила свою ночную рубашку, мне вдруг захотелось надеть что-то более... ну, менее бабушкино. — Ты выглядишь мило.

Мое лицо покрылось румянцем, и я быстро сменила тему.

— Если тебя застанут в женском общежитии...

Риккард слушал меня вполуха. Все его внимание было приковано к моей комнате, его глаза жадно блуждали по небольшому пространству. Наша с Сахар комната в общежитии не представляла собой ничего особенного: две кровати по обе стороны, письменные столы, большое эркерное окно в середине дальней стены. Тем не менее, это было мое личное пространство, мое гнездышко, и присутствие здесь Риккарда казалось слишком интимным. Он казался слишком большим для этого места, хотя физически он вполне подходил.

— Итак, это твоя комната... — сказал он, взяв в руки книгу, лежавшую на моей прикроватной тумбочке, «Птица смерти» Харлана Эллисона. — *В мире есть только одно настоящее зло: посредственность.*

Риккард осмотрел обувь, расставленную под моей кроватью, смятые простыни и

остановился только тогда, когда подошел к фотографии в рамке на прикроватной тумбочке.

— Твоя семья?

— Мои тетя, дядя и сестра, Эдвина, — сказала я, а затем добавила: — Тебе, наверное, пора идти, Риккард, — мой тон не подтверждал моего заявления.

— Я еще не закончил осмотр.

Риккард подошел к моему столу, провел пальцами по открытому учебнику и незаконченными конспектам.

— Во сколько ты завтра уезжаешь?

— В одиннадцать, — я прижалась спиной к кровати Сахар. — Здесь слишком холодно, чтобы бродить в одном свитере.

— Никто не беспокоится обо мне так, как ты, *Il Penseroso*, — размышлял он.

— Даже твой отец?

Риккард бросил на меня многозначительный взгляд, после чего продолжил свой осмотр.

— Ты ему понравилась.

— Мм...

Он сделал паузу.

— Что означает «мм»?

— Я не думаю, что его мнение имеет большой вес. В конце концов, он считает, что ему не следует беспокоиться о тебе.

Я пыталась заставить Риккарда улыбнуться, но он повернулся ко мне с таким выражением лица, что оно резануло меня прямо по сердцу. На мгновение я представила его мальчиком: более диким, более мягким, наследником империи, у которого не было иного выбора, кроме как унаследовать ее. Мальчик, у которого был отец, не беспокоившийся о его порезах и синяках.

В комнате повисла тишина. Риккард застыл на месте, глаза его не двигались.

Я протянула руку и шагнула к нему.

— Здесь слишком холодно. Пойдем в постель.

Он взял мою руку и растянулся рядом со мной на кровати. Одноместная кровать была слишком мала для двоих, и мы свернулись вокруг друг друга, при этом не касаясь. Было так странно видеть кого-то в своей постели, я обычно очень требовательно отношусь к пространству, но каждая моя клеточка хотела быть ближе, а не дальше от парня рядом со мной.

Риккард повернул голову ко мне, наши носы оказались на расстоянии волоска друг от друга. Мне стало тепло в груди, когда он улыбнулся.

— Не так я думал затащить тебя в постель в первый раз, — прошептал он.

Я выключила лампу и зарылась в одеяло. Линии лунного света освещали его лицо, позволяя мне беззастенчиво разглядывать его черты. Странное покалывание разлилось по моим венам — он не был жгучим или болезненным, как тогда, когда он смотрел на меня под полуопущенными веками и опасно улыбался. Наоборот, золотистое сияние, тепло, как будто я сидела у камина в шерстяном джемпере, попав под дождь.

Может быть, я бы назвала это чувство комфортом, удовлетворенностью, если бы не была так уверена, что это что-то другое.

Счастье.

Я протянула руку и провела пальцем по шраму у него на подбородке.

— Откуда это у тебя? — мои слова были тихими, предназначенными только для него и

для меня.

— Я упал со стены, когда мне было семь лет, — пробормотал он. Его глаза следили за моими пальцами, а мои прикосновения становились все смелее, двигаясь вдоль его подбородка, пока я не добралась до уголка его губ. — Рассек подбородок, пришлось накладывать швы.

— Было больно?

— Нет.

Я хмыкнула и продолжила рассматривать его. Краешки его ресниц щекотали мне кожу.

— Я никогда раньше не видел у тебя такого выражения лица, — заметил он после минутного молчания. — Ты выглядишь...

— Довольной?

Его губы дрогнули.

— Что-то вроде этого.

Интимность момента придала мне достаточно смелости, чтобы сказать: — Ты делаешь меня очень счастливой, Риккард. Иногда я бываю... чудаковатой и тихой, но я не хочу, чтобы ты так думал...

— Я знаю, — мягко сказал он. — Я знаю, Августина. У нас будет много времени, чтобы разобраться друг в друге.

— А если мы так и не разгадаем друг друга?

Риккард казался равнодушным, но этот вопрос уже довольно давно занимал мои мысли.

— Жизнь без тайн скучна, — мои пальцы дотянулись до его носа. — Я знаю достаточно, чтобы понять, что у нас все будет хорошо.

— Достаточно?

Он пристально посмотрел мне в глаза.

— Я знаю, что ты заставляешь меня чувствовать себя настоящим.

Настоящим? Должно быть, мое замешательство было заметно, потому что он уточнил.

— Моя жизнь, мой мир... Он создан для того, чтобы выглядеть и чувствовать себя определенным образом. Иногда бывает трудно понять, что реально, а что фальшиво, что иллюзия, а что ложь.

Я подумала о поддельном черепе Христа в коллекции сокровищ его отца. Возможно, причина, по которой Хоторнам удалось создать такую династию, заключалась не в реальной власти, а в образе власти.

— Но с тобой, не знаю, я просто всегда чувствовал себя таким цельным, таким... привязанным.

Я положила ладонь ему на щеку. У меня не было слов, достойных ответа, поэтому я просто лежала и смотрела ему в глаза, давая понять, что понимаю его и чувствую то же самое.

— Ты когда-нибудь задумывался покинуть все это?

Риккард посмотрел на потолок.

— Нет.

— Я могла бы заняться бизнесом, если ты хочешь попробовать себя в чем-то другом.

Это было совершенно невинное предложение, но он схватил меня за запястье, держа его в сантиметре от своего лица. В его глазах появился жесткий взгляд, прорезавший мягкую атмосферу, как нож.

— Я не буду марионеткой, Августина, — сказал он, — даже твоей.

Я держала свое запястье безвольно в его руке.

— Хорошо.

Словно перерезав ниточки у марионетки, он расслабился, жесткий блеск в его глазах исчез. Он снова прижал мою руку к своему лицу, и я начала водить большим пальцем кругами по его подбородку.

Еще несколько мгновений мы грелись друг о друга. Я наклонилась вперед, но он остановил меня.

— Нет, пока ты не сделаешь то, что должна, — сказал он с такой болью, что я не почувствовала себя оскорбленной отказом.

Я откинулась на подушку. Больше мне нечего было сказать.

Риккард заснул первым, а я не спала, наблюдая за ним, и глаза мои пощипывало, потому что я не могла их сомкнуть.

16. Августина

Я уже несколько недель тосковала по дому, но, проезжая мимо Капитолия, монумента Вашингтона, мемориала Линкольна, внутри меня оставалось все то же тревожное чувство.

Такси свернуло на улицу, и взору предстал знакомый таунхаус из коричневого кирпича. Несмотря на поздний час, внизу горел свет, а к эркеру прижималась темная фигура. Когда машина въехала на гравийную дорожку, входная дверь распахнулась, и по лестнице трусцой спустился мой дядя.

Я расплатилась с водителем и соскользнула с заднего сиденья. Дядя Карлайл уже стоял у багажника и вытаскивал мой чемодан.

— Позволь мне помочь, дядя Карлайл, — настаивала я.

Он махнул мне рукой.

— Иди в дом. Я разберусь с этим.

Я посмотрела на таунхаус, воспоминания нахлынули на меня. По какой-то причине меня вернуло в десятилетний возраст, когда я держала сестру за руку, а тетя Розамунда говорила нам, что теперь это наш дом. Мы выросли на ферме в Истоне, штат Мэриленд, и громкий шум города сводил меня с ума первые несколько недель, пока мы жили здесь.

Дядя Карлайл подошел ко мне сзади, обхватил за плечи и сжал руку.

— Ты в порядке, дорогая?

— Просто принимаю все это, — призналась я.

— Твоя тетя никогда не признается в этом, но она была несчастна, когда вас не было рядом, — сказал дядя Карлайл, ведя меня вверх по лестнице, за которой громыхал мой чемодан. — Она была так взволнована последние несколько дней, что даже добавила восклицательный знак в сообщении, которое отправила мне.

— Теперь ты просто врешь.

— Это правда, моя дорогая, все до единого слова.

Я выросла здесь, но волна неловкости захлестнула меня, и я, как гостья, зависла у прихожей. Физически она выглядела идентично: те же кремовые стены, дубовые полы и кессонные потолки. На стенах висели фотографии с политических поездок и благотворительных мероприятий, а также множество наших с Эдвиной фотографий: наш первый день в школе, выпускной бал, окончание школы. Изменился не дом, а я.

— Повесь пальто, дорогая.

На предназначенном мне крючке было пусто, и я сделала то, что мне сказали. Когда мы были совсем маленькими, дядя Карлайл установил у входной двери две ячейки для нас с Эдди. В них мы отправляли друг другу сообщения — идентичных тем, что были у него на работе для сотрудников. Эдвина всегда шутила, что, усыновляя нас, они читали руководство по здоровой рабочей обстановке, а не по воспитанию детей.

По привычке я проверила свой почтовый ящик («Леди Августина», мое детское прозвище, напечатанное над ним блестящими наклейками), но она была пуста. Конечно же, она была пуста.

Наверху послышались шаги, и Эдвина сбежала по покрытой голубым ковром лестнице, все еще обернутая полотенцем. Когда она заметила меня, то прижала руку к сердцу, ее лицо расцвело от счастья.

Она выглядела старше, чем в последний раз, когда мы виделись. На ее щеках появились новые веснушки, а в плечах появилась уверенность. Стрижка, которую она сделала себе сама, создавала впечатление, что она находится в нескольких секундах от того, чтобы вскочить на доску для серфинга и поймать волну.

— Ты выглядишь как житель Новой Англии, — поддразнила она, перегибаясь через перила, чтобы поцеловать меня в щеку.

— А ты выглядишь как калифорниец, — ответила я. Мой тон прозвучал легко, но разница между нами только усилила очевидность того, как сильно мы изменились.

Дядя Карлайл начал поднимать мой чемодан по лестнице.

— Позволь мне это сделать, — настаивала я, и на этот раз он согласился.

— Я пойду приготовлю ужин, пока вы, девочки, распаковываете вещи, — сказал он. — Твоя тетя скоро будет дома.

Мы с Эдди потащили мой чемодан по лестнице. У нас была общая ванная комната, и Эдвина начала увлажнять свое лицо кремом, пока я распаковывала вещи. Первые несколько недель учебы я считала дни до Дня благодарения и возвращения домой, но теперь, оказавшись в своей детской спальне, я уже не чувствовала такого облегчения.

Я разложила чемодан на кровати, слушая, как сестра рассказывает о своем полете. *Тим Андроник*³¹ лежал на самом верху, и я еще раз проверила, что с запиской Риккарда ничего не случилось — хотя перед тем, как упаковать ее, я проверила и знала, что она в безопасности. И все же даже малейший намек на то, что что-то могло случиться, заставлял мое сердце учащенно биться в панике.

— Чему это ты улыбаешься?

Эдвина наблюдала за мной через зеркало.

Я покраснела.

— О, ничему.

— Ты покраснела, — она опустила ногу со стойки и обратила на меня все свое внимание. — Не может быть, чтобы *моя* сестра покраснела.

Я ничего не ответила.

— Это из-за нескучного парня, так ведь?

Это заставило меня улыбнуться.

— Из-за нескучного парня?

— Я все еще решаю, как его прозвать, — призналась она. — Плохой парень, запретный парень, парень, которого ненавидит тетя...

— Я думала, что колледж призван расширить твой словарный запас?

— Я участвую в программе для спортсменов.

Я покачала головой и уставилась на записку, прослеживая изгибы почерка Риккарда. Мое сердце словно разрывалось на части, создавая боль такой силы, что ее можно было бы уловить на кардиограмме.

Когда я подняла голову, мой взгляд упал на нашу с Джонатаном фотографию в рамке. Мы оба были одеты в белое и безлично улыбались в камеру. Его рука обнимала меня, но между нашими плечами было пространство, которого я до сих пор не замечала. Снимок был сделан на одном из семейных праздников в саду.

Я оглядела свою спальню, посмотрела на календари, расписания и организованные системы. На моем столе были приколоты приглашения на вечеринки людей, которых я знала всю свою жизнь, ежедневники были заполнены одними и теми же семью встречами по

очереди. Одна и та же стрижка на всех фотографиях с 11 лет, одни и те же цели, одни и те же ожидания.

Внезапно я почувствовала себя подавленной, задыхающейся.

Я методично планировала свою жизнь только для того, чтобы проснуться и понять, что ненавижу ее.

— Ты в порядке, Августина? — раздался голос моей сестры.

Я отложила книгу и пошла за пальто.

— Я ненадолго выйду.

Эдвина не спросила, куда я иду, только сказала, чтобы я надела шарф.

Осборны жили всего через улицу отсюда, и я слишком быстро оказалась у их парадной двери. Свет лился с первого этажа, и я слышала отзвуки звона бокалов и разговоров. Мистер и миссис Осборн были религиозными покровителями любого культурного общества, в которое они могли попасть, и каждый вечер недели был посвящен какому-либо обществу. Во вторник вечером мы всегда пили с Обществом современного искусства.

За последние несколько лет я бывала здесь много раз, но никогда не замечала, как тихо здесь было до сих пор. Как скучно.

Я позвонила в дверь, и меня встретил Стив, давний сотрудник Осборнов.

— Мисс Грейди, рад вас видеть. Вы пришли к мистеру Джонатану?

— Да, — когда он отошел в сторону, чтобы проводить меня внутрь, я быстро добавила: — Я подожду здесь.

Стив странно приподнял бровь, но кивнул и исчез. Дверь открылась во второй раз, и на этот раз меня приветствовал Джонатан. Когда-то он казался мне красивым, со светлыми волосами и лицом в форме сердечка, но теперь он казался скучным по сравнению с тем парнем, который всегда был у меня на уме.

Джонатан удивленно посмотрел на меня.

— Августина, что ты здесь делаешь? Мы ни о чем не договаривались, — прежде чем я успела ответить, он распахнул дверь шире. — Заходи внутрь. У нас холодно. Разве Стив не пригласил тебя? Я могу попросить его занять другое место за столом, если ты хочешь присоединиться к нам...

— Не утруждай себя, — ответила я. — Я просто пришла поговорить с тобой.

На его лице появилось понимание, и он кивнул, плотно сжав губы. Он взял пальто и вышел на крыльцо, закрыв за собой дверь. Я подумала, что это потому, что он не хотел, чтобы кто-то услышал, что сейчас произойдет.

— Все в порядке, Августина?

Я репетировала то, что собирался сказать, в течение последней недели. Я писала черновики, заметки и подсказки. Но когда момент наконец настал, я обнаружила, что мне не нужна никакая помощь. Слова уже были внутри меня, отточенные до совершенства.

— Я думаю, нам пора расстаться.

Джонатан посмотрел в сторону, лицо его исказилось, когда он переваривал полученную информацию. Он потер подбородок.

— Ты это серьезно?

— Абсолютно.

Он повернул голову в мою сторону.

— Августина, на меня сейчас сильно давит необходимость остепениться и жениться. Я

думал, что у меня все под контролем, так что если это что-то вроде паники первокурсника, то ты должна сообщить мне об этом сейчас.

— Я не паникую.

И я не паниковала. Ни капельки.

— Нам хорошо вместе, Августина. Нашим семьям нравится, что мы вместе, мы знаем друг друга много лет. Я не понимаю, почему ты это уничтожаешь, — он посмотрел на меня. — Я думал, ты умнее.

Я перевела взгляд на него.

— Да, умнее, поэтому я и прекращаю все это сейчас.

Джонатан моргнул.

— Мне жаль, что я прервала ваш вечер. Передай родителям привет, — я повернулась и пошла вниз по ступенькам. Когда я дошла до самого низа, он окликнул меня.

— Это из-за кого-то другого, не так ли?

Я подняла на него глаза.

— Да.

— Так что же заставило тебя выбрать его? У него больше денег, больше статуса? Или и то, и другое? — когда я ничего не ответила, он тихонько засмеялся. — Это настигнет тебя, Августина. Ты не можешь использовать всех. Однажды кто-то использует тебя в ответ.

— Я никого не использую, — я не знаю точно, почему я чувствовала необходимость защищаться перед Джонатаном. Возможно, потому, что мы встречались три года или потому, что знали друг друга вдвое дольше.

Джонатан хмыкнул, затем потер лицо.

— Я надеюсь ты получишь все, что хочешь, Августина. Искренне надеюсь.

Со стороны других это могло бы прозвучать как что-то хорошее, но в устах Джонатана это больше походило на проклятие.

— И тебе того же, Джонатан.

Он не удостоил меня взглядом и ушел в дом, захлопнув за собой дверь.

Глубоко вздохнув, я направилась домой. Но впервые за долгое время у меня не было ощущения, что я что-то оставляю позади. Наоборот, у меня было глубокое неоспоримое чувство, что я иду к чему-то новому.

17. Августина

Я вышла из общежития еще до того, как мой чемодан успел упасть на пол комнаты.

Кампус был переполнен студентами, возвращавшимися домой после каникул в честь Дня благодарения, и я проталкивалась сквозь толпы людей. Разумнее было бы сесть на автобус до Брэттл-стрит, особенно потому, что тучи с каждой минутой становились все темнее, но ожидание на остановке грозило потерей драгоценных секунд.

К тому времени как я добралась до поместья Бристлмор, мой свитер уже прилип к спине. Машины заполнили подъездную дорожку, студенты затаскивали свои пожитки в дом.

— Августина! — окликнул меня Каллен. Он доставал чемодан из багажника машины, как будто это был рюкзак. — Что ты здесь делаешь?

Я проглотила свои судорожные вздохи.

— Риккард здесь?

Он задумчиво нахмурился.

— Рик? Я его не видел. Возможно, сходи проверить его комнату?

Риккарда не было ни в его комнате, ни в ванной. Когда я вернулась вниз, я столкнулась с Сореном.

— Ты не видел Риккарда?

— Нет, я был у мамы, — Сорен выглядел задумчивым. — Возможно, он встречается со своим научным руководителем.

Научный руководитель Риккарда находился в огромном научном корпусе, известном также как самое уродливое здание в кампусе с бетонной наружной отделкой. Профессор Кашор сказал мне, что пока не видел Риккарда, но как только увидит, скажет ему, что я его ищу. Я поблагодарила его, но не собиралась прекращать поиски.

Я проверила все места, в которых он мог быть. Шахматные доски у железнодорожной станции, библиотеки Уайденера и Пьюси, бургерные Mr. Bartley's. К полудню у меня уже заканчивались места для поисков, как вдруг небеса разверзлись и обрушили на кампус ливень. За несколько мгновений я промокла до нитки.

Ближайшим зданием был Север-Холл, и я бросилась к арке, прижавшись к кирпичной стене и задыхаясь.

— Августина?

Я обернулась.

Там стоял Риккард.

Он был совершенно сух, наполовину выйдя из здания, с перекинутой через плечо сумкой. У меня защемило в груди при виде его — прошло всего шесть дней с тех пор, как я видела его в последний раз, но тоска была настолько сильной, что мне стоило больших усилий не заказать билет на самолет раньше.

Мы в унисон сказали: — Я искала тебя.

— Я искал тебя.

Губы Риккарда дрогнули.

— Тогда хорошо, что мы нашли друг друга, — он подошел ближе, но все еще сохранял приличную дистанцию. — Я проверил твоё общежитие, но Сахар сказала, что еще не видела тебя, — он переступил с ноги на ногу.

— Нет, я... — я сглотнула. — Я искала тебя.

— Искала? — возможно, это был обман зрения, но я могу поклясться, что в его глазах мелькнула паника. — Почему?

Он нервничал. Это было видно, но я могла только догадываться, почему. Возможно, он думал, что возвращение домой изменит мое мнение о наших отношениях.

Мне надоело быть жестокой по отношению к нему, поэтому я покончила с его нервозностью одним предложением.

— Я рассталась с Джонатаном.

Он замер.

— Что?

На моем лице появилась застенчивая улыбка, и я нервно заломила руки за спину.

— Я рассталась с Джонатаном.

Риккард уставился на меня, словно пытаюсь осознать происходящее. Кажется, впервые за всю свою жизнь он потерял дар речи.

На следующем вопросе он запнулся: — Почему... почему ты это сделала?

— Ты знаешь, почему.

— Я хочу услышать это от тебя, — ответил он. — Я хочу услышать ответ из твоих уст.

— Потому что я люблю кое-кого другого.

Риккард моргнул, раз, два, затем пересек разделяющее нас пространство. Он обхватил меня за щеки, глядя на меня сверху вниз.

— Долго же ты ждала.

Я открыла рот, чтобы ответить, но он наклонился и заставил меня замолчать поцелуем. Его губы прижались к моим, теплые и притягательные, и я не могла поверить, что когда-то могла сопротивляться этому.

Риккард прижал руку к моей пояснице, а мои руки уперлись в его грудь. Он целовал меня до тех пор, пока у меня не перехватило дыхание, а затем повторил это снова.

Раздались громкие аплодисменты, и мы оба повернулись, чтобы увидеть толпу студентов, образовавшуюся в Север-холле. Риккард поприветствовал их, а я уткнулась лицом в его свитер. Он обхватил меня за плечи, смеясь в мои волосы.

— Пойдем, согреем тебя.

18. Августина

— Ты обещал мне, что не будешь отвлекать меня, — пробормотала я, когда губы Риккарда прижались к моей шее. — Я пытаюсь учиться... О... — мои слова оборвались, когда он добрался до моего позвоночника.

Его губы изогнулись, прижимаясь к моей коже.

— Если ты еще не научилась...

Я отстранилась, наклонив голову, чтобы посмотреть на него. Мы занимались в библиотеке Бейкера с обеда, и сейчас часы близились к полуночи. Несмотря на поздний час, в читальном зале Стамс было многолюдно: одни занимались, а другие спали в течение фазы быстрого сна. Обычно мы занимались на другом берегу реки, в Уиденере, но Риккарду для подготовки к экзамену понадобился доступ к архиву бизнес-школ, и я прошла двадцать минут пешком в декабрьскую погоду, чтобы просто молча посидеть рядом с ним.

К счастью, на неделе подготовки к экзаменам занятий не было, и я могла провести с ним максимум времени. Кроме того, он так обрадовался, когда увидел меня в библиотеке, что я, наверное, переплыла бы Чарльз, только бы увидеть это выражение его лица.

Но теперь он закончил свою работу и решил, что есть другие вещи, которым он предпочел бы уделить внимание.

— Пойдем, тебе нужно отдохнуть, — прошептал он. Его рука лежала на спинке моего стула с тех пор, как мы сели, и то и дело играла с моими волосами с непринужденностью, которая волновала меня больше, чем самый горячий поцелуй. — Ты уже двадцать семь минут смотришь на этот вопрос.

Я медленно теряла способность сосредоточиться.

— Уже все закрыто.

Это был мой тонкий способ намекнуть ему, что он должен пригласить меня к себе, но либо он был намеренно проницательным, либо я была слишком деликатной, потому что он не уловил намека.

— Нет, если есть ключ, — размышлял он.

— Ключ?

Риккард только улыбнулся.

— Собирай свои вещи.

Сложив свои тетради, я незаметно засунула записку между страницами его учебника, пока он смотрел в сторону. Это была забавная маленькая традиция, которую мы завели на этой неделе: оставлять друг другу записки, которые потом можно было найти. Те, что он оставлял для меня, варьировались от комплиментов до сокровенных мыслей и вещей, которые он видел и которые напоминали ему обо мне. Я сохранила все до единой, положив их в конверт в ящике для нижнего белья.

Мы вышли из библиотеки рука об руку. Холодный ветер щекотал мои щеки, а земля под ногами была скользкой от льда.

Прошло пять дней с тех пор, как мы начали встречаться (я скрупулезно вела счет), и каждый день Риккард высаживал меня у входа в общежитие с головокружительным поцелуем. Он не приглашал к себе или обратно в общежитие. Самое большее, на что мы решились — это поцеловаться на покрывале для пикника, где он просунул руку мне под

рубашку, но тут начался дождь, и все быстро закончилось.

— До моего общежития идти долго, — небрежно сказала я.

Риккард кивнул.

— Я провожу тебя, не волнуйся. Не хочу, чтобы с моей девочкой что-нибудь случилось.

Значит, как только я начинаю с ним встречаться, он становится глупым, подумала я про себя, но тут же уловила коварный блеск в его выражении лица.

— Ты меня дразнишь.

Он отпустил мою руку и обхватил меня за плечи, прижавшись поцелуем к моей щеке.

— Если не я, то кто?

— Я не люблю, когда меня дразнят, — но мои слова не прозвучали сердито. — Куда ты меня ведешь?

Риккард вел нас по Гарвардской улице, в направлении стадиона.

— Терпение, *Il Penseroso*. Скоро ты все узнаешь.

В поле зрения появилось большое прямоугольное здание с надписью «Блоджетт», написанное сбоку. Снаружи здание бассейна Блоджетт³² имело странную форму: крыша была очень большой и держалась на колоннах. Оно напоминало геометрический гриб. Я никогда не была внутри, но у меня было предчувствие, что это скоро изменится.

— Бассейн закрыт, — сказала я.

Риккард протянул ключ.

— Для меня — нет.

— Значит, ты одновременно и вор, и очаровашка?

— Очаровашка? — он выглядел довольным этим титулом. — Если я такой очаровашка, то почему мне понадобилось столько времени, чтобы затащить тебя в постель?

— Ты до сих пор не затащил меня в постель.

Риккард рассмеялся и отпер дверь.

— Я не вор. Мистер Ливингстон разрешил мне взять ключи.

— Мистер Ливингстон?

— Уборщик, — он усмехнулся мне через плечо. — Знаешь, тебе не стоит быть такой аристократкой, Августина.

Запах хлорки защекотал мне ноздри, когда мы вошли в огромное помещение, и звук захлопнувшейся за нами двери отозвался громким эхом. Бассейн Блоджетт использовался для всех водных видов спорта, а по бокам располагались ряды сидений. Над бассейном висели флаги Гарварда, которые в темноте светились голубым светом.

Риккард бросил свой портфель на стул и начал снимать обувь.

Я приостановилась.

— У меня нет купальника.

— У меня тоже, — он стянул с себя свитер и расстегнул рубашку, открыв мне голую грудь.

— Здесь холодно.

— Вода теплая.

Я покраснела.

— А если кто-нибудь войдет?

— Никто не войдет. Сейчас полночь. Все разошлись по домам, — Риккард расстегнул брюки, обнажив свой пояс Адониса, ведущий вниз...

У меня пересохло во рту, когда он снял брюки, а затем трусы. Он продемонстрировал

мне свою голую задницу, после чего прыгнул в бассейн, разбрызгивая воду. Он вынырнул, вода доходила ему до плеч, и тряхнул волосами, как собака, обдавая меня каплями.

— Ты идешь? — его улыбка была лукавой. — Если только ты не хочешь сидеть и смотреть.

В его словах было достаточно смелости, чтобы я сняла туфли и начала раздеваться. Пальто, свитер, блузку, оставшись в лифчике. Повернувшись спиной к Риккарду, я сняла носки и брюки, аккуратно сложив их на одной из скамеек.

Руки дрожали, когда я расстегивала бюстгальтер, и рука поднялась, чтобы прикрыть грудь, прежде чем холодный воздух успел накрыть меня. Мне уже доводилось обнажаться перед мужчиной, но никогда — в таком уязвимом и откровенном виде. Здесь не было ни темноты, ни одеяла, под которым можно было бы спрятаться.

Мои колени подогнулись, когда я подошла к краю бассейна.

— Теплая?

— Прекрасная, — сказал он, не отрывая от меня глаз.

Я скользнула в воду, держась за бортик. Я была не так высока, как Риккард, и с трудом держалась на ногах. Он подплыл ко мне, и я вцепилась в его бицепс, впиваясь пальцами в твердые мышцы. Я почувствовала, как его руки обхватили мои обнаженные бока, и хотя в талии, по сути, не было ничего сексуального, как только я почувствовала его ладони на своих бедрах, меня пробрала дрожь.

Риккард повел нас дальше в бассейн, вокруг нас плавно двигалась рябь. Вода ласкала мою обнаженную грудь, соски затвердели.

— Вода приятной температуры, — сказала я.

Его губы дрогнули.

— Школа подогревает ее зимой.

Рука Риккарда скользнула к моей попке. Все внутри меня растаяло, вплоть до верха бедер.

— Ты волнуешься перед экзаменами? — спросила я, пока мы плыли.

— Нет.

— Жаль, что тебя не оценивают по высокомерию, любовь моя. Я думаю, ты бы очень хорошо справился.

Риккард сжал мой зад, ухмылка растянулась от уха до уха.

— Ты меня дразнишь.

Я вернула ему его слова.

— Если не я, то кто?

Под поверхностью я почувствовала, как что-то твердое прижалось к нижней части моего бедра.

— Теперь кто кого дразнит?

Он смотрел на меня полузакрытыми глазами. Мне нравилось, когда он был таким: легким, расслабленным, *моим*. В моменты уединения в нем появлялась новая мягкость, которую он никогда не показывал на людях, и именно в эти моменты мое сердце горело от того, как сильно я его люблю.

Любовь преподносилась мне как розовое, ванильное чувство, как бабочки в животе и цветы, доставленные к порогу. Либо мне все врал, либо то, что я чувствовала к Риккарду, было ненормальным. От одного взгляда на него кровь стыла в жилах, мысли о нем проносились в голове как навязчивый ураган, а одно его прикосновение делало меня его

добровольной рабыней.

Риккард с самого начала сказал, что мы выше обыденных ритуалов ухаживания наших сверстников, но были ли мы выше их представлений о любви? Открыли ли мы вместе новый, лучший тип отношений? Мой парень согласился бы с тем, что у нас было, и я не могла побороть чувство самодовольства в своей груди при этой мысли.

— О чем ты думаешь? — пробормотал он.

— О нас.

Он выглядел довольным.

— О чем именно?

Я провела руками по его рукам до шеи, следуя линиям его острой челюсти и ушей, пока капли не потекли по щекам, как слезы. Глаза Риккарда не отрывались от моего лица, когда я наклонилась ближе и взяла его губы в свои. Мы целовались медленно, глубоко. Я покусывала его нижнюю губу, пока он не раскрыл ее шире, позволяя мне просунуть язык в его рот.

Его рука обхватила мою талию, прижимая меня к себе и возвращая контроль над ситуацией. Мои груди и внутренняя поверхность бедер встретились с твердыми мускулами. Я сцепила лодыжки за его спиной, используя их как опоры, чтобы прижаться к нему.

Мы оторвались друг от друга, чтобы вдохнуть кислород, прижавшись лбами друг к другу.

— Я только об этом и думал весь день, — пробормотал он. — Я не мог сосредоточиться на учебе.

— Я думала, что помогаю тебе быть продуктивным.

Риккард приподнял бедра. Я подавила стон.

— Врешь, — он провел носом по моей щеке. — Хорошие товарищи по учебе не трутся друг о друга бедрами и не расстегивают блузки, потому что слишком жарко.

Было трудно удержаться от улыбки.

— Я понятия не имею, на что ты намекаешь.

Его смех прошелся огнем по моему позвоночнику.

— Не строй из себя невинность, Августина.

Риккард поцеловал меня в шею, и я откинула голову назад, пораженная.

— Признайся, что ты пыталась отвлечь меня, — пробормотал он, прижимаясь к моей коже.

Я почти призналась, но даже в муках вожделения моя способность лгать была необременительной.

— Ни за что.

Он дотянулся до моего пульса и нежно прикусил его. С моих губ сорвался второй стон.

— Ну же, *Il Penseroso*, будь хорошей девочкой, — промурлыкал он, — признайся.

Он отстранился, и я вскрикнула от разлуки. Риккард взял в ладони одну мою грудь, поглаживая сосок большим пальцем. Это прикосновение произвело на меня неопишное действие, и я могла только наблюдать, как он наклонился вперед и взял розовый сосок в рот.

— Признайся.

Должно быть, я покачала головой, потому что он зарычал.

Боль между бедер нарастала с огромной интенсивностью, и единственное облегчение, которое можно было найти — это прижаться к его груди, пока его пресс не стал тереться об меня. Я двигала бедрами вверх-вниз, и Риккард отпустил меня достаточно надолго, чтобы пробормотать: — *Чёрт*, а затем вернулся к моему соску.

Трение стало слишком сильным, и я застонала, уткнувшись головой ему в шею. Он провел рукой по моей спине, переставляя нас так, что я снова оказалась прижатой к нему, достаточно близко, чтобы между нами не было воды.

Мое дыхание вырывалось короткими неглубокими вздохами.

— Я пыталась отвлечь тебя, — сказала я ему в шею.

В груди Риккарда раздался смех, но он ничего не сказал.

Мы плавали в бассейне, пока наши пальцы не стали морщинистыми, как чернослив.

— Что мы будем делать с полотенцами? — спросила я, когда мы вылезли из бассейна.

Риккард помог мне встать, уставившись на мою грудь. — Риккард?

— Ммм?

— Полотенца.

Он моргнул, глядя на меня, словно очнувшись от сна. Я прикрыла грудь, чтобы помочь ему.

— В раздевалке для парней должно быть несколько.

— Чистые...

Эхо хлопнувшей двери заставило нас обоих замереть. Белый круг света скользил по плитке и сиденьям...

Риккард потянул меня к входу в раздевалки, прижав палец к губам. Послышались шаги, тяжелый стук ботинок.

— Есть кто? — позвал грубый голос.

Я посмотрела в глаза Риккарду и пробормотала: — *Наша одежда.*

Риккард выглядел слегка обиженным и пробормотал в ответ: — *Я знаю.*

Стук ботинок становился все громче и громче, пока охранник не оказался рядом с нами, отделенный стеной. Никто из нас не смел дышать.

Время тянулось медленно. Риккард, возможно, и не получил бы никакого наказания за проникновение на территорию университета после наступления темноты, но я не была такой же неприкасаемой, как он, и рисковала быть исключенной.

Риккард почувствовал мою панику и провел рукой по моему боку. Его глаза встретились с моими, давая понять, что все будет хорошо.

Охранник издал раздраженный звук и развернулся. Я услышала щелчок рации, прежде чем он сказал: — Все чисто. Ложная тревога.

Мы не двигались с места, пока не услышали, как хлопнула дверь.

— Черт, это было близко.

Я прижала руку к сердцу.

— Я думала, ты *очаровал* мистера Ливингстона.

— Наверное, я заржавел.

Юмор в его голосе заставил меня покачать головой.

— Если бы меня поймали...

— Ничего бы не случилось, — он сделал паузу. — Ну, разве что тебе пришлось бы писать мне письма в тюрьму.

Я не смогла скрыть довольной улыбки.

— Ты собирался убить этого беднягу?

Риккард погладил меня по бокам.

— Я единственный, кто может видеть тебя голой, — его руки добрались до моих трусиков, уже насквозь промокших от бассейна и наших занятий в нем. Один палец дернулся

за резинку, но он не стал их стягивать. — Тебя предупреждали, что от меня одни неприятности.

— Предупреждали, но я так и не увидела никаких доказательств.

Его глаза сверкнули.

— Вторжение в частную собственность — недостаточно хорошо для тебя? Тебе трудно угодить, — кончики пальцев прошлись по моему бедру, подбираясь все ближе и ближе... Я слегка ахнула, когда он надавил большим пальцем на мой клитор. Улыбка Риккарда стала глупой и широкой, как у собаки, которую наконец-то пустили на диван. — К счастью для тебя, я люблю вызов.

Риккард встал на колени, уперся руками по обе стороны от моих бедер. Я схватилась за его голову, чтобы удержать равновесие.

Он стянул с моих ног трусики, а затем задрал мою левую ногу, положив ее себе на плечо. Доказательство моего желания было выставлено на всеобщее обозрение, но я не могла даже притвориться смущенной. Застенчивость была так далека от того мира, который мы с Риккардом создавали вместе в этот момент.

Взгляд моего парня наполнился вожделением, его дыхание стало глубже, когда он впился в меня взглядом.

— Красивая, — сказал он скорее себе, чем мне.

Риккард наклонился вперед, прижимаясь ртом к моему пульсирующему клитору. От его техники у меня закружилась голова. Я почувствовала, как его язык прижимается к моей расщелине, ритмичными движениями то усиливая, то ослабляя давление. Когда я издала похотливый стон, он стал двигать языком влево-вправо, пожирая меня так, словно был голоден, словно был *ненасытен*.

Мои бедра дернулись так сильно, что от удара о стену у меня на спине остались бы синяки, но я не беспокоилась, когда оргазм пронзил меня насквозь, прояснив мой разум раскаленным добела светом. Я услышала его имя в своих ушах и поняла, что странный хриплый голос, выкрикнувший его, был моим.

После того как я кончила, я тяжело дышала, а Риккард стоял рядом со мной. Он провел пальцами по моим волосам и покрыл поцелуями мой лоб и щеки. Кожа вокруг его рта была гладкой и мерцающей.

— Тебе понравилось? — он знал ответ, он просто хотел услышать, как я его скажу.

Я посмотрела на него игриво.

— Мм.

— *Мм?* И это всё, что я получаю? — Риккард улыбнулся, прижавшись к моей коже. — Не волнуйся, Августина, у нас есть целая жизнь, чтобы ты придумала лучший ответ на то, что я заставляю тебя кричать. Я даже помогу тебе с мозговым штурмом.

Когда его руки снова начали опускаться вниз, я мягко остановила его.

— Я хочу пойти туда, где нас не будут прерывать... и где теплее.

Риккард склонил голову.

— Для тебя все что угодно.

Он нашел в подсобке для водного поло несколько чистых полотенец и вытер меня насухо, после чего мы снова переоделись в свою одежду. Когда он завязывал шнурки, я протянула руку и прижала ее к его сердцу.

— Ты делаешь меня очень счастливой.

Он положил свою руку на мою.

— Ты тоже делаешь меня счастливой, *Il Penseroso*.

Я задумалась, что мы нашли не только новый способ любить, но и еще один способ сказать, что я *тебя люблю*.

19. Августина

Снежинки запутались в моих волосах, когда я спешила через улицу к бургерной «*Mr. Bartley's*». В 60-е годы здесь был магазинчик, но новые владельцы купили его и превратили в заведение по продаже гамбургеров. Небольшой ресторанчик быстро стал неотъемлемой частью жизни студентов Гарварда, и сегодня здесь находились два самых важных человека в моей жизни.

Эдвина накануне сдала последний экзамен и собиралась провести в Бостоне одну ночь, хотя был вариант прямого перелета. Она не скрывала, что хочет познакомиться с моим парнем — тем более что она была единственным человеком в семье, который этого не сделал, — и Риккард так же стремился познакомиться с ней.

Опаздывать было совсем не похоже на меня, но мне нужно было отвезти профессору Фулька задание после экзамена по обществознанию, и дорога заняла больше времени, чем я предполагала. Ни Эдвина, ни Риккард не отвечали на мои телефонные звонки, и у меня заныло в животе.

Если они не понравились друг другу, то остаток моей жизни будет потрачен на то, чтобы снять напряженность между ними. Оба они в значительной степени полагались на первые встречи, чтобы оценить людей, и я хотела, чтобы у них все прошло хорошо, а это означало, что я хотела способствовать этому.

Внутри бургерной царили энергия, шум и гвалт. Интерьер был смоделирован по образцу комнаты в общежитии колледжа, со стенами, увешанными плакатами, бамперными наклейками и табличками с дерзкими каламбурами. Столы и стулья были придвинуты друг к другу так близко, что посетители практически сидели друг на друге.

Несмотря на то, что в зале было полно народу, я сразу заметила Риккарда. Он был одет в гарвардский свитер с белым воротником и чиносы. Напротив него — и по эстетике, и по телосложению — сидела моя сестра. Эдвина добавила в волосы новые пряди мелирования, придав им блеск, которого не было у бледных студенток из Новой Англии.

Оба были погружены в беседу. Не было похоже, что они ненавидели друг друга, но ни один из них не улыбался и не смеялся.

— Привет, — сказала я, подходя к столику, ненавидя, что приходится повышать голос, чтобы меня услышали другие посетители. — Извините, я опоздала.

Оба поднялись на ноги, и между ними завязалась молчаливая борьба за доминирование, когда оба потянулись ко мне. Эдди добралась до меня первой и поцеловала меня в щеку. Мы никогда не были открыто проявляющий свои эмоции семьей, но мы были собственниками.

Риккард запечатлел поцелуй на моих губах и, не уступая, выдвинул для меня стул. Сестра наблюдала за происходящим с безучастным выражением лица.

— Мне нравятся твои волосы в таком виде, — сказала я, садясь. Риккард положил руку на спинку моего кресла и погладил меня по руке большим пальцем. — Ты долетела нормально?

— Я долетела нормально.

Я посмотрела на них обоих.

— О чем вы говорили до моего прихода?

— О тебе, — сказали они в унисон. Риккард послал мне улыбку: — Все хорошо, *И*

Penseroso, честное слово.

Подошла официантка, чтобы принять наши заказы. Эдвина сузила глаза, когда я заказала «Джо Бартли», классический чизбургер, но ничего не сказала. Я хотела предупредить ее, что Риккард замечает каждое ее выражение лица, каждый вздох и, возможно, узнает о ней то, что она предпочла бы скрыть.

Мы говорили на нейтральные темы: экзамены, Рождество, погода. Когда принесли еду, Риккард встал и принес нож и вилку.

— Спасибо, дорогой, — сказала я, принимая их от него. В ответ он поцеловал меня в лоб.

Это было быстро, но на лице Эдвины мелькнула улыбка.

После ужина я проводила Эдвину до гостиницы. Свежевыпавший снег хрустел под нашими сапогами, напоминая мне о декабре на ферме, где мы выросли. Тогда погода была почти волшебной. Мы засыпали и просыпались от того, что за окнами была белая страна чудес. Теперь же погода была не столько сказочной, сколько неприятной.

— Какая дерьмовая погода, — сказала она.

— Я вспомнила, как мы любили снег.

Я почувствовала ее взгляд на своем лице.

— Да, любили.

Мы молчали, пока не дошли до ее отеля. Она остановилась на ступеньках, выглядя задумчивой.

— Знаешь, я просто всегда думала, что счастье выглядит на тебе иначе, чем на всех остальных, но теперь я вижу, что это не так.

— Что ты имеешь в виду? Ты и раньше видел меня счастливой.

Она покачала головой.

— Только один раз.

— Когда?

— Минут пятнадцать назад, — Эдвина встретила мой взгляд, ее лицо светилось теплом и счастьем. — Я очень горжусь тобой, Августина. Когда ты начинала здесь учиться, ты даже не могла остаться у кого-то на вечеринке с ночёвкой, а теперь посмотри на себя. Ешь гамбургеры и все такое.

— Тетя Розамунда сказала, чтобы я почаще выходила из своей скорлупы.

— Ты всегда умела делать то, что тебе говорят, — сказала она. Ее тон был легким, но слова прозвучали в моих ушах как осколки стекла.

Мы пожелали друг другу спокойной ночи, и Эдвина вошла внутрь. Ее самолет улетал рано утром на следующий день, но мы должны были встретиться в Вашингтоне в конце недели. Мой первый семестр в Гарварде подходил к концу, но было трудно думать об окончании, когда мои ноги несли меня в направлении Брэттл-стрит.

В поместье Бристлмор было тихо и темно — пожалуй, впервые за весь год. В разгар экзаменационной недели вечеринок было не так много, что позволило мне незамеченной подняться в комнату Риккарда. Я не возражала против того, чтобы люди знали о наших отношениях — даже предпочитала это, — но парни всегда дразнили меня, когда я приходила к ним ночевать, и было не очень приятно осознавать, что в доме незнакомых людей знают, что ты занимаешься сексом со своим парнем, когда рядом чужие комнаты.

Риккард вышел из ванной, когда я вошла. Он вытирал влажные волосы полотенцем,

второе полотенце висело у него на поясе.

— Каков вердикт? — спросил он. — Она запретила тебе видеться со мной?

— Если парень не смог удержать меня, то с чего ты взял, что моя сестра сможет?

Риккард рассмеялся.

— Тем не менее, я хочу понравиться твоей сестре. Это облегчит проведение праздников.

От того, как непринужденно он сказал о *праздниках*, у меня защемило сердце. В отличие от меня, Риккард никогда не боялся нашего будущего, даже если это будущее включало в себя общение с хлопотливыми родственниками.

— Ты ей нравишься, потому что нравишься мне, — сказала я. — Все как у меня с Сореном.

— Думаю, Сорен предпочитает тебя мне, — задумчиво произнес он. — Найлз точно предпочитает.

Мне нечего было на это ответить, и я занялась своими ночными делами. Когда я скользнула в постель, Риккард прислонился к изголовью, поджав колени и держа в одной руке книгу. Он грыз ноготь на большом пальце, его лицо было расслабленным и задумчивым, пока он читал. Он никогда не казался мне таким красивым, как в эти минуты в постели, и мое разгоряченное тело было с ним согласно.

Я перевернула подушку, пытаюсь устроиться поудобнее. Я принесла свою подушку в ночь после купания в бассейне Блджетт и с тех пор проводила здесь каждую ночь. Под одеялом я прижалась своей ногой к ноге Риккарда.

— Тебе нравится твоя книга? — спросила я.

Он издал горлом утвердительный звук, что никак не помогло мне унять нарастающий жар в моем нутре.

Я прижалась грудью к его руке. Только тонкая ткань ночной рубашки разделяла нас.

— О чем она?

Это был роман «*Человек в картинках*» Рэя Брэдбери, книгу, которую я перечитывала десятки раз. Риккард тоже знал об этом, и его взгляд обратился ко мне.

Его губы изогнулись в улыбке, когда он понял, что я делаю.

— Ты пытаешься соблазнить меня, *Il Penseroso*?

Мои щеки покрылись румянцем.

С преувеличенной медлительностью он сделал закладку на своей странице и положил книгу на прикроватную тумбочку. В каждом его движении чувствовалась целеустремленность, а сердцебиение участилось от предвкушения.

— Я недооценивал тебя.

Риккард провел пальцами по моей обнаженной руке, разрушая все связные мысли, возникавшие в моей голове. Он наклонился и поцеловал меня в шею, опускаясь все ниже и ниже, пока его губы не коснулись моей обнаженной груди.

— Я больше никогда не смогу нормально спать, — размышлял он. — Как я могу спать, когда ты рядом со мной? Крутишься, извиваешься, позволяешь этим маленьким ночным рубашкам задираться вверх...

Я почувствовала, как его пальцы скользят по моему бедру, возбуждающе приближаясь к той части меня, которая больше всего жаждала его. Когда он добрался до моих трусов, у меня задрожали колени, и он издал негромкий смешок.

Риккард перекатил меня под себя и устроился между моих бедер. Ощущение его

пижамных штанов на моей голой коже и нижнем белье было достаточным для того, чтобы мое сердце наполнилось желанием.

Он приподнялся надо мной и посмотрел на меня взглядом, который можно было назвать только чувственным.

— Ты мне нравишься в этой постели, Августина. Очень нравишься.

Я прошептала: — Докажи это.

Он поцеловал меня, проглотив мой вздох. Наши рты двигались навстречу друг другу в страстном тандеме, пристрастившись к вкусу друг друга. Его тело прижималось к моему, его вес становился все более привычным, чем больше я спала в его постели.

Риккард дразнил меня языком, то отступая, то возвращаясь, пока я не схватилась за его затылок, чтобы удержать его на месте. Зубы впились в мою нижнюю губу, и мягкая боль пронзила меня между ног. *Целая жизнь в поцелуях с Риккардом не кажется мне достаточным временем*, подумала я, когда он застонал мне в рот.

Он оторвался от меня и направился к моей шее. Мой стон был достаточно громким, чтобы разбудить всю поместье: он целовал и облизывал мои ключицы, покусывая и посасывая их, пока я не почувствовала начало появления синяков. Он снял левую бретельку с моего плеча, целуя открытую кожу, и перешел на другую сторону.

Риккард не торопился раздевать меня, но не успела я опомниться, как он уже стянул через голову мою бабушкину пижаму и бросил её на пол. Далее последовали трусики, которые тоже полетели на пол.

Мои груди отяжелели и болели, в животе все сжалось. Я выгнула спину, когда его рот встретился с моим соском, и стала ласкать его, пока мои пятки не уперлись в его спину.

— Риккард, — мои слова прозвучали плаксиво, но в тот момент я чувствовала себя в нескольких секундах от того, чтобы умолять. Я хотела, чтобы он был во мне — нет, не хотела, а нуждалась. Мне нужно было обладать им, быть наполненной им. — Пожалуйста.

Он издал горлом очень мужской звук.

— Какие у тебя прекрасные манеры.

Я извивалась под ним, пытаюсь создать хоть какое-то трение...

— *Но* это не очень вежливо, — сказал он, схватив меня за бедра и удерживая на месте.

Моя ночная рубашка была задрана выше талии и ниже груди, волосы разметались вокруг, словно нимб. Я представляла собой беспорядочный клубок конечностей и волос, покрытый тонким слоем пота. Но Риккард смотрел на меня так, словно я была самой прекрасной девушкой на свете, словно Афродита, вышедшая из океана на моллюске.

Он спустил штаны и взял в руки свой член. Он был толстым и твердым в его руках, на головке виднелись капельки преекуляции. У меня пересохло во рту от этого зрелища, и я вывернула шею, чтобы получше рассмотреть его.

Риккард наклонился ко мне, переплетая наши пальцы. Наши глаза встретились, в них читалось беспокойство. *Ты готова?* говорили они.

Я кивнула.

Он медленно вошел в меня, растягивая меня так сильно, как никогда раньше. Мое тело сжалось, подстраиваясь под его длину. Я чувствовала его везде.

— О, Боже, Риккард... О!

Он выдохнул и снова вошел в меня. Я инстинктивно приподняла бедра, пытаюсь принять больше его. С каждым толчком внутри меня нарастало наслаждение, помогая моему телу легче принимать его.

— Августина, — он произнес мое имя так, словно молился мне. — Ты так совершенна... О, ты была создана для меня... — он издал стон, и этот звук вызвал во мне еще одну дрожь желаний.

Возвышавшийся надо мной Риккард представлял собой достойное зрелище. Мышцы его шеи напряглись почти до боли, когда он поднял голову, мышцы груди напрягались все сильнее с каждым толчком. Выбившиеся пряди золотистых волос упали ему на лоб, и он крепко зажмурил глаза.

Его толчки становились все быстрее и сильнее, а их ритм усиливал жар в моем нутре. Когда я достигла оргазма, мои бедра непроизвольно вздрогнули, а рот открылся в бесшумном крике.

Риккард выкрикнул мое имя, когда кончил, его локти подкосились. Он почти рухнул в мои объятия, и я с готовностью приняла его вес на себя. Через несколько мгновений он поднял голову и улыбнулся мне своей измученной улыбкой, от которой у меня закружилась голова.

Приведя себя в порядок, мы легли в постель. Я положила голову ему на бедро, мои ноги оказались зажаты между его руками. Мы прикасались друг к другу лениво и снисходительно, упиваясь нашей жадностью друг к другу и удовольствием, которое мы разделили.

Риккард схватил меня за лодыжку и сделал вид, что хочет укусить, но я быстро отдернула его, смеясь.

— Не думаю, что я когда-либо слышал, как ты смеешься, — сказал он.

Я пожала плечами.

— Я не люблю смеяться на людях.

— Я знаю, — Риккард опустил голову и провел пальцами по моей икре медленными круговыми движениями. — Завтра последний день семестра. Ты будешь по мне скучать?

— Конечно, — мои веки потяжелели и сомкнулись. — А ты будешь скучать по мне?

Он ответил через несколько минут, и я знаю, что он это сказал только потому, что думал, что я уже сплю.

— Да, *Il Penseroso*, я буду скучать по тебе. Больше, чем я могу это выразить.

20. Августина

Я использовала предплечье, чтобы стереть пар с зеркала. Редко случалось, чтобы так близко к полуночи в ванной комнате было так много народу, но сегодня вечером был «Первобытный крик» (...), и все готовились к нему. От того, что было включено много горячих душей пространство затуманилось настолько, что едва было видно свою руку перед лицом.

Сахар взяла запасную повязку для волос из моей душевой кабины и повернулась в сторону, чтобы посмотреть на свою косу в зеркале. Как и я, она не участвовала в «Крике», но нам обеим было слишком любопытно, чтобы не пойти и не посмотреть.

Сегодня вечером женская ванная была центром сплетен, и если вы хотели узнать, что происходит за стенами, увитыми плющом, вам достаточно было просто прислушаться, пока вы чистили зубы. Я наострила уши, услышав знакомое имя.

— Профессор Фульк подал в отставку, — сказала девушка, сидевшая у раковины рядом со мной, и ее голос был достаточно громким, чтобы ее подруга в душе могла слышать ее за журчанием воды. — Мелисса Б сказала, что это потому, что он разводится, но Мелисса В клянется, что это потому, что школа больше не будет предоставлять ему финансирование...

— А экзамены он все равно будет принимать? — спросила рядом со мной Сахар, которая тоже подслушивала. — Он преподавал нам весь материал и знает нас всех. Я бы предпочла, чтобы экзамены принимал он.

— Не знаю, — ответила я, — но я знаю, что тебе не стоит волноваться. Ты знаешь весь материал от корки до корки, и я уверена, что ты хорошо сдашь экзамен.

Сахар кивнула, задумчиво прикусив губу. Волноваться было уже бессмысленно — все экзамены за семестр были сданы. Сегодня у меня был последний экзамен, и я испытала огромное облегчение, когда курирующий нас профессор велел нам отложить ручки.

Я улыбнулась, вспоминая вчерашний день. Риккард был раздражающе самодоволен, говоря, что сдаст экзамены на отлично, поэтому во время экзамена по биологии я подкупила помощника по административным вопросам, чтобы тот подсунул профессору записку, в которой говорилось, что у Риккарда возникли какие-то семейные дела и ему нужно уйти. Я ждала его в коридоре, а потом затащила в ближайшую подсобку, позволив ему взять меня сзади, пока я упиралась в полки и зарывалась лицом в свитер, чтобы заглушить крики.

После этого он позвонил мне и сообщил, что закончил экзамен и у него осталось двадцать минут в запасе.

Девушки все еще перебрасывались теориями о том, что случилось с Фульком, когда дверь распахнулась. Кейт Кенсингтон чуть не поскользнулась на мокрой плитке от быстрого движения и в последнюю секунду успела зацепиться за вешалку для полотенец.

— Августина! — Кейт заметила меня. — Риккард дерётся во дворе!

Дерётся? Я оставила щетку на раковине и поспешила выйти из ванной.

— О чем ты говоришь?

— Быстрее, быстрее! Он собирается убить его! — в следующее мгновение Кейт Кенсингтон исчезла, оставив меня одну выбегать из общежития. За спиной слышались шаги, к которым присоединились любопытные зрители.

На траве лежал снег, все деревья потеряли листву. Фонари освещали достаточно

большую часть двора, чтобы я смогла разглядеть группу людей, повернувшихся лицом к центру происшествия, которые возбуждённо скандировали.

Я вспомнила свой первый день в кампусе, когда листва была густо усыпана желтыми и оранжевыми цветами, и именно на этом месте произошла драка. Только тогда Риккард был зрителем, забавляющимся лидером, позволившим своему неугомонному другу выпустить пар.

Теперь же, протиснувшись сквозь толпу людей, я поняла, что он больше не зритель.

Двое парней лежали на земле и наносили друг другу удары. Золотистые волосы Риккарда были испачканы кровью, но его противник выглядел гораздо хуже. Его лицо было настолько окровавлено и покрыто синяками, что на мгновение я не узнала его, но потом увидела знакомые светлые волосы и лицо в форме сердца и сразу поняла, с кем дерётся мой парень.

Я наблюдала за тем, как бой подходит к своему естественному завершению. Риккард поднялся на ноги, воздев руки к небу, когда толпа выкрикнула его имя. Джонатан медленно сел, но встать не смог. Кровь капала ему на подбородок и на разорванный свитер.

— Что случилось?

Даже среди сотен других голосов Риккард услышал меня. Он повернулся, и я постаралась не вздрогнуть, увидев свидетельство насилия. Его подбородок был в синяках, губа рассечена — ничтожные повреждения по сравнению с Джонатаном, но у меня все равно болезненно защемило в груди от этого зрелища. Казалось, что каждая его рана была моей собственной, и я чувствовала их все.

Я шагнула вперед, остановившись в метре от Риккарда. Его глаза горели адреналином и агрессией.

— Я задала вопрос.

Риккард оценивающе посмотрел на меня. Я чувствовал, как он пытается решить, на чью сторону я встану, и в глубине души понимал, что он боится, что я выберу Джонатана, а не его.

— Джонатан пришел искать неприятности, — сказал он, — и он их нашел.

Я присела. Джонатан не встретил моего взгляда.

— Что ты здесь делаешь, Джонатан?

Даже покрытое синяками лицо не могло скрыть ненависти в его выражении.

— Ты была не единственной из ДДШ, кто приехал в Гарвард, Августина, и все они не могли дождаться, чтобы рассказать мне, как ты будешь себя вести, — он поднял глаза на меня. — Таскаешься на мероприятия клуба «Аргус», ходишь за этим пиджачиком, как потерянный щенок. Ты сделала из меня дурака.

— Ты позволил мне.

Его лицо помрачнело.

Я поднялась на ноги.

— Если бы ты встретился со мной лицом к лицу, возможно, никаких последствий не было бы. Однако ты столкнулся с Риккардом *Хоторном* и теперь нажил себе врага в самой могущественной семье страны.

Джонатан начал осознавать, что он натворил. В его глазах снова появилась ясность.

— Но я уверен, что Хоторны не будут обращать внимания на эту маленькую стычку, если ты уедешь без шума и больше никогда не покажешься в Бостоне.

Он посмотрел на Риккарда. Мой парень улыбался, засунув руки в карманы. Я сразу

отметил его наряд: шорты и футболка. Непростительно в такую погоду, но не для сегодняшнего вечера. Не для «Первобытного крика».

Джонатану удалось самостоятельно подняться на ноги.

— Давай я вызову тебе такси, — сказала я.

— Нет, — резко сказал он. — Я сам вызову.

Он встретился со мной взглядом, и все, что я могла услышать в своей голове, были его слова на каникулах в честь Дня благодарения. *Это настигнет тебя, Августина. Ты не можешь использовать всех подряд. Однажды кто-нибудь воспользуется тобой в ответ.* Я знала его достаточно хорошо, чтобы понять, что он вспоминает тот же самый момент, но благоразумно не стал его повторять. Я не знала, как отреагирует Риккард, а Джонатан, похоже, не хотел этого выяснять.

Джонатан ушел, и толпа разошлась. Без драки, которая отвлекала меня, я смогла в полной мере оценить странные наряды вокруг. Некоторые студенты одели подгузники, плащи супергероев и другие странные вещи — единственным правилом было то, что часть гениталий должна была быть обнажена. На морозе они выглядели не лучшим образом, но я восхищалась их смелостью.

— Ты на меня обиделась? — с любопытством спросил Риккард.

— Не по тем причинам, о которых ты подумал, — ответила я.

Он обнял меня за плечи, и я прижалась к его теплу. Теперь, когда наши прикосновения были такими непринужденными и свободными, было странно вспоминать время, когда мы не могли прикоснуться друг к другу, когда я не могла протянуть руку и зачесать назад его волосы или поправить воротничок. Близость было трудно построить, но как только вы закладывали фундамент, вам дарили невероятно новые ощущения с другим человеком, которые приостанавливали время и пространство, которые поддерживали вас так, как вы никогда не думали, что это возможно.

Риккард поцеловал меня в макушку, когда мы шли к началу Двора.

Люди собирались вместе, готовясь к забегу. Некоторые уже избавились от одежды, обнажив (и очень замерзшие) интимные места, в то время как другие продолжали кутаться в халаты и полотенца. Возле горячей засмолённой бочки расположился небольшой оркестр, который играл веселую мелодию, подбадривая собравшихся.

Мы подошли к стартовой линии. Риккард снял с себя футболку и шорты, оставшись совершенно голым, как в день своего рождения.

— Ты еще можешь присоединиться ко мне, — промурлыкал он.

Я покачала головой, складывая его одежду и прижимая ее к груди.

— Есть несколько вещей, на которые даже ты, Риккард, не сможешь меня уговорить.

— Может быть, в следующем году, *Il Penseroso*, — тепло сказал он. Несколько ребят из клуба «Аргус» окликнули его по имени, но он полностью проигнорировал их. — Насчет Джонатана...

— Давай не будем сейчас об этом говорить.

Все больше студентов начали раздеваться. Я поцеловала Риккарда и пожелала ему удачи.

— Ты будешь здесь, когда я закончу? — спросил он.

Я улыбнулась.

— А где же мне еще быть?

Риккард одарил меня ухмылкой, от которой у меня затряслись колени. Я отскочила в

сторону, когда начался обратный отсчет. Сотни голых студентов выстроились на краю двора, вибрируя энергией, как пойманная в ловушку молния.

— Бегите! — крикнул кто-то.

Все во Дворе подняли такой шум, что было бы чудом, если бы не вызвали полицию. Но полиции не было дела до того, что сотни студентов Гарварда бежали по двору, празднуя окончание экзаменов, выставив свои интимные части тела на всеобщее обозрение.

С неба начали падать снежинки, которые усиливались с каждым часом.

Я посмотрела в сторону ворот Декстера. Казалось, прошла целая вечность с тех пор, как мы с Риккардом вместе прошли под этими воротами.

На противоположной стороне была другая надпись, предназначенная для студентов, окончивших университет и покидающих его навсегда.

Уходите, во благо службы своей стране и своему роду.

И когда «Первобытный крик» закончился, я подумала, не было ли это послание не только предупреждением, но и просьбой.

Риккард

Когда я выходил из цветочного магазина, прозвенел колокольчик на двери, и менеджер магазина крикнул мне слова поддержки. Он заверил меня, что букеты в качестве извинений отнюдь не являются странной просьбой, и очень помог с выбором цветов. Я выбрал букет из розовых роз, гиацинтов и гвоздик, зная, что жена воспримет более экстравагантный букет как насмешку, а более простой — как нерешительное извинение.

Уличные фонари отражались в лужах, как золотые озера, когда я шел обратно к нашей квартире. Я мог бы поймать такси или сесть на поезд, но моему уязвленному самолюбию требовалось время, чтобы залечиться.

Ссора была... плохой. Очень плохой.

На самом деле мы с Августиной не ссорились — мы препирались, бросали вызов, проверяли друг друга, но никогда не ссорились. Я считал, что вспыльчивости моей жены не существовало, родно до момента, произошедшего три часа назад, а моя собственная вспыльчивость была слабой, когда я сталкивался с серьезными темно-синими глазами. Но были и такие предательства, которые...

Я не смог закончить мысль, горло сжалось от слишком сильных эмоций. Воспоминания о ссоре всплывали в памяти вспышками: ее голова склонилась над кухонной стойкой, обнадеживающая улыбка, которая быстро сменилась настороженностью, а затем крики. Визги. Паника.

Сожаление.

Упаковочная обёртка зашуршала, когда я крепче сжал букет.

Начался легкий дождик, но я всё равно не стал ловить такси, вместо этого позволив своему плащу отяжелеть от дождя. В голове зазвучал голос Августины о простуде, но я отогнал его. Я никогда не болел и не получал травм. Она была слишком умна, чтобы не заметить, но и слишком рациональна, чтобы выдвигать обвинения.

Вдалеке я увидел многоквартирный дом из коричневого кирпича, возвышающийся над верхушками вязов. Наша квартира находилась на седьмом этаже, и, к моему удивлению, во всех окнах горел свет. Она, без сомнения, не спала и, вероятно, мерила шагами комнату, но было странно, что везде горел свет. Неужели она ждала меня?

Моё сердце, дурак, втянувший меня в эту историю, замерцало надеждой. В голове расцвели воображаемые сценарии, как она извиняется, говорит, что совершила ошибку, что все это было одним большим недоразумением. Совершенно иррационально — с ее стороны была ошибка, и я мог бы ее простить, но не без правды.

Ох, правда. Если бы она знала всю мою правду, она бы назвала меня лицемером, и это было бы справедливо. Мой двоюродный брат предупреждал меня, что это было обречено с самого начала, но я ничего не мог с собой поделать. С того момента, как я заметил ее на другом конце Гарвардского двора, неподвижную и настороженную, мы были на пути к гибели.

Я был так самонадеян в своей любви к ней, был так жаден, а теперь...

Я замедлил шаг, когда мои глаза заметили скопление фургонов у дома. Красные и синие фары мигали, освещая людей в черных плащах с коробками с надписью «ВЕЩЕСТВЕННЫ

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА» по бокам.

Я нутром понимал, что они пришли за нами.

Августина.

Я бросился бежать, минуя агентов. Они сразу заметили меня, но были слишком медлительны, позволив мне проскочить мимо них. В вестибюле было полно людей, в том числе пара, которая брала интервью у ночного менеджера здания. Его глаза поймали мой взгляд, когда я проходил мимо, и расширились от узнавания, когда он открыл рот, чтобы сказать...

— Мистер Хоторн, вы арестованы, — раздался чей-то грозный голос позади меня.

Лифт был слишком медленным, поэтому я бросился к лестнице пожарного выхода. За спиной послышались торопливые шаги. Опираясь на перила, я обогнул острый угол и наконец заметил на стене цифру 7.

В коридоре было много народу, но от их хватки я легко отмахнулся, ворвавшись в нашу квартиру.

— Августина! — крикнул я.

— Мистер Хоторн! — один из агентов был шокирован, увидев меня. — Вы... вы арестованы.

Я проигнорировал его.

— *Где моя жена?*

— Риккард, — позвал мужской голос. Я обернулся и увидел пожилого мужчину, стоявшего у дивана, как будто он принадлежал этому месту, принадлежал нашему *дому*. Наш дом, который в данный момент был переполнен агентами, хватающими все, что попадалось под их грязные руки. — Во всем этом нет необходимости.

Я опустил глаза. Она сидела, ссутулив плечи и поджав колени. Она все еще была в белом халате, но ее ноги были босыми — неужели эти ублюдки даже не дали ей обуться? Выражение её лица было тщательно непроницаемым, но я смог уловить признаки её растерянности и паники.

Глаза Августины встретились с моими.

— Они как-то причинили тебе боль? — спросил я.

Она покачала головой. *Нет.*

Сильные руки схватили меня сзади и сцепили запястья. Холодный металл наручников коснулся моей кожи, когда голос начал зачитывать мои права.

— Не будьте с ним так грубы, — позвал агент. На его груди красовался значок: *Балдаччи*. — Адвокаты Хоторна прицепятся к чему угодно.

Во мне разгорелся гнев, но я заставил себя сдерживать его и спокойно спросил: — Могу ли я спросить, почему вы прерываете наш вечер четверга, агент Балдаччи?

— Вы арестованы по обвинению в мошенничестве, мистер Хоторн, — сказал Балдаччи.

Мошенничество? Да ладно.

Я не мог не рассмеяться.

— И кого же я обманул?

— Не думаю, что есть не повод для смеха. Это очень серьезные обвинения, — он выглядел таким самодовольным. — «Hawthorne Group».

— Вы думаете, я бы занимался мошенничеством в компании своей семьи?

Все это становилось все лучше и лучше. И подумать только, что налогоплательщики платят этим тупым ублюдкам за подобную работу.

— Я ничего не думаю. Я знаю, — улыбнулся Балдаччи. — Я бы посоветовал позвонить вашему адвокату прямо сейчас, мистер Хоторн.

Стоявший за мной агент затянул наручники, явно пытаюсь причинить мне дискомфорт. Балдаччи махнул рукой.

— Пойдемте.

Я сопротивлялся, когда агент пытался оттащить меня. Августина поднялась на ноги, на ее лице промелькнула паника.

— Рик...

— Я вернусь утром, — сказал я ей, когда агент просунул мою голову в дверной проем. — Позвони моему адвокату.

Не знаю, услышала она меня или нет, но я верил, что Августина сделает все, что в ее силах, чтобы все исправить. Даже если она все еще злилась на меня, я знал, что моя жена все равно будет на моей стороне.

КРУПНЫЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ ИЗ СПИСКА FORTUNE 500 ПРИГОВОРЕ 10 ГОДАМ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Сара Макливер

29 ноября 2013 г.

В эти выходные финансовый мир был потрясен, когда Риккард Хоторн, сын миллиардера Найлза Хоторна и наследник знаменитой империи Хоторнов, был приговорен к 10 годам тюремного заключения за мошенничество. Обвинения включали использование средств инвесторов в личных целях и манипулирование финансовой отчетностью.

Судебный процесс длился несколько недель, защита утверждала, что все эти утверждения не соответствуют действительности и что все доказательства, которыми располагали власти, были сфальсифицированы, чтобы убрать Риккарда Хоторна. Присяжные, в конечном счете, не были убеждены и вместо этого встали на сторону обвинения, которое предъявило доказательства в виде банковских квитанций, записей с камер наблюдения и показания свидетелей. Самым сокрушительным ударом по версии защиты стали показания неизвестного свидетеля, личность которого была скрыта в целях его защиты.

— Это был не более чем показательный процесс, — заявил адвокат мистера Хоторна по поводу вынесенного приговора. — Мы намерены обжаловать решение суда и доказать невиновность мистера Хоторна.

Хотя защитники мистера Хоторна продолжают отстаивать его невиновность, элитная семья Хоторнов постаралась дистанцироваться от Риккарда. Генеральный директор и отец компании Найлз Хоторн поспешил отстранить сына от руководящих должностей, выкупить его доли в компаниях и вычеркнуть его имя из публичных записей.

Мы обратились за комментариями к жене Риккарда Хоторна, но не получили никакого ответа.

Notes

[

←1

]

Благотворительная организация по оценке некоммерческих организаций, расположенных в Соединённых Штатах, и действует как некоммерческая организация

[

←2

]

Аббревиатура к *Джорджтаунская дневная школа*

[

←3

]

Короткие игры, с помощью которых можно «растопить лед» и наладить взаимодействие между участниками учебного процесса. Их используют, чтобы представить классу нового ученика, улучшить атмосферу на уроке или передохнуть после напряженной работы над заданиями.

[

←4

]

Двухсеместровый курс математики для первокурсников в Гарвардском университете, основанный Линн Лумис и Шломо Штернбергом. Официальные названия курса — Изучение алгебры и теории групп, а также изучение реального и комплексного анализа.

[

←5

]

Прим. В самом узком смысле WASP — это избранные представители богатых и породистых кланов северо-восточного истеблишмента, в широком — белые протестанты любой части Америки

[

←6

]

Историческое прозвище, данное некоторыми части Брэттл-стрит в Кембридже, штат Массачусетс, где во времена Войны за независимость в США у многих лоялистов были особняки, а другими — семи колониальным особнякам вдоль Брэттл-стрит.

[

←7

]

Сокращенно от *Стэнхоупа*

[

←8

]

Десерт, мороженое на бисквитной подложке, покрытое взбитыми яичными белками, зарумяненными в духовке.

[

←9

]

Мыслитель

[

←10

]

Эргодическая литература — когда читатель является активным участником в составлении текста. Подобно тому, как личные действия и выбор игрока влияют на сюжет в компьютерной игре, так и в эргодической литературе читатель выбирает альтернативные варианты прочтения текста, которые меняют весь сюжет.

[

←11

]

На Массачусетс-авеню, прямо напротив книжного магазина Гарварда, находятся ворота, названные в честь Сэмюэля Декстера, выпускника 1890 года. Декстер был президентом своего класса в Гарварде. После окончания учебы, он должен был стать лидером в мире. Трагически закончилась его история всего через четыре года после окончания университета, в 1894 г., когда он умер от менингита.

[

←12

]

После возведения в 1901 г. на внешней стороне ворот Декстера была высечена надпись, сделанная тогдашним президентом Гарварда Чарльзом В. Элиотом, выпускником 1853 г.: «Войдите, чтобы возрастать в мудрости». За последние 122 года десятки тысяч студентов этого учебного заведения уникальным образом выполнили эту миссию.

[

←13

]

Вязка с узором «ромбиками» из разноцветной шерсти.

[

←14

]

Primal Scream — возможность для студентов снять стресс, полученный в течении учебного семестра и расслабиться перед приближающимися выпускными экзаменами. Главной особенностью является то, что участники забега должны бежать с голыми гениталиями.

[

←15

]

Американский художник-реалист.

[

←16

]

Римский поэт.

[

←17

]

Сорт пива

[

←18

]

Двубортное пальто на тёплой подкладке с отложным воротником

[

←19

]

Британский философ, социолог, экономист и политический деятель

[

←20

]

Профессионал, притворяющийся любителем и обыгрывающий случайных прохожих в игре на мелкую ставку.

[

←21

]

Роман американского писателя Уильяма Фолкнера, написанный в стиле южной готики, впервые опубликованный в 1936 году.

[

←22

]

Набивные и тканые рисунки, имитирующие узоры кашемировых шалей

[

←23

]

Кельтский праздник окончания уборки урожая. Знаменовал собой окончание одного сельскохозяйственного года и начало следующего. Впоследствии совпал по дате с кануном Дня всех святых, повлияв на традиции народно-католического праздника Хэллоуин.

[

←24

]

Персонаж серии детских книг, написанных и иллюстрированных писателем Джонни Груллом (1880–1938)

[

←25

]

Бесконтактная смарт-карта, используемая для оплаты проезда на транспорте в районе Бостона

[

←26

]

Название пиццы адаптированное под тему Хэллоуина

[

←27

]

Пояс Адониса представляет собой V-образную мышцу, которая проходит по диагонали

от бедер к области таза

[

←28

]

Разновидность полиэстера, такая же крепкая, но при этом эластичная

[

←29

]

Главные ворота университета носят название «Johnson Gate», данное им в честь Сэмьюэля Джонсона, который пожертвовал деньги на их строительство. Войти в Гарвард можно еще через множество ворот, которые открыты в течение всего дня. Ворота Джонсона открыты лишь два раза в год: когда первокурсники поступают в университет и когда выпускаются из него

[

←30

]

Комедия Уильяма Шекспира в 5 актах

[

←31

]

Вероятно, является самой ранней трагедией Шекспира. Главный герой — вымышленный римский военачальник, одержимый мстью царице готов Таморе, которая также мстит ему. Это самая «кровавая» из пьес Шекспира

[

←32

]

Бассейн Блджетт был подарен покойным Джоном В. Блджеттом-младшим, 23-м. Он был открыт 4 февраля 1978 г., когда мужская команда Гарварда принимала Принстонский университет, и считается одним из лучших плавательных сооружений в стране для болельщиков и зрителей